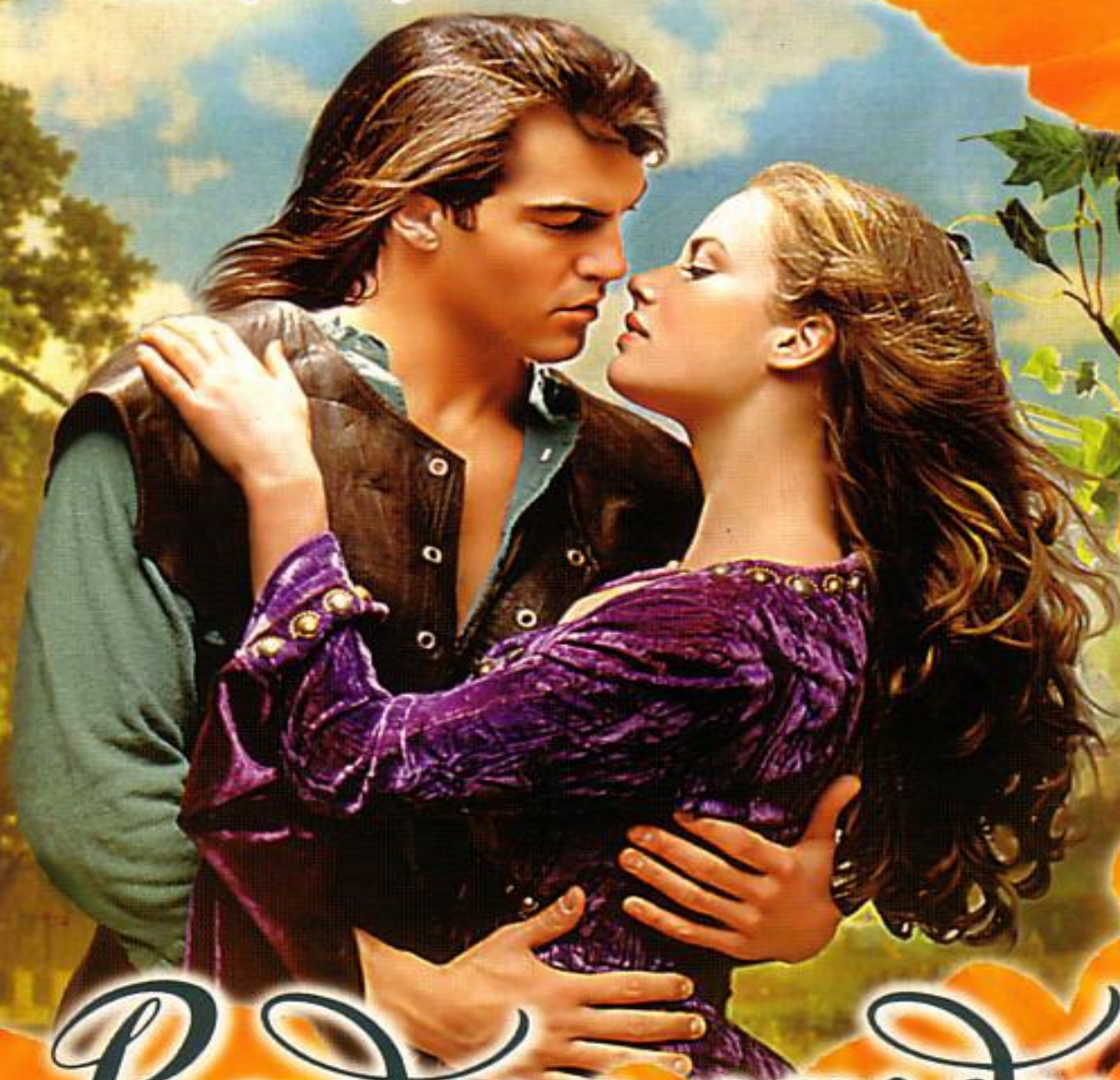

марованис

САМАНТА ДЖЕЙМС

Верное сердце

МИНИМАЛМ

Он не помнил ничего, кроме своего имени...

Для нее собственное имя стало позором и проклятием...

Она спасла его от верной гибели — но сможет ли он в час грозной опасности спасти ее?..

Так начинается странная и романтическая история великой любви, настигшей однажды прекрасную дочь предателя Джиллиан и раненого рыцаря Гарета. История тайн, загадок, приключений — и пламенной, жгучей страсти!..

Саманта Джеймс
Верное сердце

Англия, начало октября 1215 года

— Ну давайте, рассказывайте. Есть у вас какие-нибудь новости об Эллисе из Уэстербрука? — раздался властный голос Иоанна, короля Англии, последнего из отпрысков дьявола, как называли в народе мятежных сыновей Генриха Плантагенета, вечно находившихся в ссоре со своим отцом и друг с другом.

Гилберт из Линкольна нерешительно мял в руках шляпу, уставившись снизу вверх на чернородое лицо своего повелителя. Как и большинство англичан, он уже успел устать от непомерной алчности короля — ропот недовольства был слышен по всей стране. Многие из баронов Иоанна возмущались беспрестанными поборами ради пополнения королевской казны, а также требованием взяться за оружие, чтобы монарх мог вернуть свои норманнские и анжуйские владения по ту сторону Ла-Манша. В начале лета Иоанн вынужден был подписать Великую хартию вольностей, однако до сих пор не мог смириться с поражением, и его раздоры с баронами продолжали заливать кровью английскую землю. Дошло до того, что образовался заговор баронов с целью убийства короля. Однако эта затея окончилась крахом, ибо стрела, выпущенная в Иоанна, когда того хитростью заставили отделиться от своих спутников во время охоты, пролетела мимо цели — в самый последний момент его лошадь встала на дыбы. Но та же стрела поразила одного из королевских телохранителей, отправившегося на поиски своего заблудившегося монарха. Злоумышленник скрылся в чаще деревьев, поскольку лес в этом месте был особенно густым, и лишь спустя несколько недель его удалось поймать и бросить в темницу. Им оказался Эллис, лорд Уэстербрук. Однако с Эллисом находился еще один человек: перед тем как испустить последний вздох, смертельно раненный телохранитель успел прохрипеть, что убийц было двое.

Люди Иоанна поспешили увезти монарха подальше от этого злополучного места, чтобы предотвратить новые покушения на его жизнь. И именно из-за этой неудачной попытки убить короля Гилберт из Линкольна вынужден был вскочить в седло и мчаться словно одержимый почти двое суток подряд, чтобы добраться до своего повелителя. Он промок до нитки и продрог до самых костей из-за беспрестанного дождя; ручейки воды стекали с плаща прямо на тростниковые циновки под сапогами. Гилберту явно было не по душе известие, которое он намеревался передать королю, так как у него были все основания опасаться, что настроение Иоанна после этого станет столь же скверным, как и погода за окнами замка.

— Да, сир. Я принес вам новости о... об Эллисе.

Иоанн тотчас подался вперед в кресле. Этот негодяй Эллис был схвачен недалеко от шотландской границы, и король приказал доставить его в свой замок Рокуэлл, расположенный по соседству. Но несмотря то что лорд Уэстербрук охотно признал собственную вину, его упорное нежелание назвать имя своего сообщника, участвовавшего в покушении на короля, приводило последнего в ярость. Иоанн, таким образом, оказался поставленным перед дилеммой... Впрочем, ненадолго. У Эллиса, безусловно человека гордого и честного, как и у любого смертного, тоже были уязвимые места: если как следует надавить, даже самый отважный рано или поздно сломается. Иоанн уже слышал о том, как горячо Эллис любил своих детей, и именно по этой причине отправил верных ему людей в замок Уэстербрук с поручением схватить дочь Эллиса Джиллиан и сына Клифтона. Иоанн

не сомневался в том, что Эллис сразу же запоеет соловьем, как только увидит перед собой дочь и сына с лезвием меча у шеи.

— Ладно, выкладывайте все как есть! Я должен об этом знать и узнаю — рано или поздно! Эллис назвал имя другого негодяя, который пытался меня убить? Кто он? Кто этот мерзавец?

Гилберт побледнел, украдкой взглянув на двух приближенных короля — Джеффри Ковингтона и Роджера Сеймура. Здесь присутствовал также и лорд Соммерфилд, ибо в ту ночь король Иоанн решил остановиться у него в замке.

Гилберт обхватил руками колени, чтобы унять дрожь. Он опасался за свою жизнь и ничего не мог с этим поделать. Злопамятность Иоанна уже стала притчей во языцех. Если королю будет угодно, он может приказать выжечь ему глаза, отрезать нос... или придумает что-нибудь похуже. Многие были уверены в том, что не кто иной, как Иоанн приказал расправиться со своим родным племянником Артуром, герцогом Бретонским, оспаривавшим его права на трон Англии. Неудивительно, что Гилберт из Линкольна отнюдь не горел желанием явиться к королю с той вестью, которую он должен был передать ему в тот вечер.

Под испытующим взглядом Иоанна ладони Гилберта стали влажными, а на лбу выступил пот.

— Я... я не знаю, сир, — запинаясь выговорил он. — Эллис так и не успел назвать имя своего сообщника.

Улыбка тут же исчезла с лица короля. Его пухлые, униженные перстнями пальцы нетерпеливо постукивали по столу. Король раздраженно нахмурился.

— Силы небесные! Неужели среди моих слуг не осталось никого, кроме недоумков? Раз так, какого дьявола вы ко мне явились? Или он бежал?

— Нет, сир.

— Что же тогда?

Гилберт судорожно сглотнул. Он-то хорошо знал, что даже под пыткой нельзя вырвать у Эллиса признание. По правде говоря, его охватывал трепет при одной мысли о том, что пришлось вынести Эллису, ибо сам он никогда не смог бы выказать на его месте столько непоколебимого мужества и стойкости. Судя по рассказам, Эллис ни разу даже не вскрикнул...

— Он мертв, сир. Эллис из Уэстербрука мертв. Король Иоанн не произнес ни слова. Затем вскочил на ноги, глаза его пылали гневом.

— Мертв? Как так мертв? Я же приказал оставить его в живых до тех пор, пока я не вернусь, а его дочь и сына не доставят в Рокуэлл! — заорал он, не давая Гилберту вставить ни слова. — Силы небесные, кто это сделал? Какой мерзавец осмелился нарушить мой приказ? Клянусь, его голова очень скоро...

— Вы неверно меня поняли, сир, — поспешил заверить короля Гилберт, пока Иоанн окончательно не потерял самообладание. — Эллиса никто не убивал — ни ваши люди, ни кто-либо еще. Он сам покончил с собой, повесившись у себя в темнице.

На губах короля от ярости выступила белая пена.

— А его дети? — осведомился он.

Колени Гилберта снова задрожали. Король Иоанн недаром пользовался репутацией человека жестокого и беспощадного.

— Замок Уэстербрук оказался пуст, сир. Дочь и сын Эллиса исчезли бесследно. Похоже, тайно бежали оттуда ночью... вместе с большинством своих вассалов.

На один короткий миг, равный удару сердца, король уставился на Гилберта с таким выражением, что у бедняги с перепугу кровь отхлынула от лица. В голове мелькнула мысль, что Иоанн в приступе гнева представлял собой не слишком привлекательное зрелище. Нет, в этом человеке, величавшем себя королем Англии, не было ничего величественного. Губы приоткрыты в злобном оскале, черты лица искажены яростью. Иоанн не унаследовал цвет лица и волос Плантагенетов, как его белокурый красавец брат Ричард Львиное Сердце, после смерти которого единственный оставшийся в живых сын Генриха II взошел на английский престол, зато, похоже, ему и впрямь передался знаменитый темперамент его предков...

Гилберт был уверен, что негодующий взор короля вот-вот поразит его прямо на месте, обратив в груды пепла... Но тут Иоанн вдруг круто повернулся и проследовал к противоположному краю зала, отшвырнув в сторону толстой, обутой в кожу ножищей остатки еды вокруг его кресла повсюду валялись кости вперемешку с рыбьими головами и крошками хлеба. Все это время с уст его срывались самые ужасные проклятия. Пламя его гнева, похоже, разгоралось все сильнее, так что содрогались даже высокие деревянные стропила, перекрывавшие просторный зал замка Соммерфилд...

— Ей-богу, кем он себя возомнил? Ну уж нет, я не позволю ему оставить себя в дураках! Только не этому негодяю Эллису!

Приближенные короля лорд Джеффри Ковингтон и лорд Роджер Сеймур встревоженно переглянулись. Наконец Ковингтон, потихоньку встав с кресла, положил руку на плечо Гилберта и что-то тихо произнес, кивнув в сторону двери. У Гилберта хватило ума последовать совету Ковингтона. Он поспешно удалился, горя нетерпением оказаться как можно дальше от этого зала... и от своего разъяренного монарха.

Джеффри Ковингтон остался стоять на месте, слегка расставив в стороны ноги. На его широком лбу залегли складки, словно он напряженно над чем-то размышлял. Старший из двух советников Иоанна, Роджер Сеймур, провел рукой по своей лысеющей макушке, после чего сложил перед собой руки на широких коленях. Он не смел поднять испуганных глаз на разъяренного монарха.

Ковингтон, тщедушный на первый взгляд, был жилистым и выносливым, с быстрыми плавными движениями. Когда он заложил руки за спину, пламя камина отразилось на блестящей поверхности подвешенного к поясу меча. Джеффри отличался ровным нравом и спокойно выжидал, пока ярость монарха не утихнет. Наконец Ковингтон откашлялся и произнес:

— Сир...

Словно не слыша, Иоанн продолжал расхаживать взад-вперед по комнате.

— Бог ты мой, ну и мерзавец! Эллис, наверное, думал, что возьмет надо мной верх, лишив меня возможности ему отомстить. Я бы с радостью приказал вырвать ему ноздри! Выжечь глаза раскаленным железом! Отрезать ухо и послать его дочери вместо подарка! Уж тогда бы он у меня заговорил!

— Сир... — повторил Ковингтон уже громче.

— Клянусь Богом, ему не лишит меня этого удовольствия! Вы слышите меня? Не лишит!

— Сир, вам нужно успокоиться.

— Успокоиться? Как, черт побери, я могу быть спокоен? — снова взорвался Иоанн. — Замок Уэстербрук должен быть сожжен дотла! Его сровняют с землей. Проследите за этим!

Сеймур.

Сеймур наклонил голову:

— Как вам будет угодно, сир.

— Клянусь ризами Христовыми, Эллис еще поплатится за все! Он пытался обмануть меня — меня, короля Англии! — покончив с собой, чтобы я не смог установить личность того, другого человека, который хотел видеть меня мертвым. Но, говорю вам, этому не бывать! Никогда! Эллису из Уэстербрука не удастся меня провести. Он должен быть сурово наказан за измену, о Ковингтон нахмурился.

— Но как, сир? Он уже мертв. Разве это само по себе не наказание?

— Нет, только не для него! — Иоанн резко остановился. — Его дети, — заявил он решительно. — Они должны умереть.

Ковингтон и Сеймур снова переглянулись.

— Но, сир, — медленно произнес Сеймур, — старшая из них — юная девушка, а младший — всего лишь мальчик двенадцати лет от роду. Едва ли они смогут в будущем причинить вам вред...

— Не имеет значения. Потомство Эллиса должно быть истреблено на корню. Нельзя допустить, чтобы эта девица произвела на свет детей, продолжив род своего отца, так же как и ее брат. Да, все семя Эллиса должно исчезнуть с лица земли! Лишь тогда я смогу считать себя отмщенным.

Сеймур побледнел как полотно. Даже Ковингтону стало неловко. Сеймур первым осмелился нарушить молчание:

— Сир, неужели вы и вправду намерены их убить?

— А почему бы и нет? Или вы плохо меня расслышали, Сеймур? Хочу видеть их в могиле — обоих!

Сеймур положил руки на стол. Он перевел взгляд с короля на Ковингтона, затем снова на короля. На сей раз первым поднял руку Ковингтон:

— Сир, умоляю вас, не поймите меня неправильно. Я... то есть мы... ни в коей мере не оспариваем ваше решение. — Он продолжал, старательно подбирая слова: — Есть немало людей, которые до сих пор полагают, что именно вы несете ответственность за смерть вашего племянника Артура, которую оплакивал весь христианский мир. Разумеется, я знаю... мы знаем, — поспешно поправился Джеффри, — что вы понятия не имели о его исчезновении. Но расправиться с дочерью и сыном Эллиса означает навлечь на себя новые обвинения.

Иоанн уже снова опустил в кресло.

— Тогда об этом никто не должен знать, кроме присутствующих, — заявил он.

На лбу у Сеймура выступил холодный пот.

— Но, сир, — робко возразил он, — я позволю себе спросить: на кого вы намерены возложить столь тягостное поручение?

Король Иоанн хранил молчание. Его взгляд остановился на темноволосом мужчине, сидевшем по другую сторону стола — том самом человеке, в чьем замке он случайно остановился на ночь. Хотя тот за время разговора не проронил ни слова, его внимательные зеленые глаза зорко следили за происходящим.

Иоанн задумчиво поглаживал бороду. По правде говоря, он и сам затруднялся. Король никому не доверял и сам не пользовался доверием. Вопрос о том, кому поручить убийство девушки и мальчика, и впрямь был весьма щекотливым. Таковую задачу нельзя было

возложить на кого-либо из его наемников, а тем более на человека, который мог солгать, обмануть или предать его. Однако по слухам, мужчина, сидевший напротив, лорд Соммерфилд, был ожесточен и подавлен кончиной любимой жены, случившейся в самом начале этого года. Насколько было известно Иоанну, лорд Соммерфилд, охваченный скорбью, не примкнул к баронам, собравшим свою армию при Раннимиде, этим негодьям, заставившим его подписать Великую хартию вольностей. О, как Иоанн втайне ликовал, узнав о том, что папа римский Иннокентий решил дело в его пользу! Понтифик не только отверг этот документ как нелепый, но и потребовал от мятежников сложить оружие, пригрозив в противном случае отлучить их от церкви. Впрочем, даже такая угроза не помогла умиротворить недовольных баронов. Однако Иоанн по-прежнему оставался королем Англии и на сей раз твердо намерен был с ними расправиться. Осведомители доносили ему, что заговорщики снова взялись за старое и, как всегда, ожесточенно спорят между собой. Не важно. Однажды бароны *in* уже объединились против него, но больше этого не повторится. Нет, нет, он не допустит, чтобы его снова поставили на колени.

Но этот человек... этот никогда не пользовался особой благосклонностью короны, но и в опале тоже не был. Более того, он принадлежал к числу людей, не привыкших к поражениям: воинская доблесть и успехи на турнирах принесли ему славу, уступающую разве что славе Уильяма Маршалла, а также множество призов и денег в качестве выкупа. К тому же, быстро рассудил про себя король, если этот малый будет занят поимкой дочери и сына Эллиса, вряд ли он сможет примкнуть к заговорщикам.

Да, но ни земли, ни богатства не способны толкнуть такого человека на столь грязное дело — убийство детей, — он и так ни в чем не нуждался. А вот если взять его маленького сына в заложники и держать при себе до тех пор, пока поручение не будет выполнено... это уже совсем другое дело.

Сеймур и Ковингтон по очереди посмотрели в ту же сторону, что и король, остановив взгляды на мужчине за дальним концом стола — мужчине, на чье красивое лицо, казалось, набежала мрачная тень.

Иоанн улыбнулся и заговорил тихим голосом. Тс, кто хорошо его знал, понимали, что именно в такие минуты он был наиболее опасен.

— Кто больше подходит для этой цели, чем тот, кто у нас под рукой? — произнес он невозмутимо, обращаясь к хозяину замка. — Я щедро отблагодарю вас, сэра, ибо я готов позаботиться о вашем сыне до вашего возвращения.

То было скрытое предостережение... не высказанная вслух угроза. Возможно, Иоанн и понимал, что этот человек сейчас мысленно проклинал судьбу, которая привела в ту ночь короля Англии в его замок, а теперь толкала его на путь убийства, не оставляя выбора. Наверное, он считал, что поступает мудро, избегая опрометчивых союзов с другими представителями знати и не попадаясь на глаза королю. Ибо, хотя у него и было за плечами немало сражений, его никак нельзя было назвать человеком, лишенным жалости или сострадания. Но даже он не осмелится противиться монаршей воле — особенно когда на карту была поставлена жизнь его сына...

— О да, — лукаво произнес Иоанн, — кто справится с этим лучше, чем Гарет, лорд Соммерфилд?

Глава 1

В ту ночь леди Джиллиан из Уэстербрука было не до сна. Казалось, стук сердца в ее груди заглушал раскаты грома.

По слухам, это побережье, где кулак Корнуолла врезался в предательские волны моря, было самым опасным во всей стране, да и как не верить в это. Ветер выл в щелях — жутковатый звук, до странности напоминавший пронзительный стон. Ее маленький домик был прочным и сложенным на совесть из камня. Укрывшийся между отрогами пологого холма, он надежно защищал ее от непогоды. Однако, как ни старалась Джиллиан, она не могла отделаться от опасения, что сами стены вокруг нее вот-вот взмоют в воздух, подхваченные яростной бурей, бушевавшей снаружи. Будто чья-то невидимая рука свыше решила выместить свою ярость на суше и на море, и ураган, обрушившись с небес, добрался до самых дальних уголков земли.

Дрожь пробежала по телу Джиллиан. Ей и впрямь чудилось, что стены дома дрожали и сотрясались под порывами ветра. Да, этот дальний уголок Британии был суровым, неприветливым местом, беспощадным к тем, у кого не хватало сил вынести тяготы жизни здесь.

В такую же темную ненастную ночь ее отец Эллис в последний раз переступил порог комнаты дочери. Эта буря служила для Джиллиан мучительным напоминанием о той ночи, когда она была оторвана от своего дома, от всего, что было ей близко и дорого, и от своего любимого младшего брата Клифтона. Конечно, то был не первый шторм, который ей пришлось пережить за те несколько недель, что она провела здесь... О, если бы только он стал для нее последним!

На нее нахлынула грусть, столь же безбрежная, как угрюмый серый океан, простиравшийся за окном. Сердце ее переполнили рыдания, ибо каждый день здесь казался вечностью. Ноябрь уже подходил к концу, а Джиллиан по-прежнему находилась в этом Богом забытом уголке. Долго ли еще придется тут оставаться? Она опасалась, что навсегда. Как все это вынести? Как?

Убежище. Именно с этой целью брат Болдрик привез ее сюда, в свои родные места. По его словам, продолжать и дальше переезжать с места на место означало подвергнуть себя опасности разоблачения, а потому придется укрыться здесь до тех пор, пока страсти не улягутся. Ах, настанет ли когда-нибудь такой день, когда она снова сможет чувствовать себя в безопасности? Нет, подумала про себя Джиллиан, и при этой мысли внутри у нее все оборвалось от страха. Ей не видать этого дня, пока жив король Иоанн. Как она может чувствовать себя в безопасности, если она превратилась в изгоя? Если на ней лежало неизгладимое клеймо?

Совсем не о такой жизни она мечтала и даже представить себе не могла, что дойдет до такого. Воспоминания о прошлом снова захлестнули ее, а вместе с ними и щемящая тоска. Отец никогда не расставался с детьми и даже не стал отдавать Клифтона на воспитание в другую семью, как это было принято среди знати, решив начать его обучение дома, в замке Уэстербрук. Та зима, когда ее мать скончалась от неизвестной страшной болезни, оказалась тяжелой для всех троих. Джиллиан тогда было шестнадцать, а Клифтону — всего десять. Возможно, именно из-за смерти жены лорд Уэстербрук не пожелал разлучаться со своими детьми. И хотя отец время от времени поддразнивал Джиллиан, намекая на то, что пора

подыскать ей достойного мужа, по правде говоря, никаких причин для спешки не было. Джиллиан не сомневалась, что рано или поздно выйдет замуж, но она также знала и то, что отец никогда не станет навязывать ей мужа не по сердцу. Хотелось верить, что рано или поздно сказочный принц явится за ней и она будет любить его больше всего на свете. Иногда он являлся ей во сне — настоящий рыцарь, отважный, смелый, невероятно красивый, с руками, сильными и нежными, и теплыми губами, которым невозможно противиться. А его поцелуй — о, этот первый в ее жизни поцелуй, от которого захватывает дух, а по всему телу до самых кончиков пальцев бегают мурашки! Вся ее последующая жизнь будет полна любви, радости и смеха. Она будет с умилением и восторгом любоваться своими малышами, топающими по двору, ибо она уже решила для себя, что у нее будет много детей. Девочку она станет качать на руках и рассказывать ей разные истории о минувших днях. И мальчик, такой же сильный и красивый, как и его отец, вырастет честным и достойным человеком...

Но теперь пришел конец всем ее надеждам и мечтам — возможно, навсегда. Джиллиан зябко куталась в мягкую шерстяную накидку. Глупо было жалеть себя. Она уже взрослая, чего не скажешь о ее брате Клифтоне. Хотя тот и твердил упрямо, что он уже мужчина, Клифтон в действительности был всего лишь двенадцатилетним подростком.

Лишь когда первые робкие проблески рассвета озарили гряды окутанных туманом утесов на востоке, Джиллиан погрузилась в дремоту. Несмотря на ночной ураган, когда на следующее утро девушка открыла дверь, с небес лился яркий солнечный свет, такой же чистый и золотистый, как и тот, что ей приходилось видеть в северных графствах, где находился Уэстербрук. Правда, здесь, на побережье Корнуолла, не было ни сочных благоуханных полей, ни широких холмистых равнин, как в Уэстербруке. Узкая полоска берега под самым ее домиком поросла высокой травой. К северу и западу серовато-белые утесы возвышались над узкой бухточкой. Некоторое время Джиллиан просто стояла на пороге, любуясь видом. Ничего не скажешь, этому краю свойственна своя особая, суровая, первозданная красота...

Сердце у нее защемило. Джиллиан не возражала против того, чтобы самой заботиться о себе. Она не имела ничего против того, чтобы провести в этом заброшенном домике весь остаток своих дней, если бы не бури... да еще вездесущий страх.

Она опасалась отнюдь не за себя. Ее тревожила судьба Клифтона, так рано оставшегося без семьи, а также здоровье брата Болдрика, чей почтенный возраст делал путешествие сюда весьма затруднительным, хотя он никогда и ни на что не жаловался.

Болдрик впервые появился в Уэстербруке еще совсем молодым человеком и стал арендатором на землях поместья, принадлежавшего в то время деду Джиллиан. Но когда ее отец был еще юношей, внезапно грянула беда. Однажды утром, когда Болдрик отправился работать в поле, в его хижине вспыхнул пожар. Жена и четверо детей погибли в огне.

Со временем Болдрик решил посвятить свою жизнь Богу. Возможно, его привело в церковь отчаяние, но Джиллиан не сомневалась, что лишь глубокая вера могла удержать его там. Впрочем, иногда она задавалась вопросом, не воспоминание ли о жене и детях препятствовало ему принять духовный сан. Так или иначе она знала его с детства. Сколько Джиллиан себя помнила, Болдрик всегда находился рядом.

Однако она тосковала по Уэстербруку. Больше всего ей не хватало сейчас ее отца и Клифтона. Отца ей уже никогда больше не увидеть. Оставалось лишь уповать на то, что день встречи с братом недалек.

Тут она заметила знакомую худощавую фигуру, приближавшуюся по извилистой

тропинке. Мужчина был лишь немного выше ее ростом, щедушный, с выбритой тонзурой и костлявыми стариковскими плечами под темным облачением. Порой Джиллиан невольно восхищалась стойкостью и волей этого человека, нашедшего в себе силы совершить долгое и трудное путешествие сюда, в свои родные места.

— Прошлой ночью мы пережили такой сильный шторм. Вздох, вырвавшийся из ее груди, получился тревожным, однако она все же сумела через силу улыбнуться.

— Да.

Брат Болдрик присмотрелся к ней внимательнее.

— Очень сожалею, что не зашел к вам вчера. Джиллиан предостерегающе покачала головой.

— Вам не о чем сожалеть, брат Болдрик. — Она невольно чувствовала себя виноватой перед ним. Путь от небольшой деревушки, где поселился Болдрик, до ее дома был неблизким, но, несмотря на это, он часто навещал ее.

— С вашей стороны было очень любезно помочь мне с дровами и провизией. Я знаю, что это отрывает вас от ваших обязанностей при отце Эйдане.

Отец Эйдан, местный священник, был почти слеп, и по возвращении сюда брат Болдрик стал его глазами. Иногда они проводили в пути целые дни, совершая требы по всей округе, поскольку деревень здесь было мало, да и те разбросаны далеко друг от друга.

Джиллиан снова улыбнулась.

— Я в долгу перед вами, и вы сами прекрасно это знаете.

— В долгу? — усмехнулся в ответ брат Болдрик. — Мой первый долг перед Богом, а второй — перед вашим отцом, который поручил вас моим заботам, дитя мое. Так что не говорите мне больше о долге. — Он вдруг нахмурился. — У вас усталый вид, леди Джиллиан. Уж не заболели ли вы?

— Нет. Просто я плохо спала этой ночью.

— Шторм? — предположил он.

— Да.

— И не только это, готов поручиться.

— Вы правы, — призналась она. — Я очень тревожусь за Клифтона. Он еще так мал, а уже остался без семьи.

— Я понимаю ваше беспокойство, но ваш отец отослал вас обоих из замка ради вашего же блага.

Джиллиан помрачнела и посмотрела в глаза человеку в черном облачении, который привез ее сюда.

— Знаю. Но мне все равно горько думать о том, что Клифтон совсем один.

— Он не один, — напомнил ей Болдрик. — С ним Алуин, мажордом вашего отца. Мы оба знаем, что Алуин будет защищать его даже ценой своей жизни.

Слова Болдрика, хотевшего утешить ее, не могли облегчить безмерную тяжесть, лежавшую у нее на душе... Что, если дело и впрямь дойдет до этого? Что тогда станется с Клифтоном?

— Если бы только мы остались вместе!

— Это было невозможно. Ваш отец полагал, что его детям гораздо легче будет уцелеть порознь, чем вместе, и, думаю, он был прав. Нельзя рисковать тем, что король Иоанн выследит вас или Клифтона.

Брат Болдрик не стал высказывать вслух то, что они оба и так прекрасно знали. По

крайней мере если даже одного из них поймают, другой сможет спастись.

— Мне бы следовало остаться с ним. И почему только я не осталась с папой!

— Он бы никогда вам этого не позволил.

Болдрик был прав. Отец мог быть очень упрямым. И все равно воспоминание пронзало ей сердце, всю ее душу. С того самого рокового дня несколько недель назад, когда она в последний раз видела отца, она не переставала надеяться на лучшее... опасаясь самого худшего.

Увы, ее опасения оказались ненапрасными.

Вести из внешнего мира медленно доходили до этого забытого Богом уголка земли, однако в самом начале месяца брат Болдрик пришел к пей с сообщением. Среди баронов вновь вспыхнули разногласия, и уже одно то, что им удалось объединиться при Раннимиде, казалось настоящим чудом.

Однако это было еще не все. Болдрик вынужден был передать Джиллиан прискорбную новость о том, что ее отец в конце концов был схвачен и теперь его нет в живых.

Джиллиан с трудом подавила рыдания.

— Как это ни больно и каким бы слабым утешением вам это ни показалось, постарайтесь не забывать о том, что на все Божья воля, — утешал ее монах.

— Значит, по воле Божьей мой отец покончил с собой? По воле Божьей он был погребен в неосвященной земле? — Горечь разъедала ей душу.

— Я могу понять, почему после всего случившегося ваша вера должна была подвергнуться испытанию. Но умоляю вас, леди Джиллиан, не думайте так.

— Мой отец покончил с собой вовсе не из трусости или малодушия. Он свел счеты с жизнью, но не выдал разъяренному королю другого человека. Нет, мой отец не был слабым человеком — это я слаба!

— Нет, дитя мое, пет! Я горжусь вами, ибо лишь немногие смогли бы жить так, как вы, вдали от людей, в обществе одного только старика. Вы очень сильны, леди Джиллиан. И вы достойно встретите уготованное вам будущее.

Одна? Это слово словно повисло в воздухе, так и оставшись невысказанным. Сама Джиллиан, увы, отнюдь не считала себя сильной. Будучи уже вполне взрослой женщиной, она, однако, чувствовала себя слабой и беспомощной, как младенец. Слишком уж отличалось ее нынешнее суровое существование от той жизни, к которой она привыкла в Уэстербруке... На миг она задалась вопросом, каким образом Алиенора Аквитанская, жена короля Генриха, сумела выдержать шестнадцать долгих лет в изгнании. Однако дело тут было совсем не в том, о чем подумал брат Болдрик. Самым худшим здесь для нее было не столько одиночество, сколько эти бури.

— Я отправляюсь на восток с отцом Эйданом, леди Джиллиан. Давайте прогуляемся немного по берегу. Это пойдет вам на пользу.

И снова брат Болдрик был прав. Не следовало предаваться отчаянию и тревожить старика. Глубокие морщины на его умоляющем лице стали еще резче.

— Ах, брат Болдрик! Что бы я делала, не будь рядом вас, чтобы наставлять меня? — Она быстро, нежно обняла его за худые плечи. Брат Болдрик был человеком скромного происхождения: он вырос в бедности и остался бедняком по собственному выбору.

Они вместе направились по узкой тропинке, идущей вдоль берега. Бросив на ходу беглый взгляд на монаха, она спросила:

— Есть ли какие-нибудь новости о том, что происходит в королевстве?

Брат Болдрик вздохнул.

— К несчастью, все без перемен. Бароны ропщут, но король Иоанн остается непреклонным.

Нежные губы Джиллиан сложились в жесткую линию. Она была уверена в том, что в мрачной душе короля не осталось места ни для чего, кроме зла и порока.

— Иоанн — сущий дьявол во плоти. — Слезы ее тут же высохли, а глаза вспыхнули гневом. — Разве он не обещал своей матери Алиеноре Аквитанской, когда взял в плен Артура Бретонского, что молодому принцу не причинят никакого вреда? Без сомнения, он считал себя очень умным, поскольку не стал применять насилия по отношению к людям, которые были захвачены вместе с Артуром. Однако их морили голодом, а что это, если не самая настоящая жестокость? С тех пор как Артур был заключен под стражу в Руане, его никто и никогда не видел. Можно ли сомневаться в том, что его убили по приказу короля, а тело бросили в Сену? И как люди могут не знать, что Иоанн — настоящее чудовище? Он — страшный человек. А мы, его верноподданные, должны безропотно терпеть все его злодеяния! Он не заботится ни об Англии, ни о своем народе, — продолжала Джиллиан пылко, — но лишь о том, как утолить собственную алчность!

— Скорее всего мир об этом так никогда и не узнает, леди Джиллиан, и вам лучше не давать воли языку даже здесь, потому что, по слухам, у короля повсюду есть соглядатаи.

— Как можно преданно служить этому исчадию ада, ума не приложу.

— Золото может сделать многих людей покорными рабами королевских прихотей. К тому же, без сомнения, у него есть и другие способы добиться своего.

Болдрик имел в виду железный кулак страха, и они оба превосходно это понимали.

— И конечно, он не раз использовал эти способы в прошлом и не преминет пустить их в ход снова.

Брат Болдрик метнул на нее суровый взгляд:

— Умоляю вас, леди Джиллиан, оставим этот разговор... Следующих его слов Джиллиан не расслышала, ибо как раз в этот миг налетевший порыв ветра заглушил его голос, унося его высоко в небо. Шквал подхватил полы ее плаща, заставляя пышные волосы развеиваться за ее спиной, подобно стягу. Она отступила на шаг, придерживая пряжку на плаще, чтобы его не сорвало с плеч. Ее плащ, как и платье, были из простой домотканой шерсти: в ту роковую ночь в Уэстербруке у нее не было времени, чтобы собрать вещи, а отец приказал ей взять с собой теплую одежду. Она откинула назад спутанные пряди темных волос, пытаясь удержаться на ногах и перевести дух.

Все еще ловя губами воздух под ледяным жалом ветра, Джиллиан заметила, что брат Болдрик тоже внезапно остановился. Однако причиной тому был вовсе не ветер, и тут крик ужаса сорвался с ее губ...

Ночной шторм не остался без последствий.

Они как раз обогнули огромный валун, охранявший вход в небольшую бухту. Берег под ним был усеян деревянными щепками. То тут, то там виднелись клочья паруса, зацепившиеся за скалы и колыхавшиеся на ветру. И еще несколько тел, выброшенных на берег волнами.

— Ночная буря, — сказал брат Болдрик дрогнувшим голосом. — Наверное, ветер пригнал корабль слишком близко к берегу.

Не помня себя от страха, Джиллиан бросилась на колени перед телами. Ошеломленная, она всматривалась в лишенные признаков жизни лица — мертвенно-бледные и уже

тронутые тленом. Их потухшие навеки глаза были обращены вверх, к белесому от яркого солнечного света небу. Внутри у нее все бурлило и клокотало, словно океанские валы во время бури. Легко было представить себе, каким беспомощным оказалось их углое суденышко против разбушевавшейся морской стихии — поднятое на самый гребень набежавшей волны и затем сброшенное с головокружительной высоты на прибрежные камни, которые торчали из воды у самого мыса, словно кривые зубы великана. Любой корабль, каким бы прочным он ни был, разбился бы при этом, как сухое сгнившее дерево.

— Они знакомы вам, брат Болдрик? Болдрик покачал головой:

— Нет. Они не из этих мест.

Убежище, мелькнуло в голове Джиллиан. Не в поисках ли убежища эти люди обогнули мыс? Однако никому из них не суждено было спастись. Быть может, их семьи и сейчас терпеливо дожидались их возвращения, не зная о том, что все они погибли.

Джиллиан почувствовала в сердце нестерпимую боль. Глядя на нее, брат Болдрик покачал головой и мягко произнес:

— Не смотрите на них так, миледи. Помните, что на то была...

— Я знаю. Божья воля.

— Да, — через силу произнес он.

— Простите меня, брат Болдрик, но порой мне остается только поражаться тому, насколько неисповедимы пути Господни. — Джиллиан уже слышала яростный рев волн, разбивавшихся о скалы, и ее вдруг пронзило острое чувство вины, подобного которому она никогда не знала прежде. Она лежала в постели, от страха накрывшись с головой одеялом, в то время как эти люди погибали почти у самого ее порога! Был ли хоть кто-нибудь из них жив, когда грозные океанские валы вынесли их тела на берег? Ведь они были так близко от нее...

Если бы только она могла вовремя предупредить их о грозящей опасности! Если бы только она могла их спасти! Но увы, если они и были живы, ветер заглушил крики. И даже если бы она услышала их, успела бы она вовремя прийти им на помощь?

Взгляд Джиллиан остановился на человеке, глаза которого в отличие от остальных были закрыты. Не обращая внимания на влажный песок, от которого намокли ее плащ и платье, девушка присела рядом и смахнула песок с худой щеки. Несмотря на мертвенную бледность, щека оказалась не такой уж холодной. Быть может, все дело было в тепле собственной руки Джиллиан? Или в желании настолько горячем, что его легко можно было принять за правду?

— Жаль, что все они мертвы, — сокрушенно произнес брат Болдрик. — Я прослежу, чтобы их похоронили на погосте.

Джиллиан слышала его словно издалека. Все ее внимание было приковано к этому человеку. Нет, этого не может быть! У нее перехватило дыхание, сердце замерло в груди. Она могла бы поклясться, что ощутила кончиками пальцев движение. Пересилив себя, она не отдернула руку.

— Этот человек не погиб, — произнесла она слабым голосом. — Он жив... Брат Болдрик, он жив!

Глава 2

Брат Болдрик стоял словно в оцепенении, крепко вцепившись пальцами в шнуровку на своем грубом одеянии.

— Леди Джиллиан, этого не может быть. Посмотрите, его уже не спасти.

— Не говорите так! — Голос Джиллиан был твердым как алмаз.

Словно услышав ее, человек на песке чуть повернул голову. С сухих, потрескавшихся губ сорвался приглушенный стон — сдавленный, протяжный, полный муки.

Брат Болдрик, однако, все еще не двигался с места.

— Брат Болдрик, вы должны мне помочь! Кто-нибудь в деревне может помочь нам перенести его в дом?

— Да, — отозвался он прерывистым голосом. — Сыновья мельника, Эдгар и Хью. Крепкие парни, не уступят никому из своих односельчан.

— Тогда приведите их сюда, брат Болдрик, да поскорее! Болдрик не тронулся с места. Его била дрожь. Человек лежал на песке, беспомощный, без движения, но Болдрик почему-то не мог отвести от него глаз...

— Брат Болдрик!

Настойчивый призыв Джиллиан наконец-то дошел до него. Он коротко кивнул и поспешил в сторону деревни.

Когда Болдрик вернулся вместе с Эдгаром и Хью, Джиллиан выглядела почти столь же бледной, как и человек, лежавший у ее ног. Ровным голосом она приказала обоим юношам перенести потерпевшего крушение в ее домик на берегу. Вскоре пострадавший уже лежал на соломенном тюфяке в углу.

В тревожной тишине Джиллиан и брат Болдрик наблюдали, как сыновья мельника опускают несчастного на кровать. Болдрик кивнул в знак благодарности, после чего юноши удалились. Когда Джиллиан уже готова была броситься к кровати, Болдрик удержал ее за руку:

— Миледи, подождите...

— В чем дело? — насторожилась Джиллиан.

— Я считаю своим долгом напомнить вам, миледи, о том, что... мы не знаем, кто он такой. Вряд ли разумно оставлять его здесь.

— Брат Болдрик, но ведь этот человек ранен!

Болдрик спрятал руки в рукава своего облачения. Выражение его лица было серьезным и полным муки. Он уставился помрачневшим взором на незнакомца, после чего с трудом пробормотал себе под нос «да простит меня Бог» и на один короткий миг воздел глаза к небу.

— На вашем месте я бы поостерегся давать этому человеку свой кров. А если ему известно, что вы леди Джиллиан из Уэстербрука? По правде говоря, хотя я и не знаю его, меня одолевают дурные предчувствия.

Джиллиан тряхнула головой, так что темные локоны рассыпались по плечам. Нетерпеливо откинув их, она ответила с не меньшим раздражением в голосе:

— Просто невысказанно, чтобы он знал о том, кто я такая.

— А если все же знает, миледи?

— Нет. — Она явно не склонна была разделять опасения Болдрика. — Этот человек

находился на корабле, который случайно проплыл мимо, направляясь в Уэльс или, может быть, в Ирландию. Да и кому вообще придет в голову искать меня здесь, в этом отдаленном уголке Англии? Мы были очень осторожны по пути сюда, проводя ночи либо в открытом поле, либо под крышей церкви. Кроме того, я тут под чужим именем. Жители деревни даже не догадываются о том, что перед ними Джиллиан из Уэстербрука. Для них я вдова по имени Мэриан, приехавшая сюда, чтобы в одиночестве скорбеть о безвременной кончине мужа.

По правде говоря, эту легенду сочинил для нее сам брат Болдрик. Как бы ни претил Джиллиан подобный обман, в конце концов она вынуждена была согласиться, что так будет лучше для нее.

— И тем не менее я настоятельно советую вам быть осторожной.

Однако девушка оставалась непреклонной.

— Брат Болдрик, это так на вас не похоже! Вы посвятили свою жизнь служению людям. Почему же вы не хотите помочь этому человеку? Без помощи он наверняка умрет — и не исключено, что его все равно уже не спасти!

— Стало быть, такова Божья воля.

— Божья воля! Божья воля! Это как раз то, о чем вы сами мне не так давно говорили. Воля Божья вызвала этот шторм, а значит, воля Божья привела этого человека сюда.

— Пожалуй, в ваших словах есть доля правды, но все же нам с вами не следует забывать об осторожности. Я бы ни за что не позволил себе отзываться дурно о вашем отце, миледи, поскольку всегда искренне им восхищался. Но надо признать, что он поступил слишком опрометчиво по отношению к королю Иоанну. Мы привезли вас сюда в надежде спасти. Я опасаюсь за вас и за Клифтона... как когда-то опасался за вашего отца. Более того, миледи, я не могу больше от вас скрывать, что ходят слухи, будто бы король Иоанн разыскивает вас и вашего брата — чтобы убить вас обоих.

Джиллиан побледнела.

— Не понимаю, с чего бы ему утруждать себя.

— Король очень мстителен. Кроме того, он до сих пор кипит гневом на вашего отца за покушение на его жизнь.

— Но этот человек не в состоянии даже пошевелиться, — спокойно возразила девушка. — Он не причинит мне никакого вреда.

Джиллиан не собиралась уступать. Всю свою жизнь она стремилась помочь словом и делом всем, кто в этом нуждался. Неужели Болдрик не мог понять ее твердую решимость во что бы то ни стало спасти несчастного? Ибо вид его товарищей, чьи раздувшиеся, искалеченные тела лежали внизу на берегу, глубоко врезался в ее сознание — ведь ей в отличие от Болдрика не так часто приходилось смотреть в лицо смерти во всей ее суровой неприглядности. А ее отчаянное бегство из Уэстербрука — не говоря уже о разлуке с Клифтоном и недавней трагической гибели отца — вызвало в ней перемену. Хотя она всегда приветствовала брата Болдрика радушной улыбкой, в душе ее затаилась печаль. А слова Болдрика о том, что король ищет ее, чтобы убить, снова пробудили в ней страх, хотя она всячески пыталась это скрыть.

— Если бы только я не был вынужден покинуть вас прямо сейчас, сопровождая отца Эйдана! — тревожился Болдрик. — Увы, народ Англии был на многие годы отлучен от церкви папским интердиктом, и за это время многие покинули ее. Именно ради того, чтобы вернуть их в лоно истинной веры, отец Эйдан и совершает свое служение.

— И совершенно правильно. Это его долг, и ваш тоже, брат Болдрик, — смягчилась она. — А обо мне вы напрасно беспокоитесь.

— Напрасно? Вы остаетесь здесь одна с человеком, которого совсем не знаете. Зря я не приказал Эдгару и Хью перенести его в деревню!

— До деревни слишком далеко, а он, как видите, совсем плох. — Джиллиан вздернула подбородок — само воплощение достоинства и грации. — Наш поступок был не только правильным, но единственно возможным, — заявила она своим мелодичным голосом. — Я должна его спасти, брат Болдрик, и сделаю это!

Спорить было бесполезно, и в конце концов Болдрик согласился. Вздохнув, он взял обе ее руки в свои.

— Я должен поторопиться, иначе отец Эйдан решит, что я совсем о нем забыл. Не хотите ли попросить меня еще о чем-нибудь, пока я не ушел?

— Только дайте мне слово, что будете беречь себя — и отец Эйдан тоже.

— А на этот счет могу сказать вам только, что я постараюсь. Будьте осторожны, дитя мое. Будьте очень осторожны.

— Хорошо, — пообещала она. — Храпи вас Господь, брат Болдрик. — Наклонившись, она слегка коснулась губами его щеки.

Он направился к двери, но напоследок еще раз обернулся, чтобы бросить на нес беглый взгляд через плечо. Леди Джиллиан уже снова стояла у кровати, встревоженно глядя на незнакомца, на ее гладком лбу отчетливо проступали морщины тревоги. По сравнению с широкоплечим мужчиной на тюфяке она выглядела такой маленькой и хрупкой... Болдрик печально покачал головой и пробормотал тихо, чтобы она не могла его услышать:

— Мне остается лишь молить Бога о том, чтобы никогда не пришлось пожалеть о своем решении.

Джиллиан в отчаянии склонилась над раненым, и сердце ее забилось от беспокойства, ибо он оставался таким безмолвным, таким неподвижным... Страх нахлынул на нее удушливой волной. Боже правый, неужели он в конце концов умер?

Девушка быстро склонилась к его широкой груди. Ах, он все еще жив! Она слышала медленное, ровное биение сердца. Струйки воды стекали с висков на подушку под головой. То, что осталось от его одежды, промокло насквозь. Если он и дальше будет оставаться в этих лохмотьях, решила она, то, чего доброго, ему станет еще хуже.

Без долгих раздумий ее руки потянулись к его телу. В лихорадочной спешке она развязала шнуровку на его тунике и распахнула ее, открыв взору широкую грудь, после чего осторожно сняла ее — сначала с одного плеча, затем с другого и, наконец, через голову. За туникой последовали сапоги и порванные в клочья шоссы, затем после некоторой заминки ее пальцы добрались до его белья. По крайней мере оно не пострадало во время кораблекрушения. И вот он лежит перед ней совершенно обнаженный. Сейчас было не время для ложной стыдливости — ни для Джиллиан, ни тем более для пациента. Она лишней раз убедилась в этом, внимательно осмотрев его с ног до головы, отметив про себя широкую грудь с курчавой темной порослью, длинные мускулистые ноги... и неопровержимое доказательство того, что он был в полном смысле слова мужчиной.

Она невольно отвела глаза. Внешне тут все выглядело в порядке... хотя, по правде говоря, трудно сказать.

Ну а теперь его нужно было перевернуть на другую сторону.

Пыхтя и напрягаясь изо всех сил, она попыталась приподнять его, чтобы перевернуть на

живот — однако безуспешно. Отбросив назад непокорный локон, она в порыве досады раскачивалась взад и вперед. Господи, до чего же он тяжелый! Не то чтобы сама она была слабой. Несмотря на невысокий рост, она отнюдь не выглядела хрупкой. Живя в этой глуши, она привыкла к тяжелому труду. Ей приходилось носить себе воду из колодца и таскать дрова для растопки — пришлось научиться этому здесь. Нет, просто этот человек оказался для нее слишком большим!

Джиллиан прищурилась и склонила голову набок. Наконец, собравшись с силами, она приподняла его плечо и окинула взглядом верхнюю часть его тела, насколько она была в состоянии это сделать. А теперь к нижней части. Прикусив губу, Джиллиан положила руку на костлявый край его бедра и сделала глубокий вдох. Щеки ее вспыхнули густым румянцем, несмотря на то что она намеренно старалась не видеть эту часть. Робко обхватив пальцами одну обнаженную ногу, она слегка приподняла ее. По крайней мере таким способом ей удастся выявить хотя бы видимые повреждения.

Со стороны могло показаться, что на его теле живого места не осталось. Она вобрала в грудь побольше воздуха. На затылке у него виднелась огромная шишка, кожа отекала и распухла, рассеченная рваной раной с неровными краями. По-видимому, он получил во время крушения страшный удар по голове. Лицо его покрывали синяки и царапины, все тело в шрамах и порезах. Но хуже всего был содранный кусок кожи на боку, начинавшийся под левой рукой и доходивший до самой талии. Лишенная кожи плоть кровоточила. Когда корабль налетел на скалы, человек скорее всего был выброшен за борт. Находился ли он тогда в сознании? Если да, то какой же мукой должно было стать для него прикосновение соленой морской воды к его ранам! Можно было подумать, что его избili дубинкой: на нем нельзя было найти почти ни одного дюйма, который не выглядел бы истерзанным и опухшим. Его правое колено кровоточило. Сердце в груди Джиллиан болезненно сжалось. Если даже он выживет, сможет ли снова ходить?

Увы, от правды никуда не денешься. Она не была целительницей и ничего не знала ни о бальзамах, ни о настойках. Правда, она часто помогала женщинам в замке Уэстербрук, когда кто-нибудь из людей ее отца получал царапину, и знала, что раны следовало держать в чистоте и не допускать попадания в них грязи. Но ей никогда не приходилось видеть что-либо похожее на те раны, которые получил этот несчастный, и это были лишь внешние повреждения.

Не глупо ли она поступила, надеясь спасти ему жизнь? Возможно. И тем не менее, едва эта мысль мелькнула у нее в голове, подобно погребальному звону, иное чувство родилось в ее душе. Она не могла позволить себе сдаться. Он не мог позволить себе сдаться.

Джиллиан тут же вскочила на ноги и бросилась к колодцу на вершине холма. В спешке она оступилась и чуть было не покатила вниз по покрытой мхом тропинке. Быстро опустила кожаное ведро в колодец. Когда она подняла его и ухватила за кожаную ручку, пальцы ее дрожали так, что вода полилась через край.

— Спокойнее, Джиллиан, — укорила она себя сурово. — Тебе нельзя терять самообладание, иначе ты ничем не сможешь ему помочь.

Этот упрек еще не раз звучал в ее душе, пока она возвращалась в хижину, грела воду и искала чистые тряпки. Это было все, что она могла для него сделать — ни больше ни меньше. Даже если он окажется ей не по силам, ее слова, обращенные к брату Болдрику, были правдой. Если она ему не поможет — или хотя бы не попытается помочь, — он наверняка умрет.

Пальцы ее легко и быстро скользили по его телу, а глаза между тем были прикованы к его лицу, выискивая малейшие признаки жизни. Но увы, ничего не изменилось, хотя она была бы этому только рада. Если она и причинила ему боль, он ничем этого не показал. Даже когда она принялась смывать песок и грязь с открытых ран па его боку и правом колене — ах, до чего же оно оказалось неподатливым! — ее пациент даже не поморщился. Пока он лежал так без движения, она достала целебную мазь, которую раздобыл для нее брат Болдрик, когда в дороге она порезала себе ногу, и принялась втирать ее в поврежденные места. Что-то шевельнулось в ее душе, когда она закончила обмывать его и наложила повязку на искалеченное колено. Боже правый, и как только Болдрик мог даже в мыслях допустить, что этот человек способен причинить ей вред! Он был совсем беспомощен.

Отложив в сторону тряпки, она снова вернулась к раненому. Странное чувство комком встало у нес в горле. Только сейчас она осознала в полной мере, что сделала... Какая-то часть ее существа пришла в ужас. Подумать только, у нее хватило дерзости его раздеть... прикоснуться к нему... совершенно обнаженному! Хотя Джиллиан была еще молодой девушкой, абсолютно несведущей во всем, что касалось противоположного пола, она почему-то не находила это зрелище неприятным. Скорее напротив, ибо невозможно было отрицать, что он являлся во всех отношениях могучим мужчиной. Она признала, пусть и запоздало, то, что не успела заметить раньше. Несмотря на бледность, его крупное тело почти полностью заполняло собой узкое ложе, а худые, но мускулистые плечи своей шириной заслоняли от ее взора тюфяк. И она чувствовала пальцами его тугие, упругие мышцы. Да, подумала она про себя смутно, при других обстоятельствах он наверняка производил бы впечатление человека незаурядной силы.

Джиллиан поспешно нащупала грубую простыню у его лодыжек, откинув ее и заменив чистым полотенцем. Волосы его уже начали сохнуть, густые и темные, как полуночное небо. Сама того не желая, Джиллиан прикусила губу и сочувственно коснулась щеки незнакомца. В уме у нее роилось множество вопросов.

— Что привело тебя в этот отдаленный уголок Англии? — пробормотала она. — Из каких краев ты явился сюда? И каков род твоих занятий? Может быть, ты рыбак? Нет, едва ли. У тебя не такая жесткая, загрубевшая кожа, как у людей, которым приходится много времени проводить в море, на ветру и солнце. Или фермер, работающий на полях? Нет, — заключила она, склонив голову набок и глядя на пего прищурившись. — Не исключено, что тебе приходилось гнуть спину в кузнице. — И в самом деле, с такими мускулами, как у него, он без труда мог перетаскивать большие тяжести.

Однако и это предположение Джиллиан отвергла, ибо в линии губ и орлиного носа незнакомца было что-то высокомерное. Несмотря на то что этот человек не носил драгоценностей, он явно не был жалким бедняком. Достаточно было взглянуть на его сапоги: хотя и изрядно попорченные морской водой, они отличались изяществом выделки.

Джиллиан терялась в догадках. Неужели перед ней один из баронов Иоанна? Бог свидетель, алчность и жестокость короля вызывали у многих из его подданных возмущение. Возможно, этот человек, подобно ей самой, бежал, спасаясь от монаршего гнева, и был застигнут бурей.

— Кем бы ты ни был, — продолжала она, — у тебя должно быть имя. Интересно, как тебя зовут? Майкл? — Губы ее скривились в слабой улыбке, и она покачала головой. — Нет. Конечно, это прекрасное имя, но тебе оно, пожалуй, не подходит. — Она склонила голову сначала на один бок, потом на другой, присматриваясь к нему. — Тогда Уолтер.

Или Уильям. Ах, теперь я знаю! Эдвин. Да, думаю, твое имя Эдвин.

С тех пор она стала звать его Эдвином.

Ее пациент дышал... однако до сих пор не приходил в себя. Он лежал так неподвижно, что со стороны могло показаться, что он умер. Час проходил за часом, Джиллиан то и дело прикладывала ухо к его широкой груди, и лишь мерный гул его сердца свидетельствовал о том, что он еще жив. Являлся ли этот сон признаком выздоровления? Она думала или, вернее, опасалась, что нет. В течение нескольких последних недель, полных страхов и сомнений, время было ее злейшим противником. Но не было ли сейчас то же самое время ее самым верным союзником — его самым верным? «Да, — твердила себе Джиллиан. — Чем дольше он дышит, тем больше у него шансов остаться в живых».

Весь день и всю следующую ночь Джиллиан не отходила от раненого. Один час сменял другой, а она все сидела неподвижно возле него до тех пор, пока у нее не затекли колени, а глаза не разболелись от усталости. Девушка беседовала с ним о разных мелочах, обо всем, что приходило ей на ум. Ей казалось странным, с какой легкостью имя Эдвин срывалось с ее губ. Один раз она даже невольно задалась вопросом: а что, если оно и было его настоящим именем?

— Осмелюсь предположить, что ты охотник, совсем как мой отец. О, папа был большим любителем охоты, — с тоской в душе припомнила она. — Бывало, он целыми днями охотился со своим соколом. Когда мы не могли его найти, нам достаточно было заглянуть в клетку. Моя мама, когда она была еще жива, часто тревожилась, что в будущем у Клифтона просто не хватит времени найти себе невесту: мой брат почти всегда сопровождал отца на охоту.

Улыбка тут же исчезла с ее губ. Клифтон. Ее сердце обливалось кровью. Удастся ли Джиллиан когда-нибудь отыскать брата? Где он сейчас? В безопасности ли он? О, если бы только она могла знать! Но нет, она не позволит себе поддаться отчаянию. Отец умер, но Клифтон жив. Она должна в это верить. И однажды — рано или поздно — она увидится с ним снова. Джиллиан подошла к окну и приоткрыла ставни. Ветер со свистом ворвался в хижину. Джиллиан молила Бога, чтобы ночью не разразилась еще одна буря. Однако она решила не думать об этом. Девушка подбросила охапку сухих веток в очаг, после чего, с досадой откинув назад падавшие ей на глаза непокорные пряди волос, подошла к кровати.

— Сегодня опять холодно, Эдвин, — посетовала она, хотя и понимала, что раненый не мог ее слышать. — В Уэстербруке, откуда я родом, в ноябре часто бывает холодно, но не так, как здесь, — кажется, будто ледяной ветер пронизывает тебя насквозь.

Ответом на ее слова было слабое движение под одеялом. Джиллиан невольно приоткрыла рот. Да он, кажется, шевелится! Или это она, опустившись слишком тяжело на соломенный тюфяк, сдвинула его с места? Однако все вопросы отпали сами собой, когда могучая рука откинула одеяло до пояса и раненый начал метаться на постели.

— Эдвин, нет! — Это имя без долгих раздумий слетело с ее губ. — Лежи спокойно, иначе твой бок опять начнет кровоточить. Ты слышишь меня, Эдвин?.. Ты не должен двигаться!

Джиллиан хотела было снова уложить его в постель, но тут свершилось невероятное. Не успела она коснуться его обнаженных плеч, как обе ее руки оказались перехваченными. Сильные мужские пальцы неожиданно сжали ей запястья. Невзирая на недуг, сила его казалась почти устрашающей.

— Эдвин, — раздалось в тишине его приглушенное, хриплое бормотание. — Ради всего

святого, не называй меня Эдвином!

Джиллиан уставилась на него. Она была потрясена, изумлена, ошеломлена!

— К-как же тогда прикажешь тебя звать?

Он притянул ее к себе поближе — так близко, что она могла ощутить на своей коже его теплое дыхание, смешавшееся с ее собственным, и разглядеть золотистые искорки в его глазах — таких же ярко-зеленых, как лес вблизи замка Уэстербрук. Взгляд этих глаз, казалось, проникал в самую глубину ее существа.

— Гарет, — сделав над собой невероятное усилие, ответил он. — Меня зовут Гарет.

И он снова потерял сознание.

Джиллиан вскрикнула от ужаса.

— Эдвин... Гарет. — Это имя с трудом сорвалось у нее с языка, ибо она уже привыкла называть его Эдвином. Схватив его обеими руками за плечи, она встряхнула его — грубо или бережно, сама не знала, да ее это и не заботило. — Очнись, Гарет! Очнись!

Безвольная рука свешивалась с кровати. Все усилия привести его в чувство оказались напрасными. Джиллиан колебалась между приливом радости и щемящим чувством разочарования, однако все оставалось по-прежнему. Казалось, что вся сила воли разом покинула его.

Однако он приходил в себя. Он открыл глаза... и заговорил.

С чувством вновь обретенной надежды Джиллиан бодрствовала у постели больного. Несмотря на то что потусторонний мир все еще манил его к себе, девушкой внезапно овладела твердая решимость. Она не позволит смерти похитить сегодня еще одного человека.

Только не сегодня. И не завтра.

Только не этого человека.

Тут она ощутила жар, исходивший от его тела. Встревоженная, она приложила пальцы к его щеке. Та оказалась горячей на ощупь, и огонь в очаге тут был ни при чем.

— Боже милостивый, — выдохнула Джиллиан, — да у тебя лихорадка!

Неудивительно, что он пытался сбросить одеяло!

Джиллиан снова бросилась к колодцу за водой, однако на сей раз не стада ее нагревать. Вместо этого она намочила чистую тряпку и обтерла больному лицо, шею, плечи и грудь.

Казалось, в глубине его существа вспыхнул огонь, который постепенно разгорелся в пожар, бушевавший теперь под ее ладонями и перед самым ее взором. На его лбу и верхней губе выступили крупные капли пота. Кожа его теперь отливала нездоровым румянцем. Грудь вздымалась неровно, словно каждый вздох давался ему с невероятным трудом... как, впрочем, оно и было на самом деле.

Джиллиан негодовала на небеса — и еще больше на саму себя. Должно же быть что-то еще, что она могла для него сделать, но вот что? Что?

Она провела влажной тряпицей по его щеке, давая волю отчаянию.

— Ах, Гарет, Гарет! Если бы только ты мог мне помочь!

Он повернул голову, уткнувшись лицом в ткань, словно в поисках прохлады. И тут Джиллиан осенило. Не мучила ли его жажда? Безусловно, ведь за те долгие часы, что он провел в ее домике, больной ничего не ел и не пил. Она мысленно проклинала себя за несообразительность.

Конечно, в своем нынешнем состоянии он вряд ли способен есть, но если она хотя бы даст ему воды, то, возможно, позже он сможет выпить бульона, оставшегося от похлебки, которую она варила, и таким образом немного подкрепиться.

Подсунув руку ему под плечо, она приподняла голову своего пациента и поднесла к его губам кубок. Голова его покоилась у нее на ладони. Боже, до чего же он тяжел!

— Пей, Гарет, — произнесла она тихо. — Совсем немножко. Вот так...

Она осторожно наклонила кубок. Из груди его вырвался какой-то сдавленный звук, он поперхнулся и закашлялся. Джиллиан поспешно убрала кубок, расплескав, однако, при этом

половину содержимого. Ее платье было залито водой, однако девушка не обращала на это внимания. Она сменит его позже.

Не отступая перед неудачей, Джиллиан взяла ложку и опустила ее в кубок, собираясь влить жидкость по капле ему в рот. Он тут же отвернул голову, словно капризный ребенок. Губы его плотно сжались, и он упорно отказывался принимать воду. Собрав все свое терпение, Джиллиан пробовала снова и снова, задабривая и уговаривая его, пока, наконец, в порыве досады не отбросила ложку в сторону.

— Ты не умрешь, — заявила она твердо. — Я не допущу этого, слышишь? И ты выпьешь эту воду, даже если мне придется самой влить ее тебе в горло.

Откуда ей в голову пришла подобная идея, Джиллиан так никогда и не узнала. Возможно, отчаяние заставило ее извлечь ее из некоего потаенного уголка в ее сознании. Один короткий удар сердца, и она уже больше не колебалась. Прикрыв простыней его обнаженные ноги, она забралась на постель и осторожно пристроилась поверх него, так что его бедра оказались между ее коленями. Множество мыслей роилось в этот миг в ее уме. Она была искренне рада тому, что брата Болдрика не было рядом и он не мог ее сейчас видеть. При этой мысли губы ее невольно изогнулись в улыбке — и это как раз тогда, когда ей меньше всего хотелось улыбаться! То, что она собиралась сделать, казалось ей чрезвычайно интимным... и вместе с тем чрезвычайно важным.

Девушка снова протянула руку к кубку. На сей раз, однако, она подняла его высоко к своим губам, после чего наклонилась к нему как можно ниже. При этом его подбородок нечаянно задел ее собственный, и она почувствовала прикосновение колючей щетины к своей нежной коже, ибо он уже не выглядел гладко выбритым. Ощущение было странным, ибо подобная близость с любым другим мужчиной, кроме ее отца, являлась для нее чем-то совершенно новым. Однако Джиллиан не могла допустить, чтобы это стало для нее препятствием.

Сердце ее бешено заколотилось. Закрыв глаза, она приникла губами к его губам, которые оказались сухими и горячими. От этого прикосновения ее словно пронзила молния, однако за кратчайший промежуток времени между двумя вздохами, показавшийся ей вечностью, губы Гарета слегка приоткрылись, так же как и ее собственные.

Холодная жидкость потекла из ее рта прямо в его горло. Надежда снова всколыхнулась в ее груди, когда она почувствовала, как он сглотнул, а затем снова приоткрыл рот, стремясь утолить жажду.

Так ей удалось его напоить.

Так он отхлебывал жидкость из ее рта — снова и снова, словно у него пересохло в горле и теперь он не мог утолить жажду. Сначала он выпил полный кубок с водой, затем даже попробовал немного бульона. Только тогда она почувствовала себя удовлетворенной. Дыхание его теперь стало легче, и кожа казалась не такой горячей.

Тогда Джиллиан так же осторожно отстранилась от него, и рука ее сама собой потянулась к пояснице, которая вся затекла и ныла оттого, что она так долго нагибалась к больному. Прясть волос упала ей на глаза, и она нетерпеливым жестом откинула ее назад. Боже, что за жалкое зрелище она, должно быть, представляла со стороны! Платье ее мокрое и измятое, волосы, и без того непокорные, теперь превратились в растрепанную волнистую массу, рассыпавшуюся по спине и плечам. Вздохнув, девушка поднялась с постели, чтобы вернуть кубок на свое обычное место — сколоченный из грубых деревянных досок стол рядом с очагом.

Когда она снова обернулась, ее ждало жуткое зрелище.

Пациент повернул голову. Его глаза, широко открытые и обращенные в ее сторону, пылали огнем, как совсем недавно все ее тело.

— Кто ты? — потребовал он ответа. — Как твоё имя?

У нее словно язык прилип к небу.

— Я... — К ее ужасу, ей пришлось порыться в памяти, чтобы припомнить имя, под которым ее знали в деревне, — я Мэриан.

— Лжешь! — бросил он укоризненно. — Отвечай, кто ты такая?

Джиллиан не могла произнести ни слова. Ни звука. При одном виде его крепкого как сталь подбородка по ее телу пробежала легкая дрожь, очень напоминавшая дрожь страха. Выражение его лица было мрачным, глаза зловеще блестели. Она почему-то была напугана, как еще никогда в жизни. На один мучительный миг ужасное предчувствие заставило весь мир вокруг нее перевернуться с ног на голову. Что, если брат Болдрик не ошибся и этот человек знал правду — знал, что перед ним леди Джиллиан из Уэстербрука?

Она была избавлена от необходимости давать объяснения, но это обстоятельство едва ли могло ее порадовать, поскольку уже через мгновение его отяжелевшие веки сомкнулись. Гарет снова потерял сознание.

Джиллиан тут же бросилась к нему.

— Гарет! — Она схватила его за плечо. Там, где еще недавно его кожа горела огнем, теперь она была холодной как лед. Затем его начала колотить сильнейшая дрожь. Все тело сотрясалось в ознобе, словно ледяная морская вода проникла до самых его костей. Девушка едва не зарыдала от отчаяния. Сначала его бросало в жар и вот теперь в холод. Неужели он так никогда и не поправится? Неужели ему так и не суждено по-настоящему прийти в себя? Или он уже не жилец на этом свете?

Она приподняла тяжелые одеяла в изножье постели и накрыла ими раненого, но все равно он заметно дрожал. Тогда Джиллиан сделала то единственное, что, по ее мнению, могло ему помочь. Пальцы ее пришли в действие так же быстро, как и ее ум. Она стащила с плеч платье — ее мокрая одежда едва ли могла пойти ему на пользу, — после чего, оставшись в одной рубашке, забралась в постель и крепко обхватила его руками и ногами, словно хотела уберечь его, заслонить своим телом, дать ему тепло... вернуть к жизни.

Не сразу, мало-помалу, но дрожь его начала ослабевать. Дыхание, до сих пор затрудненное, стало медленным и ритмичным. Тогда она запустила пальцы в его волосы — такие мягкие, теплые, шелковистые на ощупь.

— Ну вот, — прошептала она, — так-то лучше?

Словно в знак согласия, он повернул голову, уткнувшись ей в шею.

Вечер сменился ночью, и густые тени окутали маленький домик. Прошло еще немного времени, и Джиллиан почувствовала, как ее тело начало понемногу расслабляться, руки и ноги обмякли. И почти тут же ее охватила невыразимая усталость. О да, до сих пор ей удавалось время от времени немного вздремнуть, но давно ли она в последний раз спала, и притом спала по-настоящему крепко?.. По пути сюда из-за опасений, что люди короля в любой момент могут явиться за ней, ей и брату Болдрику удавалось урвать для сна лишь пару-другую часов за ночь. Сколько времени прошло с тех пор? Несколько дней, не меньше.

Брат Болдрик оказался прав, призналась она себе сквозь сон. Ей не следовало принимать этого человека под свой кров — хотя бы потому, что теперь негде спать. Надо встать, одеться и приготовить себе постель рядом с очагом, но нет сил. Ей было так тепло и

уютно. Тем не менее она дала себе слово, что сделает это через минуту-другую.

Усталость навалилась внезапно. Джиллиан ничего не могла с собой поделать и постепенно погрузилась в спокойный благостный сон.

Его сны были совершенно не похожи на те, которые ему приходилось видеть раньше.

Ужасный скрежет, казалось, отдавался дрожью во всем его теле. Затем что-то вдруг резко качнулось под его ногами, и он, словно тяжелый куль, покатился вниз. Жгучая боль пронзила легкие, ногу, все его существо. Вокруг слышались чьи-то голоса и вопли ужаса, затем последний пронзительный крик, и наконец наступила зловещая тишина.

Происходило ли хоть что-нибудь из этого в действительности? Он надеялся — молил Бога, — что нет. Ибо он шел ко дну, погружаясь все глубже и глубже в непроглядную тьму. Со всех сторон его окружали стены ледящего холода. Затем так же внезапно его вдруг охватил сильнейший жар.

Казалось, мрак вот-вот окончательно поглотит его, а у него не было сил сопротивляться. Но тут раздался другой звук, подобного которому ему раньше слышать не приходилось. То был голос женщины, нежный, сладкозвучный, мелодичный. Женские руки скользили по его телу — маленькие, мягкие, прохладные. Теплые губы раскрылись от одного прикосновения к его собственным...

Она помогла ему удержаться в мире живых. Эти руки, этот голос стали для него единственным проблеском света в бесконечной темной пустоте.

Сознание мало-помалу покидало его, словно капли дождя под палящими лучами солнца. Запах женщины, исходившее от нее тепло подхватили его, подобно водовороту, и он чувствовал у себя под боком изящные изгибы женского тела, крепко прижавшегося к нему. Ему не нужно было открывать глаза, чтобы ощутить у себя на груди и животе мягкие колечки ее волос, словно он был заключен в шелковистый кокон. Туманы мрака снова манили его к себе, но на сей раз Гарет сопротивлялся им как мог. Он бы с радостью наслаждался ее несравненной красотой. Знакомое ощущение, но где-то в самой глубине его сознания таилась уверенность, что прошло уже много времени с тех пор, как он в последний раз лежал вот так, окутанный со всех сторон восхитительной женской наготой.

Увы, к этому наслаждению примешивалась боль. И как только он оказался вырванным из чар сна, боль снова вступила в свои права.

Женщина зашевелилась на постели. Почти против воли он открыл глаза, и тут их взгляды встретились.

Мысли Гарета спутались. Он пытался припомнить ее имя, в то время как она, судя по всему, затаила дыхание. Густые, переливающиеся в утреннем свете волнистые пряди цвета самой темной полночи падали ей на плечи и вились колечками поверх руки, вытянутой у него под боком. Она смотрела на него глазами такими же ярко-голубыми, как небо ясным летним днем, и Гарет словно онемел. Она не была обнаженной, как ему показалось вначале: сквозь тонкую ткань рубашки отчетливо проступали округлые соски. Захватывающее зрелище, и он наверняка не устоял бы перед искушением, если бы она не схватила поспешно одеяло и не прикрыла им грудь.

Господи Иисусе! Голова у него кружилась, каждый вздох причинял боль. Не слишком ли она стыдлива для девицы ее сорта? Он чуть приподнял голову.

— Силы небесные! — пробормотал он. — Надеюсь, ночное удовольствие стоило того, чтобы так мучиться этим утром.

Он произнес это почти бессознательно и сам был поражен, услышав свой собственный

прерывистый, задыхающийся голос. Губы его были сухими и потрескавшимися, словно пустыня на Востоке, в горле саднило.

И без того неправдоподобно большие глаза женщины сделались еще шире. Когда она ничего не ответила, Гарет смутно подумал про себя, уж не лишилась ли она дара речи. Тогда он попробовал снова:

— Почему ты смотришь на меня так? Или тебе до сих пор не заплатили?

Ее подбородок тут же гордо приподнялся.

— Боже упаси! — слабым голосом отозвалась она. — Я тебе не какая-нибудь... непотребная девка!

Он поднял брови, но почти тут же пожалел об этом. Боже правый, даже такая мелочь причиняла ему боль!

— Тогда как ты оказалась в моей постели?

— Нет, мой дорогой сэр, это вы лежите в моей постели! Гарет изумленно моргнул. Господи помилуй, он с трудом соображал!

— Прошу прощения. Значит, мы с тобой любовники. Она так и ахнула:

— И твоей любовницей я тоже никогда не была!

Она резко подалась вперед. Очевидно, его слова обидели ее, и теперь она намеревалась от него скрыться. Но столь же очевидным было и то, что он не мог ей этого позволить, по крайней мере сейчас.

Машинально протянув руку, он схватил в охапку прядь блестящих черных волос, после чего стиснул зубы, ожидая, пока боль, которую ему причинило это движение, не утихнет.

— погоди, — произнес он хрипло. Она так и застыла на месте.

— Отпусти меня!

— А если я не захочу?

Из груди ее вырвался глубокий прерывистый вздох. В ярко-сапфировых глазах под густыми ресницами заблестели слезы.

Гарет удивленно смотрел на нее. Его хватка, пусть даже крепкая, едва ли могла причинить ей боль: он не тянул ее за волосы, а она не пыталась вырваться. Какого же черта она тогда плакала?

Женщина потупилась.

— Пожалуйста, — произнесла она так тихо, что ему пришлось напрячь слух, чтобы разобрать ее слова сквозь шум в голове, — отпусти меня.

Его пальцы сжали в кулаке прядь ее волос, после чего он не спеша распутал их и без единого слова выпустил ее на свободу. В то же мгновение она вскочила. Ее одежда лежала на маленьком деревянном табурете у изголовья кровати. Повернувшись к нему спиной, она подняла вверх руки и надела через голову платье, которое с легким шелестом упало вниз, окутав мягкими складками бедра и ноги. Какое-то мгновение она стояла неподвижно, чуть ссутулившись. Казалось, она вот-вот бросится за дверь.

Его губы поджались. Он попытался приподняться на локте, однако жгучая боль пронзила, словно раскаленный наконечник копья, и он со стоном упал на подушку.

В мгновение ока она оказалась рядом. Маленькие руки прижали его к постели.

— Гарет, лежи спокойно! Лучше скажи мне, где болит?

— Вернее было бы спросить, где не болит. — Он попробовал приподнять голову, но потом опять уронил ее на подушку. Все тело налилось свинцом. Он чувствовал боль даже в таких местах, где никогда прежде не знал боли. В колено словно всадили разом дюжину

кинжалов. И что с ним, собственно, произошло, черт побери? Гарет заговорил, с трудом шевеля губами:

— Тебе известно мое имя. Почему же я не знаю твоего? Или я был мертвецки пьян?

— Нет! По крайней мере насколько я могу судить. Мое имя... мое имя Джиллиан. И ты сам сказал мне, что тебя зовут Гарет.

— Как я здесь оказался? И почему я чувствую себя таким разбитым?

Тонкие брови сдвинулись над изящным, чуть вздернутым носиком.

— Ты находился на борту корабля, — произнесла она медленно. — Ночью поднялся сильный шторм. На следующее утро берег был усеян мертвыми телами и обломками корабля. — При этом воспоминании она слегка побледнела. — Ты единственный уцелел. Мы перенесли тебя сюда, и я обработала твои раны.

— Мы?

— Брат Болдрик и я. Брат Болдрик состоит в качестве поводыря при отце Эйдане, местном священнике. Отец Эйдан слеп.

— Не помню никакого шторма. Не помню никакого корабля!

На ее гладком лбу залегла хмурая складка.

— Возможно, ты спал, когда началась буря...

— Нет, — перебил он ее.

Какое-то время она присматривалась к нему, после чего произнесла мягко:

— Тебе не следует торопиться с суждениями. Вспомни, что ты был болен...

— Да, в этом-то вся и трудность. Я ничего не помню! Джиллиан нахмурилась:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я... ничего... не помню!

— Но этого не может быть! — возразила она.

— Говорю тебе, так оно и есть!

— Но... но ты же сам сказал, что тебя зовут Гарет, — запинаясь пробормотала девушка.

На лбу у него выступил холодный пот.

— Да. Меня на самом деле зовут Гарет. — Он говорил с такой убежденностью, что ни у одного из них не возникло сомнений в его правоте. Внезапно он замер. — Клянусь кровью Христовой, это все, что я о себе знаю, и все, что я помню.

Он будет жить.

Именно эта мысль вызвала слезы на глазах Джиллиан, отозвавшись жгучей болью в груди. Лишь на мгновение она была уязвлена тем, что он принял ее за непотребную девку. Подумать только, она с таким нетерпением ждала, когда он придет в себя, и когда это наконец случилось, ей пришлось снести подобное оскорбление!

Джиллиан душили рыдания. Наклонив голову, она сделала над собой усилие, проглотив ком в горле. Теперь она была уверена в том, что он не умрет. Он выживет. Она не знала, почему это так много для нее значило... только правда от этого не переставала быть правдой.

«Меня зовут Гарет. Это вес, что я о себе знаю... и все, что я помню».

— Как такое возможно? — размышляла она вслух. Он коротко, сухо усмехнулся:

— Откуда мне это знать, черт возьми?

— Должно же быть еще хоть что-нибудь, — произнесла Джиллиан медленно.

— Я же говорю тебе, что нет.

— Не спеши. Лучше подумай как следует. Ты помнишь имя своей матери? Или отца?

— Нет, ничего, — заявил он не допускавшим возражений тоном. — Я не знаю ничего, кроме собственного имени. Откуда я родом, как я здесь оказался... все куда-то исчезло.

Джиллиан, совершенно ошеломленная, уселась на табурет. Смысл его последних слов отдавался эхом в ее сознании, словно беспрестанный шум прибоя на морском берегу. Боже праведный, подумала она про себя словно в оцепенении. Видно, не только его тело пострадало во время кораблекрушения, но и рассудок тоже.

— Долго я здесь нахожусь?

— Уже четвертый день.

— Ты говорила, что я был на борту корабля. Значит, мы недалеко от моря?

— Да, па побережье Корнуолла, — ответила Джиллиан, но тут же пожалела о своей откровенности.

— Да, конечно, море должно быть где-то рядом. Я чувствую его запах и слышу плеск волн. — Он зажмурился и скорчил гримасу. Когда его веки снова приподнялись, зеленые, как море, глаза остановились на ней. — Ты упоминала о шторме. Расскажи мне еще раз, что произошло.

Джиллиан подавила дрожь. Одно воспоминание о буре и о мертвых телах, обнаруженных ею на берегу, заставило ее побледнеть.

— Здесь часто штормит, однако в ту ночь поднялась страшная буря, а воды вблизи мыса очень коварны. По-видимому, капитан твоего судна не догадывался о том, что ветер несет его прямо на острые камни. Судя по обломкам на берегу, корабль разнесло на части.

Пожалуй, в ее словах есть смысл, рассудил про себя Гарет. Это могло объяснить тот страшный, раздирающий душу треск, который преследовал его во снах, а также ощущение, что он идет ко дну. Стиснув зубы и закрыв глаза, он порылся в памяти, однако не нашел там ничего, кроме множества вопросов, остававшихся без ответа. Что это был за корабль? Куда он направлялся? Может быть, он был моряком? Нет. Интуиция заставила его отбросить эту мысль.

«Меня зовут Гарет». Так же интуитивно он почувствовал, что за этим крылось нечто

большее — такое, о чем он должен был помнить, но что до сих пор от него ускользало.

Джиллиан почти физически ощущала его досаду. Он напоминал сейчас корабль без руля и без ветрил, который метался из стороны в сторону по воле волн, не зная, куда плыть. Его ранения каким-то образом повлияли на память: подобно тому как рассвет нового дня прогоняет ночной мрак, так и буря стерла все его воспоминания.

— Ты сможешь поехать?

Гарет кивнул, сопровождая свое движение слабой гримасой. И тут он, похоже, сообразил, что, если не считать прикрывавшего его одеяла, он был совсем голым. Взгляд его тут же устремился на нее.

Джиллиан судорожно сглотнула и залилась краской до самых кончиков пальцев. Все ее тело горело огнем, и она ничего не могла с собой поделать. Боже правый, она не только раздела мужчину, но и прикасалась ко всем частям его тела... или, вернее, почти ко всем. Еще никогда в жизни она не испытывала подобного смущения.

— Мне... мне нужно было осмотреть твои раны. А потом у тебя началась лихорадка, и я обмыла тебя, чтобы снять жар. — Она считала своим долгом дать ему объяснения, хотя он, по-видимому, не горел желанием ее слушать.

— Без сомнения, — произнес он, приподняв брови. — А где моя одежда?

У Джиллиан возникло тревожное ощущение, что он в точности знал, что было сейчас у нее на уме. Она прикусила губу.

— Она пришла в негодность, и я сожгла ее — все, кроме исподнего. — Она указала в сторону очага. — Вот, я положила его туда просушить.

— Тогда не была бы ты так добра передать его мне?

С пылающим лицом Джиллиан исполнила его просьбу, но у нее не хватило смелости предложить ему помощь. Пока он с трудом натягивал на себя штаны, она, повернувшись к нему спиной, пересекла комнату и занялась приготовлением пищи.

Скоро Джиллиан пододвинула к его постели табурет. Одеться стоило ему огромных усилий, все тело покрылось потом. В одной руке девушка держала миску с жидкой овсяной кашей, а в другой — ложку, явно намереваясь его кормить. Гарет угрюмо и нетерпеливо протянул дрожащую руку к ложке. Однако слабость сделала его неловким, и каша, не попав в рот, выплеснулась прямо на его обнаженную грудь. Он выругался и выронил ложку.

— Что ж, — произнесла Джиллиан сухо, — я вижу, что ты привык к изысканным выражениям.

Взяв чистый кусок ткани, она вытерла им пролившуюся кашу, задев при этом спутанные жесткие волосы у него на груди. Слегка покраснев, девушка убрала руки и снова потянулась за ложкой.

— Открой рот, — приказала она, держа перед ним ложку.

На мгновение губы его упрямо сжались, словно он собирался отказаться. Наконец он повиновался и позволил ей покормить себя, не скрывая, однако, недовольства. На лбу его проступила знакомая хмурая складка, придавая ему столь же угрожающий вид, какой у него был перед тем, как он пришел в себя.

Едва она закончила, голова его откинулась назад на подушку и он закрыл глаза. Какое-то время Джиллиан не шевелилась, взгляд ее скользил задумчиво по его лицу. Кто же он? — спрашивала она себя. Человек благовоспитанный или неотесанный грубиян? Она присмотрелась к нему внимательнее. Черные брови вразлет, немного суровая линия рта, нижняя губа чуть полнее верхней. Пожалуй, он не чужд высокомерия. Без сомнения, человек

сильных страстей. Достаточно крепок физически, иначе ему никогда бы не удалось пережить кораблекрушение. И конечно, очень горд: не желал, чтобы его кормили. Но в конце концов ему все же пришлось уступить, и уже сама по себе эта уступка свидетельствовала о такой твердости и силе духа, какой она могла только восхищаться.

Почти весь остаток дня Гарет спал. Несколько раз Джиллиан в тревоге склонялась над ним, однако дыхание его было глубоким и ровным, лоб холодным, а цвет лица нормальным.

Вечерние тени уже ложились па крышу небольшого домика, когда Джиллиан обернулась к раненому и вздрогнула, обнаружив, что он не спал. Глаза его были широко открыты и прикованы к ней. Тогда девушка наскоро приготовила ему еще одну миску каши. На сей раз никаких протестов с его стороны не последовало, хотя он, едва кончив есть, скорчил гримасу.

— Неужели у тебя нет ничего получше, чем эта размазня?

— Ты голоден?

Губы его изогнулись в слабом подобии улыбки.

— Как волк.

Джиллиан тут же повиновалась. Без сомнения, то, что к нему вернулся аппетит, было хорошим признаком, заключила она про себя не без удовлетворения. Гарет доел похлебку с хлебом, оставшуюся после ее последней трапезы. Прежде чем угас последний луч света, она перевязала его раны. Лишь однажды он испустил судорожный вздох, когда она промыла чистой водой длинный глубокий порез у него на боку. Джиллиан с облегчением заметила, что неровные края раны начали понемногу зарубцовываться, а кожа из красной сделалась бледно-розовой. Она старалась управиться как можно скорее, чувствуя, что для него это все еще являлось тяжелым испытанием. Губы Гарета были плотно сжаты, а тело напряжено, словно натянутая тетива лука. Один раз он даже невольно дернулся, когда она стала наносить мазь на рану. Лишь когда она завершила перевязку, у него вырвался вздох облегчения. Тогда она убрала бинты в шкаф и вылила остаток воды за дверь.

Наступила ночь. Скромный домик был освещен лишь золотистым пламенем очага. Гарет слегка наклонил голову в ее сторону.

— У тебя усталый вид, — заметил он.

— Да, — призналась она. — В последнее время я слишком мало спала.

— Тогда поспи сейчас. Джиллиан прикусила губу.

— Здесь только одна кровать, — произнесла она чуть дыша.

Густые брови вопросительно приподнялись.

— И?

— И она занята тобой.

— Прости меня, если я ошибаюсь, по разве ты не проснулась сегодня утром в этой самой кровати? Рядом со мной?

Джиллиан покраснела, от смущения не зная, что ответить.

— Да, по я не предполагала, что ты придешь в себя.

— И где же в таком случае ты собираешься спать, если не на кровати?

— Я лягу... на полу. Да, на полу.

— На полу? Ты не можешь там спать! — В голосе Гарета проступили властные потки. — Он сырой. Если ты заболеешь, кто будет за мной ухаживать?

Джиллиан то открывала рот, то снова его закрывала. Она уже не раз задавалась вопросом, с кем свела ее судьба, и лишь теперь ей стало ясно: он был человеком, привыкшим

думать лишь о себе и никогда о других!

— Похоже, ты привык отдавать приказы, зная, что все кругом тебе повинуются. — Джиллиан даже не пыталась скрыть возмущения.

— Может, ты и права. Но по-моему, скорее мне следует остерегаться тебя, чем наоборот.

— Остерегаться меня? У тебя нет на то никаких причин!

— А мне кажется, что причин более чем достаточно. Ты сняла с меня одежду. Ты забралась в эту постель и лежала на мне. Насколько я помню, ты прикасалась ко мне, как тебе было угодно — даже обмыла мое тело, — а я тем временем лежал обнаженный, неподвижный и беспомощный под твоими руками.

Джиллиан ахнула и отвела глаза.

— А я думала, ты совсем ничего не помнишь.

Гарет едва не застонал. Как он мог об этом забыть? Пусть даже он и потерял память, по не лишился способности чувствовать. Нет, такие вещи мужчине трудно забыть, особенно если речь шла о такой прелестной женщине, как эта. Судя по скудной обстановке, его добровольная сиделка была бедна. Жесткая постель сплетена из ивняка, подушка набита соломой. Вместе с тем ему сразу бросилось в глаза несоответствие между ее окружением и ее одеждой. Ее платье, хотя и простое, явно не принадлежало нищей. Изящно скроено и сшито из материи хотя и не роскошной, но все же достаточно дорогой. Да и черты лица ее отличались топкостью и благородством.

Видно, он и впрямь был не в своем уме, раз мог принять ее за продажную девку. Может, она была побочной дочерью какого-нибудь знатного лорда?

— Мне знакомо ощущение женского тела, — заявил он беззастенчиво. — Я знал о том, что какая-то женщина прикасалась ко мне, но я даже понятия не имел о том, что этой женщиной была ты, пока не пришел в сознание.

Подбородок Джиллиан слегка приподнялся. Судя по выражению лица, девушка испытывала смешанное чувство обиды и облегчения.

— Если бы я захотела, то могла бы спать на крыше и ты не смог бы мне помешать.

— Вот именно. А это значит, что я не способен причинить тебе никакого вреда.

— Да, — ответила она медленно, — пожалуй, ты прав. По крайней мере тут его слабость сыграла ему на руку.

Вздыхнув, он произнес:

— Тебе нечего бояться меня, Джиллиан. Можешь совершенно спокойно спать рядом.

Однако та по-прежнему не двигалась с места, не сводя с него настороженного взора. Темная щетина на подбородке придавала ему немного грозный вид, однако по краям рта от напряжения залегли глубокие складки. Он был беспомощен, как малое дитя. Неуверенность Джиллиан начала понемногу ослабевать.

— Ты прав, — наконец произнесла она и уперлась коленом в тюфяк, а он между тем осторожно отодвинулся подальше от нее.

— Превосходно, — самодовольно заметил он. — По-видимому, я умею не только изысканно выражаться, но и тонко убеждать.

Джиллиан немедленно остановилась. Она бы наверняка поднялась в тот же миг с постели, если бы не заметила лукавую усмешку у него на губах. Он еще смел над нею шутить, негодник! Улыбки его как не бывало.

— Ну же, — произнес он мягко. — Думаю, ты нуждаешься в отдыхе не меньше моего.

Только тогда Джиллиан уступила. Постель была такой узкой, что на ней едва хватало места для двоих, однако она ухитрилась скользнуть под одеяло, не задев его.

Домик уже погрузился во мрак, однако ни один из них не спал. Джиллиан почувствовала рядом с собой какой-то шорох, и затем безмолвие ночи нарушил его тихий голос:

— Я должен попросить у тебя прощения, Джиллиан.

Девушка слегка повернула голову в его сторону. В темноте нельзя было разглядеть его лица, только неровные очертания фигуры.

— Прощения? За что?

— За то, что случилось этим утром. Я не должен был принимать тебя за публичную девку.

К счастью для Джиллиан, ночная мгла скрыла густой румянец, выступивший у нее на щеках. Она не ожидала таких слов.

Тут его голос раздался снова, еще тише, чем прежде:

— Я вовсе не хотел заставлять тебя плакать.

Еще большая неожиданность. В горле у Джиллиан встал ком.

— Нет, дело не в этом, — отозвалась она чуть слышно.

— А в чем же тогда?

— Это... это трудно объяснить.

— А ты попробуй.

Джиллиан чувствовала на себе его испытующий взгляд из темноты, и на глаза ее снова навернулись слезы. Его настойчивость невольно напомнила ей о потере отца, которая до сих пор отзывалась болью в ее сердце. А Клифтон... суждено ли ей когда-нибудь снова увидеть брата?

— Когда мы нашли тебя там, на берегу, брат Болдрик думал, что ты погиб, как и все остальные на корабле. Потом ты долго не приходил в себя, и в довершение всех бед у тебя началась лихорадка. И я... — тут она не могла сдержать дрожь, — я думала, что ты...

Жесткая теплая рука легла в темноте на ее ладонь. Худые пальцы сплелись с ее собственными.

— Я не умру, Джиллиан.

Переполненная нахлынувшими на нее чувствами, на сей раз она и впрямь лишилась дара речи. Как бы нелепо это ни казалось со стороны, этот незнакомец, который больше не был для нее незнакомцем, принес ей покой и утешение...

Скоро они оба погрузились в сон. Их тела не касались друг друга... и только руки так и не разомкнулись.

— Значит, он все еще жив.

Джиллиан утвердительно кивнула, а брат Болдрик бросил беглый взгляд на приоткрытую дверь хижины. Утром со свинцово-серого неба на землю опустился тонкий белесый туман, однако день принес с собой робко пробивающийся из-за облаков солнечный свет. Яростный ветер разбивал волны о выступ мыса. Черноголовые чайки над их головами издавали пронзительные крики.

— Кто он такой?

— Его зовут Гарет.

— Гарет?

Джиллиан сделала глубокий вдох.

— Это все, что я о нем знаю... и все, что он сам знает о себе.

Понизив голос, она поведала Болдрику о том, как ее пациент провел много дней в постели, то проваливаясь в забытие, то снова приходя в себя. За последнюю неделю шрамы на его теле приобрели зеленовато-желтый оттенок, и к нему постепенно возвращались силы. Болдрик явно встревожился.

— Мне все это очень не по душе, леди Джиллиан. В чем дело? — поспешно спросил Болдрик, увидев смущение на лице девушки.

— Он знает меня под именем Джиллиан.

— О нет! Миледи, как вы могли допустить такую неосторожность?

— Я... я просто не догадалась вовремя это скрыть. Он спросил, как меня зовут, и я ему ответила, хотя и не обмолвилась ни словом о том, что моим отцом был Эллис из Уэстербрука. Кроме того, — продолжала Джиллиан с жаром, понизив голос, — мне неприятно сознавать, что жители деревни знают меня как вдову Мэриан.

— Только не говорите ему о том, что вы леди Джиллиан из Уэстербрука! Возможно, это и к лучшему, что вы не появляетесь в деревне. Местные жители уже знают о том, что вы ухаживаете за человеком, который сильно пострадал во время кораблекрушения. Я не мог держать это в тайне, поскольку Эдгар и Хью перенесли его в ваш дом. Но мы не можем рисковать тем, что кто-нибудь из них — или этот самый Гарет — начнет задавать нам лишние вопросы.

У Джиллиан защемило сердце.

— Вы полагаете, люди короля по-прежнему ищут меня?

— Да. И Клифтона тоже.

Джиллиан не сомневалась в правоте его слов, поскольку монахи часто являлись глазами и ушами народа.

— Этот Гарет — человек не из простых, — произнесла Джиллиан медленно. — Я могу судить об этом по утонченности его речи.

И не только по одному этому, вынуждена была признать она про себя. О том же свидетельствовали благородные очертания его лба, а также то внимание и сочувствие, которые он проявил к ней в ту ночь, когда, по его мнению, заставил ее плакать. И не далее как этим утром, несмотря на слабость, он попытался подняться с постели, едва увидев ее несущей дрова для растопки. Отбросив в сторону одеяло, он одним быстрым движением опустил ноги на пол, но в тот же миг побелел как полотно.

Охапка дров упала на пол. Джиллиан немедленно бросилась к нему и чуть ли не силой уложила обратно в постель.

— Я не могу тут лежать, пока ты работаешь, — возразил он.

Джиллиан принялась громко протестовать. Однако теперь, после слов брата Болдрика, у нее по спине пробежал холодок. Она вспомнила его неистовство, когда он метался в лихорадке.

«Я — Мэриан», — сказала она ему тогда.

«Ты лжешь! — укорил он ее. — Отвечай, кто ты такая?»

— Если он не из простых, — заметил брат Болдрик, — тогда у вас тем больше оснований ему не доверять.

— Брат Болдрик, — отозвалась Джиллиан мягко, — я ценю вашу преданность моему отцу, но мне все же непонятно, почему этот человек вызывает у вас подозрения.

— Стало быть, вы ему верите? Будто он ничего не помнит о своем прошлом?

— Да.

— Это может оказаться простой уловкой. Обманом!

— Вероятно, вам лучше убедиться в этом самому. — Джиллиан указала ему на дверь хижины.

Тогда брат Болдрик откинул капюшон своего монашеского облачения, и они вместе вошли в дом. Джиллиан приблизилась к постели больного. Глаза его были закрыты, однако, едва услышав ее голос, он зашевелился.

— Гарет, — обратилась она к нему без долгих предисловий, — это брат Болдрик. Он хочет с тобой поговорить.

Человек в монашеской одежде выступил вперед, а Джиллиан отступила подальше в тень.

— Брат Болдрик. — Гарет слегка наклонил голову в знак приветствия. — Джиллиан много рассказывала мне о вас.

Брат Болдрик кивнул.

— По словам Джиллиан, вы ничего не помните о своем прошлом, кроме вашего имени.

— Да, это так, — ответил Гарет.

— И вы не можете ничего сказать о роде ваших занятий?

Губы Гарета сжались в тонкую линию.

— Я могу быть кем угодно, хоть самым королем, и даже не догадываться об этом.

— Удачно выбранный предмет для разговора, — прищурился брат Болдрик. — Вы по крайней мере знаете, кто у нас король?

— Нет.

— Сейчас король Англии — Иоанн. Сын Генриха и Алиеноры Аквитанской, брат Ричарда, младший из отпрысков дьявола.

— Отпрысков дьявола... короля Генриха...

— Да.

— И брат Ричарда, — повторил Гарет, и тут в его сознании вдруг словно открылась невидимая дверь.

— Ричард Львиное Сердце! — воскликнул он. — Великан с золотистыми волосами и голубыми глазами.

— Ах, так вы его помните? Вам приходилось участвовать в Крестовом походе?

— Да, — тут же ответил Гарет.

— А как насчет короля Иоанна? — Болдрик присмотрелся к нему внимательнее.

На сей раз ответ Гарета последовал не сразу.

— Не знаю, — произнес он наконец, — хотя не могу отрицать того, что мне следовало бы об этом знать. — В его голосе проступил едва уловимый оттенок горечи. — Впрочем, у меня такое чувство, что есть много таких вещей, о которых мне следовало бы знать, но которые начисто вылетели у меня из памяти.

— Это верно, — согласился с ним Болдрик.

— Мне остается лишь надеяться, что Джиллиан была права, — продолжал Гарет тихо, — и как только я окрепну, память вернется ко мне. — Он бросил беглый взгляд на Джиллиан, и один уголок его рта слегка приподнялся. — Я очень многим обязан этой юной леди, — произнес он мягко. — Она спасла мне жизнь.

Болдрик засунул руки в широкие рукава своего серого монашеского облачения.

— У Джиллиан добрый, отзывчивый нрав. Никто не понимал этого лучше, чем ее муж.

Взгляд Гарета тут же переметнулся к брату Болдрику.

— Ее муж?

— Да. Видите ли, она вдова и до сих пор скорбит о кончине своего мужа, который разбился, упав с лошади. Как мы перенесли вас в этот дом, чтобы залечить ваши телесные раны, так и я привез ее сюда, чтобы она могла залечить раны душевные.

Джиллиан едва не ахнула. «И зачем только брату Болдрику понадобилось упорствовать в чудовищной лжи? — спрашивала она себя в порыве негодования. — В этом не было никакой нужды. Никакой!»

Она невольно содрогнулась под взглядом Гарета, мимолетным, но полным проникновенной силы.!!!

— Так это вы привезли сюда Джиллиан?

— Да. Ей хотелось в уединении выплакать свое горе. — Болдрик приподнял брови. — У вас есть жена, сэр?

Гарет отрицательно покачал головой:

— Нет. Я это чувствую. — Его взгляд снова обратился на Джиллиан. — Жаль, что такая молодая женщина уже осталась вдовой. Возможно, это и к лучшему, что судьба занесла меня в эти края, поскольку теперь ей не придется коротать свои дни в одиночестве.

Брат Болдрик вскинул голову. Довольно долго двое мужчин настороженно присматривались друг к другу.

— Желаю вам скорейшего выздоровления, — произнес наконец Болдрик с натянутой улыбкой. — Без сомнения, вам не терпится встать на ноги. Когда это произойдет, возможно, вы вспомните прошлое и поспешите вернуться в свой дом, где бы он ни находился. — Он отвесил Гарету поклон и отступил к двери.

Джиллиан вышла вслед за ним на порог. Не дав ей заговорить, брат Болдрик поднял руку:

— Я знаю все, что вы хотите мне сказать, дитя мое. Вы уверены, что я ошибаюсь. По правде говоря, я и сам не знаю, что думать об этом человеке, который называет себя Гаретом.

— А я не знаю почему, но мне все же кажется, что он человек чести.

— Вполне возможно, что он и впрямь человек чести. Однако в его манерах, в посадке его головы есть нечто, наводящее меня на мысль, что этот Гарет — мужчина смелый и отважный до дерзости. Рыцарь, состоящий на службе у могущественного и знатного лорда... может быть, даже у самого короля.

— Но ведь он даже не знает, что короля зовут Иоанном! — запротестовала Джиллиан.

— Так утверждает он сам. Однако он вспомнил короля Генриха и короля Ричарда. А это означает, что вам ни в коем случае не следует говорить ему ни о том, кто вы такая, ни о том, что в действительности привело вас сюда. Ваш отец всегда резко отзывался о короле, и чем меньше вы будете рассказывать Гарету, тем лучше.

Это было чистой правдой. Ее отец не стеснялся в выражениях, когда речь шла об Иоанне, с того самого дня, как тот унаследовал престол. Эти никому не нужные междоусобные войны, эти беспрестанные требования все новых и новых налогов с народа Англии...

— Мы не имеем права быть беспечными, леди Джиллиан. Вам нельзя так слепе доверять первому встречному. Слишком многое поставлено на карту.

Яростный порыв ветра трепал полы ее юбки. Хмурое небо предвещало ненастье. Черные

грозовые тучи нависали низко над зыбкой поверхностью моря — напоминание, вызывавшее в ее груди сладкую горечь...

Ах, если бы только отец не был несправедливо обвинен! Тогда он и теперь был бы жив... и ей не пришлось бы поселиться здесь, на этом штормовом побережье, где бури, ветра и дожди были самым обычным явлением.

Весь мир вокруг нес, казалось, покрылся мраком. Всем ее существом овладела печаль. Когда-то она была полна самых радужных надежд и с присущей юности надеждой смотрела в будущее. Но сейчас мысли о будущем не приносили ей ничего, кроме душевных мук и страха. Брат Болдрик считал ее сильной, однако самой Джиллиан казалось, будто ее воля была скована множеством невидимых пут, причинявших ей боль.

Не забыть той унылой сентябрьской ночи, когда она в последний раз видела своего отца. За окнами слышались раскаты грома, яростный ливень обрушился на стены Уэстербрука, когда Эллис среди ночи ворвался в ее спальню. Его последние слова навсегда запечатлелись в ее памяти.

— Я подвел тебя, дочка, — произнес он со слезами на глазах. — Я подвел и тебя, и Клифтона. Умоляю тебя, прости, ибо сам я никогда не прощу себя за то, как я поступил с детьми, подвергнув вас обоих такой опасности.

Джиллиан тут же поняла, что случилось нечто ужасное.

— Папа, — вскричала она, — в чем дело?

— Последние несколько дней король гостил у Уильяма де Врие, — с трудом произнес отец.

— Да, я об этом слышала.

Уильям де Врие был бароном, чьи земли примыкали к Уэстербруку с востока. Супруга короля, Изабелла, была крестной матерью старшего сына четы де Врие.

— Сегодня в лесу на жизнь короля Иоанна было совершено покушение, — продолжал лорд Уэстербрук, не смея взглянуть в глаза дочери.

И тут Джиллиан все поняла. В этом покушении был замешан ее отец. Человек прямодушный и смелый, лорд Уэстербрук всегда откровенно высказывал свое мнение, не скрывал презрения к королю Иоанну почти с первого же дня его пребывания на троне и теперь решил вмешаться в ход истории. Ею овладел приступ удушливого страха.

— Папа, — прошептала она в ужасе. — Папа, нет! О Господи, только не говори мне, что это сделал ты!

Он медленно поднял голову, и в его глазах, так похожих на ее собственные, отразилась безмерная боль.

— Да, Джиллиан. Я выпустил ту стрелу, однако она прошла мимо цели и вместо короля поразила охранника. Ах, какую же глупость я совершил! Я понял это только теперь, когда уже поздно что-либо менять. Тогда же я думал лишь об одном — насколько будет лучше для всей Англии, если она освободится из-под ига Иоанна, ибо его правление не принесло народу ничего, кроме постоянного брожения и бурных страстей. Слишком многие возмущены и доведены до крайности его алчными требованиями все новых и новых налогов и призывами к оружию, чтобы король мог вернуть себе земли по ту сторону Ла-Манша. — На его лице отразилась безмерная мука. — Я был вне себя от гнева, когда даже Великой хартии вольностей оказалось недостаточно, чтобы урезать королевские привилегии Иоанна. Боюсь, это только укрепило в нем решимость вытянуть из несчастного народа Англии все до последнего пенни. Ходят слухи, будто король ищет себе наемников во Франции, обещая

отдать им наши родовые земли и замки, если те помогут нанести поражение тем, кто объединился против него при Раннимиде. — Эллис покачал головой. — Но увы, бароны не способны договориться между собой. Я был убежден, что проще всего будет устранить Иоанна прямо сейчас, а тут еще представился такой удобный случай... Ах, Джиллиан, я думал лишь об успехе и никогда — о неудаче. Излишнее рвение сделало меня опрометчивым. А теперь, хотя вы с Клифтоном ни в чем не виновны, боюсь, я сам подписал вам приговор до конца ваших дней.

Джиллиан, онемев от ужаса, слушала отца. Он взял ее за руки:

— Мы в опасности — все трое. Я знаю короля и уверен, что он не успокоится до тех пор, пока не найдет всех виновников покушения. Но больше всего я опасаюсь, что Иоанн решит выместить свой гнев на тебе и Клифтоне, поскольку король вспыльчив и очень злопамятен. Поэтому мы должны бежать.

— Что, прямо сейчас? — Ее тревожный взгляд скользнул в сторону ставней. Она с детства терпеть не могла гроз, но теперь, словно для того чтобы подчеркнуть ее вопрос, ослепительная вспышка молнии рассекла небо и сами стены ее спальни, казалось, сотряслись от раскатов грома.

— Да, дитя мое. Другого выхода нет. — Он обнял дочь за плечи. — Но нам нельзя оставаться вместе, Джиллиан. Я поручил Клифтона заботам Алуина, ибо мне известно, что он готов защищать моего сына даже ценой жизни. Они уже покинули замок.

— И куда они направились?

— Тебе лучше об этом не знать, — ответил он мягко. — Брат Болдрик ждет тебя в конюшне. Возьми с собой теплую одежду и плащ. Для остального сейчас нет ни времени, ни места.

Джиллиан все еще не могла прийти в себя после случившегося. Один короткий миг навсегда изменил ее жизнь.

— А ты, папа?

— Как только вы с братом Болдриком выедете за ворота, я тоже отправлюсь в путь.

— Один?

— Да, так будет лучше.

— Папа, нет! — в отчаянии взмолилась она. — Позволь мне остаться с тобой и помочь тебе!

— Нет, Джиллиан. — Лорд Уэстербрук оставался непреклонным. — Так должно быть и так будет. По крайней мере если одного из нас схватят, остальным удастся уцелеть. — Он погладил ее по щеке. — Будь осторожна, дитя мое. Не доверяй никому, кроме брата Болдрика. Если удача мне улыбнется, я смогу разыскать тебя и Клифтона.

Однако его надеждам не суждено было осуществиться. Как и ожидал Эллис, он был выслежен и пойман людьми короля. Его судьба была предрешена.

Отец Джиллиан был не единственным участником рокового покушения на жизнь короля. Он кого-то прикрывал, но кого? Кого?

— Я о том, другом убийце, — произнесла она медленно. — Королю удалось установить его личность?

Болдрик вздохнул: — Кажется, я и сам не знаю, надо ли видеть в этом благословение или проклятие. Ваш отец отдал свою жизнь, защищая другого человека, но стоило ли? Да простит меня Бог, но порой я задаюсь вопросом, не была ли жертва Эллиса напрасной. — Он покачал головой. — Перед тем как отойти в мир иной, охранник короля успел сообщить,

что видел на месте покушения двоих. А если он ошибся? Что, если там, в лесу, был только один человек?

— Мой отец.

Болдрик поморщился, словно от внезапной боли.

— Да. Что, если охранника подвели глаза?

Так же тихо Джиллиан ответила:

— Нет, они его не подвели.

Брат Болдрик как-то странно посмотрел на нес.

— Почему вы так говорите? Как вы можете быть в этом уверены?

— За день до покушения на короля я зашла к отцу поговорить. Я думала, что он один, однако с ним был еще один человек, скрытый от меня портьерой. Я слышала, как папа говорил что-то о короле и о предстоящей охоте.

В поблекших голубых глазах брата Болдрика появился страх.

— Леди Джиллиан, только не говорите мне, что вам известно имя того человека... что вы знали его с самого начала!

— Нет. Я видела лишь чью-то тень, но у меня возникло ощущение, что этот человек мне не знаком.

Однако это было еще не все, ибо некая смутная догадка не давала ей покоя. Уже не раз у нее возникало безошибочное ощущение, что существовало нечто очень важное, касающееся той встречи, о чем она должна была помнить, однако, как она ни старалась, ничего не приходило в голову. Да, пожалуй, она была ничем не лучше человека, лежавшего сейчас в ее постели!

— Мне стало любопытно, — продолжала Джиллиан, — и вскоре после того случая я спросила у папы, кто был с ним в приемной. Он не на шутку рассердился и строго-настрого приказал мне никому об этом не говорить.

— Ни в коем случае! — произнес брат Болдрик изменившимся голосом. — Никому ни слова об этом, леди Джиллиан. Никому! Слава Богу, он вам не знаком... вы его не запомнили... потому что иначе вы подверглись бы еще большей опасности.

Джиллиан присмотрелась к брату Болдрику внимательнее. Только ли сумерки и надвигающаяся гроза были причиной того, что его лицо приняло зловещий пепельно-серый оттенок? Она все еще раздумывала над его словами, как внезапный приступ сухого кашля заставил его согнуться.

Джиллиан схватила его за руку:

— Брат Болдрик, с вами все в порядке?

Приступ миновал не сразу, он смог наконец выпрямиться, перевести дух и заговорить:

— Все уже прошло, дитя мое. Не беспокойтесь. А теперь мне пора идти.

— Только не сейчас! — взмолилась она. — Прошу вас, брат Болдрик, зайдите в дом и переждите там, пока не кончится гроза, а уж потом возвращайтесь в деревню.

Она не спускала глаз с монаха. Его внезапная бледность объяснялась не тревогой, как ей показалось сначала, а болезнью.

— Нет. Отец Эйдан будет меня ждать.

— Брат Болдрик, вы же больны!

— Нет, — возразил он. Джиллиан вцепилась в его рукав, однако Болдрик оставался непреклонным. Он расправил плечи, что заставило его казаться немного выше, и в этом движении Джиллиан уловила признаки упрямства, которое проявлялось крайне редко.

— Это всего лишь кашель, небольшая простуда, — отмахнулся он от расспросов. — Вам не о чем тревожиться, дитя мое. Те долгие дни, что я провел в странствиях вместе с отцом Эйданом, были холодными и дождливыми. Я совершенно здоров, — заверил он ее. — А теперь, леди Джиллиан, ступайте и займитесь вашим пациентом. Он куда ближе к могиле, чем я.

Но Джиллиан внезапно застыла на месте, пораженная ужасом, острая боль пронзила все ее существо. Возможно, это и выглядело со стороны ребячеством, но ей вдруг показалось, что мир, в котором так спокойно и безмятежно протекала вся ее прежняя жизнь, вдруг рухнул; так оно и было на самом деле. Отец был навсегда потерян для нее и, по всей вероятности, Клифтон тоже. Брат Болдрик — вот все, что осталось у нее от прежнего мира. Она не могла потерять и его! Однако никакие доводы не способны были разубедить монаха. Она приподнялась на цыпочки и поцеловала старика в щеку.

— Берегите себя, брат Болдрик, иначе я позабочусь об этом сама, не спуская с вас глаз ни днем, ни ночью, — предостерегла она его с притворной строгостью.

В ответ у него вырвался хриплый смешок.

— Охотно вам верю. — Улыбка на его лице померкла. — Когда приду в следующий раз, то принесу ему одежду. — Он перевел взгляд с хижины на девушку. — Помните, леди Джиллиан, нельзя быть слишком доверчивой.

Смысл его последних слов не ускользнул от нее. Джиллиан долго стояла неподвижно, глядя, как брат Болдрик пробирался через заросли высокой травы к тропинке, петлявшей между скалами.

Отец во время их последнего разговора настаивал на том же. «Будь осторожна», — сказал он ей тогда.

Ею овладело зловещее предчувствие. В ее воображении снова всплыл образ Гарета — темные волосы, проникновенный взгляд зеленых глаз... Какую роль этому человеку суждено сыграть в ее жизни, если вообще суждено? Сможет ли он когда-нибудь снова обрести утраченное прошлое? Что до его будущего, внезапно подумалось ей, то он мог смотреть в него не с большей уверенностью, чем она сама.

Ни у кого из них не было выбора. Ей оставалось лишь ждать — ждать того, что готовила ей судьба. Ей и Гарету.

— Он мне не доверяет. И похоже, я ему не нравлюсь, — заявил Гарет решительно, едва Джиллиан успела переступить порог дома. Было очевидно, что он имел в виду брата Болдрика. Девушка поспешно прикрыла дверь, после чего повернулась лицом к своему пациенту.

Гарет уселся на постели, опираясь на подушки. Угрюмую линию его губ не смягчало даже слабое подобие улыбки.

Джиллиан задумалась над его словами, не будучи уверенной в том, что ему ответить.

— На то есть свои причины, — произнесла она наконец.

— И какие же?

Ах да. Ей бы следовало предвидеть, что он станет настаивать.

— Я знала брата Болдрика с самого детства. Он служил моей семье еще задолго до того, как я появилась на свет. Он заботился обо мне после смерти моего отца...

— И твоего мужа, без сомнения, — вставил Гарет многозначительным тоном. В его голосе проступили холодные нотки, и Джиллиан сразу почувствовала себя неловко.

— Да, — вынуждена была солгать она. Уголки губ Гарета поползли вниз.

— У него нет никаких оснований не доверять мне.

— Он относится к тебе настороженно, поскольку ты чужой в этих местах.

— Разве в обязанности священника не входит...

— Брат Болдрик не священник. Он всего лишь послушник, посвятивший свою жизнь Богу. После гибели жены и детей много лет назад он решил стать служителем церкви.

— Как раз об этом я и говорю. То, что он не принял духовный сан, ничего не меняет. Он носит монашеское облачение, а разве не прямой долг служителя Божьего быть милосердным к другим людям? И хотя ты сама утверждаешь обратное, я не заметил в нем ни намека на сострадание или всепрощение.

Джиллиан не могла привести в защиту брата Болдрика никаких доводов, кроме одного.

— В последнее время по всей стране зреет недовольство, — пробормотала она.

Гарета удовлетворило такое объяснение. Брат Болдрик призывал ее быть крайне осторожной, и потому Джиллиан лихорадочно соображала, не зная, что именно можно открыть Гарету без ущерба для себя.

— Немало людей не слишком расположены к королю Иоанну, — заметила она осторожно, — и опасаются, что у него есть осведомители во всех уголках королевства. Народ Англии уже устал от его беспрестанных поборов, и очень многие считают, что короля мало заботит Англия и все, что ему нужно, — это пополнить свою казну, чтобы он мог вернуть потерянные норманнские владения.

— Такие наступили времена. Преданность столь же непостоянна, как ветер, и каждый отвечает сам за себя.

Последнее замечание оказалось на удивление точным, и Джиллиан кивнула.

— А мой отец, бывало, говорил, что всю страну словно накрыло большим мрачным облаком.

— Стало быть, король Иоанн не пользуется любовью своих подданных.

«Вернее, они его презирают», — едва не вырвалось у нее. Джиллиан бросила беглый взгляд на настороженное лицо Гарета. Слова брата Болдрика снова вспомнились ей: «Вам

нельзя быть слишком доверчивой». Она заколебалась, не решаясь ответить Гарету ни «да», ни «нет».

Он указал ей на табурет рядом с кроватью.

— Расскажи мне подробнее о том, что ты знаешь. Джиллиан, шурша юбками, повиновалась.

— Я тогда была еще слишком молода, чтобы помнить все до мелочей, но после кончины архиепископа Кентерберийского между Ватиканом и королем Иоанном возникли серьезные разногласия.

Гарет поднял руку.

— Архиепископ Кентерберийский, — повторил он. — Если не ошибаюсь, им был тогда Хьюберт Уолтер?

— Да. Папа Иннокентий отказался утвердить на этом посту кандидатуру монахов — Реджинальда, но и выбор короля Иоанна — епископа Норвичского — он тоже отверг, предпочтя ему Стивена Лангтона. Иоанн же поклялся ни за что не позволить Лангтону вступить на английскую землю. И когда король отказался уступить, папа наложил на Англию интердикт.

— И двери церквей были запорты и опечатаны, — мрачным тоном закончил Гарет. — Колокола перестали звонить, алтари были занавешены, и вся церковная утварь убрана. Но в конце концов Иоанн вынужден был принести присягу на верность Риму и Хьюберта Уолтера объявили архиепископом.

— Да, — подтвердила Джиллиан. — Похоже, ты знаешь намного больше, о последствиях интердикта, чем я.

Последовало продолжительное молчание. Взгляд Гарета был устремлен через всю комнату на сгустившиеся тени. Во всей его фигуре чувствовалась глубокая печаль.

— Как такое может быть? — произнес он мгновение спустя. — Я знал все эти подробности, и в то же время мое собственное прошлое ускользает от меня. Явился ли я сюда с севера, с юга, или, быть может, из Лондона? — Он замер, потом сказал: — Я был в Лондоне. Да-да, я там был — и город мне сразу не понравился. Дома громоздятся друг на друга, улицы узкие, грязные и пахнут, как конюшня, давно не чищенная. — Он стиснул зубы. — О Господи! Неудивительно, что брат Болдрик сомневается в каждом моем слове.

В его голосе слышалась такая невыразимая мука, что у Джиллиан сжалось сердце от сострадания.

— Должно быть, тебе тяжело сознавать, что ты не можешь ничего вспомнить.

— Иногда я просто не могу думать ни о чем другом. Я прилагаю столько усилий, что у меня начинает болеть голова. Мне неприятно чувствовать себя таким беспомощным. Мне кажется... — Тут он сделал раздраженный жест рукой. — Ох, я не знаю, как тебе это объяснить. Словно кто-то приставил лезвие меча к моему горлу, а я не в состоянии за себя постоять. — Он окинул себя взглядом с головы до ног, и губы его скривились в горькой усмешке. — Ты только посмотри на меня! Если кто-нибудь ворвется сейчас в эту хижину, тебе придется защищать меня!

Джиллиан слабо улыбнулась. Как это похоже на мужчин — уподоблять любой намек на слабость битве! Неужели так уж унижительно быть в долгу у женщины? И тем не менее она понимала, почему он чувствовал себя уязвимым. Она чувствовала его беспокойство, досаду на свой недуг...

Тут ее улыбка вдруг погасла.

— Ты хочешь вспомнить, — произнесла она тихо, — но порой мне кажется, что лучше обо всем забыть.

— Так вот почему ты не сказала мне ни слова о том, что ты вдова?

Она растерянно посмотрела на него, не зная, что сказать. Нс дожидаясь ответа он тут же задал ей другой вопрос:

— Как его звали?

— Его? — эхом отозвалась она.

— Да. Твоего мужа.

Тут ее охватил настоящий ужас, ибо, как ни прискорбно, Джиллиан оказалась совершенно не готова отвечать. И зачем только брату Болдрику понадобилось упорствовать в своей чудовищной лжи?

— Э-э... Озгуд. — Помоги ей Боже, но никакого другого имени ей в тот миг в голову не пришло!

— И сколько времени прошло с тех пор, как его не стало?

— Полгода, — ответила она быстро. Не слишком ли быстро? Девушка затаила дыхание, ибо ее собеседник, похоже, не собирался отступать.

— Это правда, что ты все еще оплакиваешь его? Джиллиан вдруг вспомнила об отце. Внезапные слезы затуманили ей глаза, сердце снова переполнилось горечью невосполнимой утраты. Она не смогла произнести ни слова из-за внезапной жгучей боли, сдавившей ей горло.

— Да, я вижу, как велика твоя скорбь, — отозвался Гарет. Отвернувшись, она произнесла чуть слышно:

— А разве настоящая скорбь бывает иной?

— Нет, наверное.

Это казалось необъяснимым, но ее последнее замечание пробудило в нем какое-то странное чувство, внезапно охватившее все его существо. В глубине души он был уверен, что ему когда-то тоже пришлось перенести утрату не менее тяжелую, чем утрата Джиллиан. Однако это ощущение оказалось столь же смутным, как и остальные его воспоминания, и потому нс пробудило в нем боли.

До них донесся отдаленный раскат грома — предвестник надвигавшейся грозы. Джиллиан невольно вздрогнула.

Буря была уже где-то совсем близко. Гарет нахмурился.

— Ты совсем продрогла. — Он бросил взгляд наружу, где на землю уже опустилась ночная мгла, и приподнял уголок мехового покрывала. — Лучше ложись в постель. Здесь гораздо теплее.

Просьба его могла бы показаться вполне невинной, принимая во внимание то, что они провели вместе всю минувшую неделю, не расставаясь ни днем, ни ночью. Однако сердце Джиллиан бешено забилося. Она вдруг осознала с особой остротой, что он был мужчиной, а она — женщиной и они находились здесь совсем одни. А она прекрасно знала, чем обычно занимались мужчины и женщины, когда оставались ночью одни. Так же как, без сомнения, и Гарет, хотя он до сих пор ни разу не выказывал подобных намерений — по крайней мере по отношению к ней. Она никак не хотела признаваться себе, что Гарет, бесспорно, был самым привлекательным мужчиной из всех, кого ей приходилось встречать. Черные волосы падали на лоб, придавая ему щеголеватый вид. У него был твердый подбородок, орлиный нос и брови такие же темные, как и волосы. А эти зеленые глаза под густыми ресницами не давали

покоя Джиллиан. Да, он действительно был красив — и не только лицом, но и статью...

Он слегка подался в ее сторону, озаренный бликами мерцающего света, и уже по одному этому движению можно было судить о его физической силе. На могучей груди виднелась темная поросль. Джиллиан уже была хорошо знакома с его крепкими, тугими мускулами и широкими плечами.

В горле у нее вдруг пересохло. В самом деле, подумала она, внутренне содрогнувшись, осталось ли в нем хоть что-то, чего бы она не заметила? Взгляд ее обратился на его лицо, черты которого даже сейчас, в минуту покоя, обладали поразительной притягательностью, и затем остановился на красиво очерченных губах. Джиллиан в смущении отвернулась, чувствуя, как все ее тело обдает жаром при одном воспоминании о том, как она дала ему пить... воскрешая в мыслях с особой болезненной остротой ощущение его мягких губ под ее собственными.

— Я не могу. — Джиллиан поднялась с места так внезапно, что опрокинула табуретку, и отступила на несколько шагов.

— Разве мы не говорили об этом раньше?

— Да, но теперь все изменилось.

— Изменилось?

— Я не должна лежать рядом с тобой.

— Из-за Озгуда?

Озгуд? На какой-то миг она выглядела растерянной.

— Нет, — выпалила она в ответ не задумываясь. Глаза его превратились в щелочки, и он смерил ее спокойным оценивающим взглядом.

— А, теперь я начинаю понимать. Это все из-за появления нашего достойного брата сегодня вечером, не так ли?

Джиллиан не нашлась с ответом.

— До сих пор ты каждую ночь спала рядом со мной и не совершила никакого греха. Мы оба не совершили никакого греха, — подчеркнул он. — С чего бы вдруг тебе становиться такой набожной и добродетельной?

Приступ гнева пронзил ей сердце, словно острие кинжала.

— Только не говори мне, что ты из таких людей, — отозвалась она натянутым тоном, гордо вздернув подбородок.

Наступило молчание, которое казалось все более тягостным.

— Не знаю. Вполне возможно, что я вор. Разбойник, объявленный вне закона.

Джиллиан присмотрелась к нему внимательнее, но на сей раз от ее горечи не осталось и следа.

— Думаю, что нет. У тебя есть обе руки.

— Тогда не исключено, что мне просто повезло. Ну же, иди сюда, Джиллиан.

Снаружи ночное небо озарила вспышка молнии, за которой последовал раскат грома, потрясший стены хижины. В мгновение ока Джиллиан оказалась на постели, пристроившись рядом с ним. Он еще рассмеялся, негодник!

— Может быть, ты и не разбойник, — вспыхнула она, — но я начинаю подозревать, что ты просто неотесанный мужлан!

Гарет ничего не ответил, вместо этого снова приподняв краешек покрывала. Губы Джиллиан возмущенно сжались, однако она все же сбросила мягкие домашние туфли и скользнула в постель. Он уважал ее желание держаться от него на расстоянии, но даже в

темноте она чувствовала на себе его взгляд.

— Ты боишься гроз?

— Нисколько, — возразила она.

Словно для того, чтобы уличить ее во лжи, молния сверкнула снова, да так ярко, что в домике стало светло как днем. Джиллиан тихо охнула, ее испуганный взгляд переметнулся на ставни. В ответ раздался оглушительный раскат грома.

Джиллиан невольно насторожилась, ожидая какого-нибудь язвительного замечания со стороны Гарета. Но вместо этого его пальцы сплелись с ее собственными, как это уже вошло у них в привычку. За окном опять прогремел гром, но страха уже не было. Как ни странно, присутствие Гарета успокаивало, убаюкивало ее, веки ее отяжелели, и глаза закрылись сами собой.

Спустя час разверзлись небеса, и гроза, словно решив выместить на земле всю свою ярость, обрушилась на нее проливным дождем, барабанившим по крыше, и порывами ураганного ветра. Однако на сей раз Джиллиан разбудила не буря, а Гарет. Он вдруг беспокойно заворочался в постели, что-то бормоча про себя.

— Я ни за что этого не сделаю! — вскричал он так неожиданно, что Джиллиан чуть не подскочила на постели. — Это подло... недостойно... клянусь всеми святыми!

Джиллиан смотрела на него, приподнявшись на локте. Огонь в очаге уже давно превратился в тлеющие угольки, но и их слабого света оказалось достаточно, чтобы она могла заметить, как желваки ходили на его щеках. Грудь была обнажена, скомканная покрывала лежали грудой в ногах. Она сразу поняла, что он видел сон, и сон этот отнюдь не был спокойным и мирным.

— Гарет! — окликнула она его. — Гарет!

Похоже, он ее не слышал. Он выругался так, что у нее запыхали уши, после чего произнес:

— Господи Иисусе, что же мне делать? У меня нет выбора. Я должен ее найти. Должен!

В этом человеке происходила сейчас нешуточная борьба. Она всем сердцем сочувствовала ему, хотя и не знала, что за женщину он имел в виду. Или, быть может, речь шла о девочке?

Неожиданно он сжал кулак, резко вытянул руку, и Джиллиан свалилась с постели. Превозмогая резкую боль, она кое-как поднялась на ноги и снова забралась в постель. Гарет по-прежнему метался из стороны в сторону. Тогда девушка без колебаний положила руку на его покрытую жесткой щетиной щеку. Она понимала, что его гнев был обращен вовсе не на нее, а на кого-то другого, невидимого, чье присутствие он чувствовал только во сне.

— Гарет, — настойчиво повторяла она. — Гарет, проснись!

Он повернул голову в ее сторону, и Джиллиан вздрогнула, заметив, что его глаза были широко раскрыты и устремлены прямо на нее. Неожиданно Гарет протянул руку, ухватившись за прядь ее волос, падавшую ему на грудь. Не дав ей даже перевести дух, сильные руки притянули ее к себе — так близко, что она могла ощутить каждый мускул на его груди, линию упругих бедер, прижатых к ее собственным. У нее не было никакой возможности вывернуться или сопротивляться, да ей и в голову не приходила мысль о борьбе, ибо Джиллиан была так ошеломлена, что не в силах была даже шевельнуться.

И тут он припал к ее губам поцелуем. Еще никогда Джиллиан не ощущала себя во власти жарких, страстных мужских губ. То, что она испытала, когда кормила его изо рта в рот, казалось лишь слабым подобием того, что она чувствовала сейчас, ибо поцелуй его ни в

коей мере не был выражением простой нежности и обожания. Нет, то был поцелуй двух любовников, крепкий и обжигающий, полный нескрываемого пыла, и она поняла это в тот самый роковой миг, когда их губы соприкоснулись. Сколько раз она мечтала о том, как однажды ее поцелует вот так благородный рыцарь и от этого поцелуя у нее захватит дух! Однако сейчас перед ней был не мужчина ее грез, а Гарет, человек, который, по сути, ничего о себе не знал — ничего, кроме собственного имени. Он определенно не был тем мужчиной, которому ей хотелось бы со временем отдать свою любовь, свое сердце и жизнь...

Но сейчас ее это совсем не заботило. Она наслаждалась его близостью и теплом его объятий, сильных и нежных одновременно.

Ни в его поцелуе, ни в его прикосновении не было ни малейших следов робости. Он провел горячим языком по ее губам, после чего одним захватывающим дух движением дерзко проник внутрь, ощупывая ее скользкое небо столь же беззастенчиво, как... как эти дьявольские пальцы, которые как раз в этот миг затеяли волнующую игру у глубокого выреза ее рубашки. Его рука без малейшей застенчивости двигалась из стороны в сторону, оставляя на ее теле жгучий след, и Джиллиан ахнула, когда рука наконец скользнула под рубашку, обхватив с безошибочной точностью ничем не стесненную полную грудь.

Губы Гарета не отрывались от чувствительного места у нее на шее, и она чуть приподняла голову, словно поощряя его продолжать. Сердце в ее груди стучало, однако у Джиллиан не было сил сопротивляться. Язычки пламени лизали соски, большие пальцы его рук были заняты своей дразнящей, возбуждающей игрой, от которой соски стали тугими и жесткими, а ощущение, охватившее ее, трудно было назвать иначе, как любовным нетерпением. Искры блаженства, которого она прежде никогда не знала — да что там, даже мечтать о нем не смела! — распространились по всему ее телу. Руки Джиллиан невольно скользнули к его спине. Пальцы сами собой сжались, и все ее существо охватил трепет, ибо его обнаженная кожа оказалась такой же тугой и гладкой, какой она ее помнила.

Он запустил пальцы в спутанные черные локоны, обдавая ей щеку своим дыханием.

— Какие у тебя прекрасные волосы! — произнес он хрипло. — Такие мягкие, теплые и золотистые. Цвета солнца в ясный летний день.

— Джиллиан сразу застыла на месте, словно кто-то вонзил ей прямо в сердце острие кинжала.

— Селеста, — произнес он чуть слышно. — Селеста! Боже мой, как мне тебя не хватало!

Его последние слова попали прямо в цель. Сердце Джиллиан болезненно сжалось, и она отстранилась.

Гарет поднял голову и уставился на нее. Жутковатое ощущение мурашками пробежало по ее коже, ибо он все еще находился во власти сна и видел перед собой не ее, Джиллиан, а ту, другую женщину по имени Селеста.

— Спи, — произнесла она дрожащим голосом. — Спи, Гарет.

По-видимому, какая-то часть ее мольбы дошла до его сознания. Голова его снова опустилась на подушку, но перед тем он еще раз потянулся к ней, положив ее голову себе на плечо. Джиллиан повиновалась, однако теперь между ними все было иначе — она отдалилась от него если не физически, то духовно. Усилия, которые ей пришлось для этого приложить, были поистине героическими. Снова и снова она твердила себе, что только потрясение было виной тому, что сердце замирало у нее в груди. Но по правде говоря, она оказалась захваченной врасплох его поцелуем. В те незабываемые мгновения, когда она

чувствовала его губы на своих губах, а в висках стучало от возбуждения, это не имело для нее значения. Но в один миг все изменилось.

У нее снова защемило сердце. Прилив разочарования, охвативший ее, оказался настолько сильным, что она не могла удержать слезы, заметив, что пальцы Гарета все еще сжимали прядь ее волос.

«Какие у тебя прекрасные волосы», — сказал он ей тогда. Но он видел перед собой явно не Джиллиан, ибо ее волосы не были золотистыми, как солнце в ясный летний день, а, напротив, темными, как зимняя ночь.

Ах, какую же глупость она совершила! Она позволила Гарету целовать себя, ласкать самым беззастенчивым образом ее тело... тогда как с губ его слетело имя другой женщины. Другой образ отпечатался глубоко в его сознании. Образ женщины по имени Селеста.

Нет, не Джиллиан он видел перед собой в своих снах.

А он не был мужчиной ее грез.

На следующее утро Гарета разбудил плеск воды. Едва приподняв веки, он заметил Джиллиан. Стоя в дальнем углу комнаты, она переливала ровной струей воду из ведра в кувшин для умывания. Несмотря на то что ее роскошные волосы были заплетены в косы и уложены на затылке, они блестели, как самое драгоценное полированное дерево. Тут Гарету вдруг вспомнилось особенно живо и ярко, какими они были на ощупь в тот самый первый день, когда он ее увидел, черные как смоль, мягкие, как дорогой шелк, струившийся между загрубевшими кончиками его пальцев. Ему вдруг отчаянно захотелось выпустить их на волю, чтобы он мог сполна насладиться ими на своей коже.

Пока он подсматривал за Джиллиан, девушка отставила ведро с водой в сторону и повесила рядом с очагом чистое полотенце. Едва ему пришла в голову догадка, что она собирается мыться, как она развязала шнурки платья, и оно мягкими складками опустилось ей на бедра. Несмотря на то что она была теперь обнажена до талии, все, что он мог видеть — это небольшое углубление на ее изящной спине. Гарет хотел было отвести взгляд, понимая, что должен это сделать. Но тут она чуть-чуть повернулась, позволив ему увидеть мельком то, что до сих пор оставалось скрытым от его взора, и тут он уже не в силах был отвести глаз, даже если бы от этого зависела его жизнь.

Изящные руки поднялись, чтобы поправить волосы. Это движение открыло во всей красе соблазнительные очертания ее тела — необычайно привлекательного и, без сомнения, принадлежавшего зрелой женщине. При невысоком росте и хрупком телосложении, груди у Джиллиан были пышные, увенчанные набухшими сосками кораллового цвета.

Обмакнув полотенце в воду, она провела им по телу. Гарет жадно следил за каждым ее движением. Полотенце оставляло за собой след из множества мельчайших капелек, похожих на утреннюю росу, которые делали ее кожу влажной и отливающей таким дивным гляncем, что ни один мужчина не удержался бы от того, чтобы не прикоснуться к ней. Одна блестящая капелька пристала к самому кончику одной из ее изящных грудей, сморщившемуся от холода.

Прилив неукротимого желания вызвал жар в его чреслах, раздавшаяся плоть причиняла почти физическую боль. Первой его мыслью было то, что Озгуду несказанно повезло получить в жены такую красавицу, как Джиллиан. Вторым его побуждением было подхватить ее на руки, сорвать одежду и крепко сжать ее, обнаженную, в объятиях.

Будь он здоровым человеком, он бы наверняка так и поступил. Он бы опустился перед ней на колени, склонил бы голову к сочным плодам ее грудей и упивался бы этими дивными коралловыми сосками до тех пор, пока она не застонала бы от удовольствия, не в силах больше этого вынести. Будь он здоровым человеком, он бы запустил свои пальцы в пышный темный треугольник, который, как он знал, охранял источник ее женственности, исследуя его на ощупь до тех пор, пока их обоих не охватит самое неистовое желание. А потом, когда они оба будут готовы, его разгоряченная плоть проникнет в самые глубины ее жаркого, податливого лона...

Да, заключил про себя Гарет не без мрачной усмешки, здоровый человек на его месте наверняка так бы и поступил. Неудивительно, что он сейчас задавался вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз занимался любовью с женщиной.

Джиллиан не замечала на себе его пристального взгляда и потому невольно вздрогнула,

когда, обернувшись, заметила, что его глаза были широко раскрыты и прикованы к ней. Она поспешно натянула рукав платья на плечо. Сердце в ее груди сильно колотилось. Видел ли он ее? Ей оставалось только уповать на то, что она успела вовремя прикрыться. Изображая спокойствие, Джиллиан сделала шаг к кровати и глубоко вздохнула.

— Доброе утро, Гарет.

Ни слова не говоря, он протянул свою большую руку и почти насильно усадил ее на постель.

— Гарет, в чем дело?

Худые пальцы ухватились за вырез ее платья. Джиллиан ахнула, когда он резким движением стянул его, открыв покатуую линию ее плеча.

— Здесь свежий синяк, — произнес Гарет.

Действительно, темно-багровый синяк портил безупречную белизну ее кремовой кожи. Джиллиан поспешно отвела глаза в сторону, стараясь прикрыть рукой грудь. Она не знала, чего в ней сейчас было больше — смущения или негодования.

— Неужели ты не можешь дать мне хоть ненадолго возможность уединиться? — воскликнула она.

— Знаешь, мне сейчас не приходится выбирать.

— Но вовсе не обязательно подсматривать за мной! Он отверг ее язвительный укор с почти высокомерным презрением:

— Когда такая женщина, как ты, стоит полуобнаженной перед мужчиной, на чем еще могут остановиться его глаза? Я ведь мужчина, Джиллиан, а не каменный истукан. Впрочем, сейчас это не имеет значения, — продолжал он. — Лучше расскажи мне, откуда у тебя этот шрам.

Сердце у Джиллиан подскочило и заколотилось часто-часто, так что она не в состоянии была ни думать, ни говорить. Неужели она привлекала его так же, как он ее? Ее воспоминания о случившемся минувшей ночью были слишком яркими и слишком живыми. Разве он не хвалил красоту ее волос? И тут на нее вновь нахлынула волна безысходного отчаяния. Нет, те его слова были обращены не к ней, а к Селесте.

— Это не имеет значения, — отрезала она.

— Не имеет значения? Как бы не так, клянусь Богом! Джиллиан упрямо поджала губы. Зеленые глаза сошлись с голубыми в безмолвном поединке. Гарет нахмурился. Губы его превратились в тонкую линию.

— Неужели это сделал брат Болдрик?

— Брат Болдрик! — Джиллиан была настолько потрясена и возмущена, что тут же бросилась на защиту своего наставника: — Да он самый добрый и кроткий человек на свете! Если уж тебе так необходимо это знать, то это сделал ты!

— Я?! — ошеломленно спросил Гарет. Весь его гнев вдруг улетучился, однако это не убавило его решимости. — Как? Когда?

Джиллиан пожалела о том, что он увидел ее и заговорил с ней. Ах, неужели ей всегда придется вспоминать о том, о чем ей хотелось бы забыть?

— Прошлой ночью, — ответила она. — Это случилось прошлой ночью.

Только тут она сообразила, что он до сих пор ее не отпустил. Пожалуй, еще никогда в жизни она не чувствовала себя так неловко. Она была близка с ним, как еще никогда не была близка ни с одним мужчиной, прикасалась к нему везде. А теперь он прикоснулся к пей. Он видел ее! Джиллиан попыталась было оправить платье, однако его пальцы крепче вцепились

в материю, удерживая ее.

— Значит, это сделал я? Она только кивнула в ответ.

Его охватило ужасное предчувствие. Сознание того, что он натворил, было подобно раскаленному кинжалу, пронзившему его.

— Как? — только и мог спросить он. — Как?

«Ты был не в себе!» — чуть было не выпалила она, однако сдержалась, почувствовав укол смутной тревоги. Кем он был на самом деле? И что она, собственно, о нем знала?

— Ты видел сон. — Она понизила голос. — Кажется, ты был чем-то очень обеспокоен. «Это подло... недостойно!» — крикнул ты. И, судя по твоим словам, тебе не терпелось кого-то найти.

Гарет внимательно слушал.

— Кого?

Джиллиан утверждала, что он всего лишь видел сон. Но так ли это было на самом деле или же тут крылось нечто большее?

Джиллиан отвела взгляд в сторону.

— Этого я не знаю. Ты был чем-то очень рассержен и в порыве гнева нанес удар вслепую. А я... — Тут она запнулась. — Я упала с постели.

Он обвел пальцами синяк. Прикосновение было легким, как пушинка.

— Мне очень жаль, Джиллиан. Я вовсе не хотел причинить тебе боль.

— Я... я никогда и не думала, что ты этого хотел.

— Тогда почему ты не смотришь на меня?

Пальцы его разжались. Высвободившись наконец, Джиллиан поправила рукав платья, прикрыв обнаженное плечо, и тут же поднялась с места. Сначала она закрыла плотнее ставни на окне, потом подошла к табурету перед очагом и села. Все это время она избегала его пристального, выжидательного взгляда.

— Джиллиан? — Странное чувство овладело им, упорно не желая отпустить. Плечи девушки поникли, руки аккуратно сложены на коленях. — Мне почему-то кажется, что ты не все мне рассказала.

Вероятно, потому, что так оно и есть, подумала она про себя в отчаянии, глядя на пламя очага. Страх в его душе сделался еще глубже, еще острее.

— Боже правый, Джиллиан, ты начинаешь меня пугать. Что еще я мог натворить?

Ее пальцы теребили ткань юбки.

— Джиллиан! Джиллиан, подойди сюда. Она энергично замотала головой.

— Тогда я сам подойду к тебе, — произнес он угрюмо. Это заставило ее поднять голову.

— Ты не можешь. — Ее слова были скорее предостережением, чем насмешкой, ибо она хорошо знала его состояние. Однако Джиллиан ошибалась. Отбросив одеяло, Гарет одним движением спустил ноги с кровати и поднялся. Ей показалось, что он вот-вот упадет. Но затем с выражением почти животного удовлетворения на лице он направился в ее сторону.

Потрясенная, Джиллиан приоткрыла рот и вскочила. Она была захвачена врасплох и ничего не могла с собой поделать. Чем ближе он подходил к ней, тем больше вытягивалась ее шея, ибо он буквально подавлял ее своим присутствием. Еще когда он лежал в постели, она не могла не заметить его внушительного роста и широких плеч. Но до этого момента она даже не отдавала себе отчета в том, каким высоким он был на самом деле.

Увы, усилие оказалось для него чрезмерным. Колено его подкосилось, и он пошатнулся, негромко выругавшись. Джиллиан тут же обхватила его руками за талию, однако он был

слишком тяжел для нее, и они вместе повалились на пол.

Гарет лежал неподвижно, тяжело дыша. Глаза его были зажмурены, побледневшее лицо исказила гримаса боли.

— Гарет, Гарет, с тобой все в порядке?

Он не сразу перевел дух и собрался с силами.

— О Господи! Похоже, из-за меня на твоём теле останется ещё один синяк, под пару тому, на плече.

Джиллиан сделала быстрое движение, чтобы вывернуться, однако безуспешно. Крепкие сильные руки обхватили её за спину, и он притянул её к себе так близко, что она могла почувствовать сквозь ткань платья жесткую курчавую поросль у него на груди. Они оба лежали на боку лицом к лицу, и она смотрела в его глаза травянисто-зеленого цвета.

— Ты так и не сказала мне, что ещё я сделал в ту ночь, — напомнил он ей.

— Ладно, — ответила она, прерывисто вздохнув. — Ты меня поцеловал. Ты поцеловал меня, Гарет!

Признание? Или упрек? У него словно гора с плеч свалилась. Он бы даже рассмеялся если бы не её испуганное прелестное лицо.

— Я тебя поцеловал? И всего-то?

— А разве этого не достаточно? — Джиллиан едва удалось справиться со страхом. Боже милостивый, она ни за что не решилась бы признаться ему в том, что ещё он сделал — что он сжимал в своих ладонях её полные груди и даже ласкал их, заставив её томиться смутными желаниями, которых она сама не могла понять до конца!

Гарет умолк, погружившись в раздумья. Несмотря на то что, как ему было известно, Джиллиан уже была замужем, она производила впечатление чистоты и невинности, что весьма странно для женщины, прежде состоявшей в браке. Он помнил, как она боязливо отдернула руку, когда потребность прикоснуться к нему стала непреодолимой — так, словно близость с мужчиной была для неё чем-то новым и приводила её в замешательство. Или он ошибался?

— Возможно, — произнес он медленно, — дело не столько в том, что я тебя поцеловал, сколько в том, что ты поцеловала меня в ответ.

— Что?! — выдохнула она.

— Ты ответила на мой поцелуй? — тихо спросил он. От смущения Джиллиан не знала, что ответить. Щеки её так и пылали огнем. Правда заключалась в том, что она едва в состоянии была вынести его поцелуй. В те ослепительные мгновения, когда его губы слились с её собственными, она чувствовала себя совершенно захваченной. Очарованной. Однако она вовсе не собиралась признаваться в этом!

— Ты не имеешь права спрашивать меня! — Она попыталась оттолкнуть его, но тщетно.

— Мне этот вопрос кажется вполне уместным.

— А по-моему, он совершенно неуместен!

С пылающими щеками Джиллиан бросила на него сердитый взгляд. Она начинала терять терпение.

— Но ты помнишь об этом, а я — нет.

— Ах да. Как я могла забыть? Ты же не помнишь ничего, кроме собственного имени.

— Ты так и не ответила на мой вопрос.

У Джиллиан перехватило дыхание, она чувствовала какое-то странное смятение в груди. Она не знала, как это случилось. Он не знал, почему это случилось. Но то, что это все же

случилось... об этом знали они оба.

Его губы замерли совсем близко от ее собственных. Пальцы Джиллиан то сгибались, то разгибались на фоне густой поросли, покрывавшей его грудь. Прядь черных волос упала ему на лоб, придавая ему слегка озорной вид. Она с особой остротой ощущала на себе его взгляд, который, скользя по ее лицу, задержался на изящной линии губ.

— Не смотри на меня так, — произнесла она чуть дыша.

— Почему? У тебя ведь нет мужа, Джиллиан.

«И никогда не было!» — хотелось крикнуть ей. Неужели эта ложь будет преследовать ее до конца дней?

Гарет наклонил голову, так что теперь их губы почти соприкасались.

— Мне жаль, что я причинил тебе боль, — он взглянул на ее плечо, — но я несколько не сожалею об этом поцелуе.

Сердце Джиллиан болезненно сжалось. От его слов ей стало еще тяжелее. Ей мучительно было представлять себе его в объятиях другой женщины, каким бы бессмысленным это ни казалось.

— Ты не понимаешь! — не выдержав, воскликнула она, ибо чувства ее в тот миг кипели и бурлили, как море, которое выбросило его на этот берег. Ей придется сказать ему правду, какой бы горькой она ни была. Возможно, это поможет расшевелить его память.

— В ту ночь во сне ты целовал не меня, а совсем другую женщину. Женщину с золотистыми волосами, похожими на солнце в ясный летний день. — Джиллиан так и не нашла в себе сил повторить имя, которое он тогда назвал. — Ты восхищался ее красотой. По твоим словам, тебе ее очень не хватало. И само собой, я не могу не задаваться вопросом, не является ли эта женщина частью твоего прошлого, Гарет. Ты сказал брату Болдрику, что у тебя никого нет, но вполне возможно, что ты ошибся.

Гарет не стал этого отрицать, но и подтвердить тоже не смог, хотя на один короткий миг в его глазах промелькнуло нечто, похожее на воспоминание.

— Ты помнишь ее? Ту женщину с золотистыми волосами? — спросила Джиллиан.

Затаив дыхание, она ждала — ждала, как ей показалось, целую вечность.

— Думаю, это был всего лишь сон, Джиллиан. Скорее всего такой женщины в действительности никогда не существовало.

Однако, говоря это, Гарет отвел глаза в сторону, и по спине Джиллиан невольно пробежал холодок, а сердце заколотилось часто-часто. Когда он только явился сюда, он был совершенно чужим в этих местах — и до сих пор оставался для нее чужим, ибо что она, по сути, знала о нем? Какие тайны скрывались в зеленой бездне его глаз?

Она вздрогнула, когда он провел тонким пальцем по ее подбородку. Она хотела было отстраниться, однако он не дал ей этого сделать. Тогда она спокойно и непреклонно взглянула на него.

— Почему ты все время шарахаешься от меня, Джиллиан? Тебе нечего опасаться с моей стороны.

Грудь Джиллиан то поднималась, то снова опускалась с каждым вздохом.

— Иногда мне это кажется почти пугающим, — призналась она, понизив голос. — Прости меня, Гарет, но я не могу не задаваться вопросом, кто ты такой, можно ли считать тебя человеком чести и долга.

— Надеюсь, да. В глубине души я чувствую, что это так. Как же ей хотелось верить ему! Но что, если она в нем ошиблась? Она пыталась найти ответ в собственной душе... и в его

душе тоже.

Взгляд его зеленых глаз был таким ясным и невозмутимым, что мало-помалу ее страхи улетучились. Ибо в то мгновение Джиллиан и впрямь верила в него. Верила всем сердцем.

К несчастью для Гарета, его усилия в тот день не прошли даром. Когда он попытался снова подняться с постели, то обнаружил, что едва в состоянии оторвать голову от подушки. Все тело болело почти так же сильно, как в тот день, когда он впервые пришел в себя после кораблекрушения. Джиллиан отругала его, не стесняясь в выражениях, уже за самую попытку, и Гарет волей-неволей вынужден был признать, что одна сила воли не могла ускорить его выздоровление. Просто ему нужно больше времени, чтобы окрепнуть. Кроме того, это послужило ему еще одним мрачным напоминанием о том, как близок он был к смерти.

После тех первых попыток подняться у него кружилась голова, а лоб покрывался холодным потом. Если бы не помощь Джиллиан, он наверняка падал бы снова и снова. Но постепенно к нему возвращались прежние силы, и он начал ковылять по хижине, а затем осмелился выходить — с каждым днем все дальше и дальше. Брат Болдрик появлялся несколько раз, в один из своих визитов принес ему одежду. Говорил мало, по крайней мере с Гаретом, и тот без труда мог почувствовать неодобрение монаха.

Иногда колено Гарета начинало ныть от напряжения под тяжестью его веса, однако после стольких дней вынужденного затворничества даже боль казалась почти желанной. Бок все еще был чувствительным к малейшему прикосновению, края рваной раны выглядели красными и загрубевшими. Скорее всего этот шрам останется на его теле как напоминание до конца его дней.

Он не скрывал своей досады, когда пришлось несколько дней провести дома из-за непрекращающегося угрюмого ливня и неослабевающего ветра. В углу рядом с очагом образовалась целая лужица воды, стекавшей ровной струйкой на пол. Гарет в душе проклинал свое заточение, однако волей-неволей вынужден был скрыть свое недовольство.

Воздаяние последовало днем позже, когда с самого утра на небе не появилось ни единого облачка. Небеса перестали низвергать на землю сплошной поток из дождя и ветра, и когда Гарет предложил Джиллиан совершить небольшую прогулку по берегу, ее не пришлось просить дважды.

Некоторое время они молча брели куда глаза глядят через пески и довольно скоро вышли на небольшой берег в форме полумесяца, поросший высокой травой. Легкий ветерок трепал клочок паруса, зацепившийся за толстый сук.

Глаза Гарета прищурились. Он остановился.

— Это и есть то самое место, где ты меня нашла?

— Да, — пробормотала она в ответ. — Похоже, большую часть обломков, оставшихся после кораблекрушения, унесло приливом.

Он бросил беглый взгляд в сторону мыса, сразу за которым начиналось открытое море. Губы его невольно сжались, ибо зрелище и в самом деле было удручающим. Огромный гранитный утес возвышался во всем своем мрачном величии, и Гарет без труда мог себе представить, как беспомощное судно было выброшено волнами прямо на острые камни под ним. Даже сейчас набегавшие волны с грохотом разбивались о прибрежные валуны, поднимая в воздух мириады мелких брызг и образуя водовороты белой пены у подножия скал, которые сами по себе представляли смертельную опасность.

Джиллиан внимательно следила за ним.

— Ты что-нибудь вспомнил? — осведомилась она чуть слышно.

Он покачал головой, выругавшись себе под нос. Все, что привело его на борт злополучного судна, было напрочь позабыто. Вопросы, не дававшие ему покоя, повторялись в голове бесчисленное число раз, словно эхо в пустом колодце. Тело его постепенно выздоравливало, однако этого нельзя было сказать о рассудке.

Время от времени в уме его проносились вереница беспорядочных образов, однако все это было слишком мимолетно. Они исчезали так быстро, что он не успевал этого осознать — замок с двумя башнями-близнецами, вздымавшимися к небу во всем своем грозном величии, опушка густого зеленого леса... Однако таких замков в стране имелось множество, и Англия была в те времена почти сплошь покрыта лесами.

Кроме того, Джиллиан была уверена в том, что он видел во сне женщину из своего прошлого — женщину, чьи волосы напоминали солнце в ясный летний день. Он, кажется, даже говорил о том, как ему ее не хватало. Сколько раз он отчаянно пытался припомнить хоть что-нибудь — лицо, фигуру, но видел перед собой лишь лицо Джиллиан с тонкими изящными чертами, оттененное густыми волнистыми прядями волос цвета самой темной полночи. Ему оставалось лишь согласиться с тем, что она была права и та женщина действительно существовала только в его снах.

«Я Гарет. Гарет...» Снова и снова он пытался поймать ускользавшее от него ощущение, что за этими словами стоит нечто большее и что он находится сейчас на грани чего-то очень важного. Чего-то решающего, о чем он должен помнить и что даст ему ключ к тайне его прошлого.

— А остальные? — спросил он. — Сколько их было?

— Пять человек.

Кто они такие? — спрашивал себя Гарет. Капитан? Команда судна? Друзья? Здравый смысл боролся в нем с невольным чувством вины. Он сожалел об их трагическом конце, однако вряд ли ему стоило мучиться угрызениями совести. Ибо, Бог свидетель, он был искренне рад тому, что сам не разделил их судьбу. Ему, уцелевшему после крушения, безмерно повезло. Ему безмерно повезло, что он выжил. Но больше всего он радовался тому, что все худшее осталось позади. Сколько счастья может порой доставить человеку одно простое ощущение жизни!

— И где их тела?

— Брат Болдрик позаботился о том, чтобы их предали земле на погосте у местной церкви.

Он кивнул:

— Стало быть, их похоронили как подобает. Это хорошо.

— Да. Это очень важно — быть погребенным по-христиански...

В ее голосе появился едва уловимый налет горечи, взгляд омрачился, словно на лицо ее набежала тень. И снова Гарету показалось, что существовало нечто такое, о чем она ему не сказала и не собиралась с ним делиться.

«Порой мне кажется, что лучше обо всем забыть».

Что она имела тогда в виду? Может быть, Озгуда? Пожитки ее были скудными — он уже успел заметить, что у нее имелось всего два платья. Однако он не мог отделаться от ощущения, что ее одежда до странности не соответствовала убогой обстановке хижины. Брат Болдрик утверждал, что привез ее сюда, дабы залечить ее душевные раны. Но что, если за этим крылась совсем другая причина?

Его беспокоило также и то, что она задавалась вопросом, можно ли было считать его

человеком чести и долга. Она почти боялась его... Но ведь он не давал ей никакого повода для опасений. Никакого повода не доверять ему.

«Никакого повода?» — поддразнил он сам себя. Она была одинокой женщиной, а он — мужчиной, который был выброшен на берег, не имея при себе ничего, кроме одежды, превратившейся в лохмотья! Человеком, который понятия не имел ни о том, откуда он пришел, ни о том, куда и зачем направлялся. Да, пожалуй, у нее и впрямь не было повода для доверия!

Однако Гарет хотел, чтобы Джиллиан доверилась ему. Он надеялся, что она поведаст ему о своей тревоге. И поэтому терпеливо ждал, надеясь услышать хоть какое-то объяснение. Однако его не последовало, и Гарет не стал настаивать.

Они покинули этот печальный берег. Чем дальше, тем меньше чувствовалась ярость холодного зимнего ветра, голубое небо над головами было усеяно пушистыми белыми облачками. Гарет направился к поваленному стволу дерева и, опустившись на его поросшую мхом и папоротником поверхность, огляделся по сторонам.

Он глубоко вздохнул, набирая в легкие свежего воздуха. Солнечный свет развеял дымку утреннего тумана, кролики шныряли взад и вперед среди высокой травы. Звонкий щебет жаворонка наполнял воздух, словно напоминание о более теплых днях. Место было очень красивым, и Гарет уж представлял себе, какое здесь все будет летом, когда поляна покроется пестрыми цветами — розовыми, пурпурными и ярко-желтыми.

Джиллиан не стала садиться. Гарет не был этим особенно удивлен: все последнее время она держалась с ним крайне отстраненно, и даже просто встречаться взглядом казалось ей почти невыносимым испытанием. Он понимал, что все дело было в поцелуе, которого он сам не помнил — и, возможно, именно о потере этого воспоминания он сожалел больше всего! Ни разу между ними не заходило речи о том ночном происшествии, однако оно не было забыто окончательно. О да, наверняка она прилагала невероятные усилия, чтобы не вспоминать об этом...

Боже милостивый, он не в состоянии был думать ни о чем другом!

— Джиллиан? Ответа не последовало.

— Джиллиан? — повторил он.

Он нахмурился, размышляя над причиной ее молчания. Неужели она решила не обращать на него внимания?

Говоря по правде, у Джиллиан не было подобного намерения. Однако ее домик был слишком маленький для двоих, и находиться вместе с Гаретом в столь тесном пространстве после того, что между ними произошло, казалось выше ее сил. Ей чудилось, что стоит ей только обернуться, как он тут же окажется за ее спиной:., перед ней... рядом с ней! Ему, такому высокому и широкоплечему, приходилось нагибаться каждый раз, когда он переступал порог. Ей было странно видеть его стоящим на ногах, полным жизненных сил и неотразимо мужественным, даже несмотря на легкую хромоту. Она до сих пор не могла забыть его объятий, пылких ласк, горячих губ, слившихся с ее собственными. Для нее не имело значения, что он ничего этого не помнил. Самой ей никогда этого не забыть... Уж лучше бы он оставался лежать неподвижным и беспомощным в постели!

— Джиллиан!

Голова ее тут же повернулась на голос.

— Джиллиан!

На сей раз в нем звучал настойчивый призыв. Подобрав юбки, Джиллиан бросилась к

Гарету.

Он лежал на боку, голова его покоилась на вытянутой руке. Сердце ее чуть не выскочило из груди. Она опустилась рядом с ним на колени.

— Гарет! Ах, я так и знала! Я же говорила, что тебе еще рано...

Не дав договорить, теплые губы приникли к ней поцелуем. Сильные руки сжали ее в объятиях, и она оказалась полностью во власти этого мужчины.

Когда он приподнял голову, она сердито взглянула на него, стараясь не замечать странной тяжести внизу живота.

Он напугал ее — и теперь у него еще хватало дерзости быть таким самодовольным!

— Что ты о себе возомнил?! — вскричала она. — Думаешь, ты имеешь право вести себя со мной вольно, если один раз поцеловал?

— Дважды, — напомнил он ей.

От злости она заколотила его кулачками, готовая сурово отчитать за дерзость. Однако этого так и не произошло, потому что его губы снова накрыли ее собственные. Он запустил пальцы в ее волосы, удерживая ее и заставляя покориться своей воле. Он не дал ей ни малейшей возможности высвободиться, а Джиллиан не могла найти в себе сил для сопротивления. Впрочем, в его поцелуе не было ничего похожего на насилие — скорее, нежная настойчивость, полная соблазна и пылкой страсти, от которой по всему ее телу побежали язычки пламени.

Когда он наконец выпустил ее, Джиллиан вся дрожала. Гарет провел кончиком пальца по линии ее губ.

— А теперь трижды, — прошептал он.

Не так-то просто оказалось собраться с духом и встретить его взгляд.

— Вы смеетесь надо мной, сэр? — спросила она совершенно серьезно.

— Ни смеяться над вами, ни тем более обижать вас не входило в мои намерения, миледи.

Уголки его губ слегка приподнялись, выражая ленивое удовлетворение. Джиллиан опустила голову, сожалея о том, что не может хотя бы прикинуться разгневанной. Смущенная и растерянная, она боялась смотреть ему в глаза. Вероятно, для него такая шутильная игра уже стала привычным делом, но только не для нее.

Его палец между тем убрал ей за ухо непокорную прядь волос.

— Откуда столько робости, о прекрасная дева?

Дева. Он назвал ее девой. Но только в шутку. Только в шутку...

— Ты смущена тем, что поцеловала мужчину, который не является твоим мужем? Или потому, что тебе приходится делить постель с посторонним? В этом нет нужды, Джиллиан. Я знаю, как тебе было одиноко, и мне достаточно было просто взглянуть на тебя, чтобы понять, сколько горя причинила тебе смерть Озгуда. Но брат Болдрик был прав. Тебя привезли сюда, чтобы исцелить твои раны.

Джиллиан была близка к отчаянию. Что бы он сказал, если бы знал, что она никогда не делила постель ни с одним мужчиной? Что бы он подумал о ней, если бы вдруг обнаружил, что она ему солгала, — на самом деле она вовсе не является вдовой?

Джиллиан прерывисто вздохнула.

— Я не нуждаюсь ни в каком исцелении.

— Женщина, охваченная скорбью, безусловно, нуждается в том, чтобы кто-то ее исцелил. Озгуд умер, Джиллиан, но я жив, и я здесь. Ты вернула меня к жизни, ты исцелила

меня, Джиллиан. Неужели я не могу сделать то же самое для тебя?

Она покачала головой.

— Дело не в, этом, — призналась она. — Совсем не в этом. Просто со мной... со мной все в порядке.

Голос ее предательски дрогнул.

— Что же тогда? Что тебя так тревожит?

Его нежность, его забота заставили все внутри у нее сжаться от боли, и ей вдруг стало мучительно стыдно. Стыдно за собственную ложь. За брата Болдрика. За то, что ей приходилось обманывать Гарета, делая вид, будто воспоминания о покойном муже до сих пор причиняли ей боль. Правда жгла ей душу, лежала свинцовой тяжестью на сердце. Она презирала саму себя за двуличие. Сейчас ей страстно хотелось признаться ему во всем — что она в действительности была леди Джиллиан из Уэстербрука, что ее отец покушался на жизнь короля, после чего она вынуждена была спасаться бегством, — однако что-то ее удерживало. Джиллиан всей душой желала открыть ему правду, и только какое-то странное предостерегающее покалывание в самой глубине ее существа, которому она сама не могла дать определения, не давало ей этого сделать. Она отвернулась, боясь, что он угадает ее мысли.

На глазах у нее выступили жгучие слезы.

— Лучше не спрашивай, — произнесла она неуверенным голосом.

— Но почему?

— Я вес равно не смогу тебе ответить.

Она могла. Просто ей не хотелось ему отвечать. Однако Гарет решил не настаивать. В тот миг она выглядела такой хрупкой и уязвимой, что ему захотелось взять ее под свою защиту и оградить от всех мыслимых и немыслимых бед. Нет, пока он ничего от нее не потребует. Сейчас ему казалось вполне достаточным наслаждаться каждым мгновением и радоваться тому, что он жив... жив и держит в объятиях эту восхитительную женщину.

Гарет наклонил голову, легонько коснулся губами мочки ее уха, нежно-розовой и мягкой, как цветочный лепесток, а затем скользнул вниз, до самого кончика подбородка. Она невольно прижалась щекой к его шее. Он ощущал ее легкое влажное дыхание, бахрому ее длинных темных ресниц. Кончиками пальцев взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

— Помнишь, — произнес он мягко, — как ты однажды спросила меня, что я за человек?

Джиллиан кивнула. От внимания Гарета не ускользнуло настороженное выражение, промелькнувшее на ее лице, однако она не сделала никаких попыток отвести от него взгляд... или высвободиться из его объятий. Губы ее слегка приоткрылись, все еще влажные после его поцелуя, сапфировые глаза под густыми ресницами смотрели на него. Боже, до чего же она была хороша!

Он стиснул ее в объятиях, откуда-то из самой глубины его груди вырвался сдавленный стон.

— Думаю, я просто эгоист, — только и мог произнести он, снова завладевая ее губами.

И вдруг гибкие руки обвили его шею. Она подставила ему губы для поцелуя, и то, что должно было стать простым выражением нежности и участия, зажгло в нем огонь необычайной силы. Он наслаждался тем, как затрепетала она от одного его прикосновения, и, снедаемый страстью, спрашивал себя, может ли она ощутить сквозь одежду его восставшую плоть.

Желание уложить ее на землю, проникнув в глубины мягкого податливого лона, было

почти непреодолимым. У него шумело в голове, кровь бурлила, руки жаждали прикоснуться к тем местам, которых им лучше было бы вовсе не касаться... Однако он подавил в себе это желание.

Овладеть ею прямо здесь и сейчас, на холодной жесткой земле... Правда, это могло бы облегчить напряжение в его чреслах, но таким способом он ничего никому не докажет — ни ей, ни самому себе.

Только ли отчаянное положение, в котором она оказалась, влекло ее к нему — потребность иметь кого-то рядом? Нет. Дело тут было вовсе не в том, что его присутствие отчасти скрашивало ее одиночество. Дело было в нем самом. В его доброте и нежности. Да, с самого начала между ними вспыхнула искра взаимопонимания, которая с каждым днем разгоралась все сильнее. Но этот день принес с собой новые страхи. Гарет уже почти выздоровел, и она больше не могла этого отрицать. Что будет с ними дальше? Покинет ли он ее, чтобы узнать наконец правду о себе? Его здесь ничто не удерживало, и эта мысль была подобна ножу, вонзившемуся ей прямо в грудь. Чувство вины сжигало ее изнутри. Не он был эгоистом, а она. Если бы она не утаила от него имя, которое он шептал в ту ночь, когда впервые ее поцеловал... Селеста. О нет, она не собиралась намеренно вводить его в заблуждение. Но если бы она все ему сказала, возможно, это помогло бы развеять мрак в его сознании. Вспомнил бы он тогда свое прошлое? Свою тоску по другой женщине?

С ее стороны это было недостойно. Однако Джиллиан не собиралась ни в чем признаваться — ни тогда, ни теперь. Это только ускорило бы их разлуку, а она не хотела расставаться с ним. Она уже лишилась своего дома, семьи, и, Бог свидетель, она не хотела потерять еще и Гарета... Охваченная смятением, Джиллиан полностью отдалась его поцелую, ибо его руки казались ей сейчас надежной гаванью, где она могла укрыться от всех житейских бурь — прошлых, настоящих и даже будущих. Она вдруг поняла, что ее не заботит завтрашний день, а только настоящий — эти жаркие губы, взволнованное дыхание, которое она чувствовала так ясно всей кожей... Ее словно пронзила молния, когда их языки соприкоснулись, однако она покорно приоткрыла рот, вцепившись в его широкие плечи. Сердце подскочило в ее груди, когда она ощутила безошибочный признак охватившего его желания, однако она не отстранилась. На сей раз Гарет первым оторвал от нее губы, проведя пальцем по ее чуть вздернутому носику.

— Ты хотя бы представляешь себе, — произнес он, пряча неуверенность под усмешкой, — каким соблазном ты служишь для меня?

Она молча спрятала лицо у него на груди, прикинув к нему и дрожа словно осенний лист. Подбородок Гарета прижался к ее голове с блестящими темными волосами. Он глубоко вздохнул.

— Когда-нибудь ты объяснишь мне, в чем дело, — произнес он, целуя ее в висок.

«Когда-нибудь», — сказал он. Когда-нибудь. Боль пронзила все ее существо, в горле встал комок. Возможно, когда она найдет в себе силы для признания, его здесь уже не будет.

В объятиях Гарета ее дрожь утихла, он помог ей подняться на ноги. Джиллиан покраснела, когда он вынул из ее косы случайно приставший к ней лист. Она не могла и дальше лгать себе — уж слишком легко она покорилась властному призыву его губ. Не сочтет ли он ее слишком дерзкой или распущенной?

Встав с места, он сделал слабую гримасу, потирая затекшее колено. Между бровями Джиллиан тут же залегла хмурая складка.

— Пожалуй, нам стоит вернуться домой, — произнесла она с тревогой в голосе.

Гарет вовсе не собирался возвращаться так быстро и прямо сказал ей об этом. Он указал ей на извилистую тропинку, которая вела на восток:

— Давай лучше пойдем в ту сторону.

Они вместе отправились в путь. Дорога вилась вдоль опушки небольшой рощицы. Хотя воздух оставался холодным и морозным, с неба лился яркий солнечный свет, окутывая кроны деревьев золотистым ореолом.

Спустя некоторое время Джиллиан пожаловалась на камешек, попавший ей в туфлю. Остановившись, она уселась на плоскую поверхность валуна, чтобы его вынуть. Гарет тем временем неспешно прогуливался поблизости. Он подобрал толстый сломанный сук, взвешивая его в руке. Тогда пальцы Гарета сами собой сжались, и он описал палкой несколько кругов в воздухе, после чего сделал выпад в сторону и развернулся, как бы отражая удар невидимого противника.

Шорох за его спиной заставил его замереть на месте. Джиллиан стояла подбоченившись и присматриваясь к нему. Тонкие брови чуть приподнялись, словно выражая немой укор. Он ожидал с ее стороны какого-нибудь язвительного замечания и, чувствуя себя довольно глупо, робко улыбнулся, но тут заметил, что ее взгляд был обращен на что-то, находившееся за его спиной.

Гарет тоже обернулся в ту сторону. Кажется, они здесь были не одни. Прямо перед ними на тропинке стоял брат Болдрик.

Пожилой монах приветствовал Джиллиан и довольно сухо поклонился Гарету.

— Похоже, вы неплохо себя чувствуете, — произнес он. — Полагаю, ваше выздоровление уже не за горами и скоро вы нас покинете.

Джиллиан, стоявшая рядом, почувствовала, как внутри у нее все похолодело. Затаив дыхание, она ждала его ответа. Гарет наклонил голову.

— Благодарю вас, брат Болдрик. Я и впрямь чувствую себя почти совсем здоровым, если только не считать воспоминаний о прошлом, которые для меня потеряны. Что же касается планов на будущее, то, боюсь, их у меня пока что нет.

— Что ж, сын мой, вы размахиваете этим, — брат Болдрик кивнул на палку, которую Гарет до сих пор сжимал в руках, — с такой ловкостью, что это наводит меня на мысль, что вы превосходно владеете оружием. Более того, рискну предположить, что если бы у вас в руках был настоящий меч вместо этой палки, из вас вышел бы грозный воин.

На лице Гарета появилась дружелюбная улыбка.

— А если и так, неужели бы вы осудили меня за это?

— Смотря при каких обстоятельствах. Кстати, что вы сами об этом думаете? Возможно, вы и не помните ничего о своем прошлом, но ведь у вас должно иметься какое-то мнение на этот счет, сэр. Питаете ли вы отвращение к убийствам?

Ответ Гарета был столь же уверенным, как и его взгляд:

— Вот мое мнение, брат Болдрик. Далеко не каждому человеку приходится выбирать между мечом и посохом, но если такая потребность все же возникла, он должен делать то, к чему лежит его сердце и что ему самому кажется справедливым. Человек, который способен прибегнуть к силе оружия, когда в том нет нужды, недостоин имени человека. Но может настать такой день, когда он будет обязан сделать все, что в его силах, чтобы защитить свой дом и семью, свою страну и убеждения, все равно, с оружием или без него. Вспомните хотя бы крестовые походы. Церковь прибегла к силе меча, дабы защитить нашу веру, но человек, обрекающий другого на гибель, пожалуй, судит слишком поспешно и слишком сурово. Я

лично убежден в том, что уважение к себе следует заслужить делами. Однако есть и такие, кто считает, что уважение можно завоевать только путем силы и устрашения. Я не могу с ними согласиться.

— Я тоже, Гарет.

Джиллиан невольно обратила внимание на то, что брат Болдрик впервые обратился к Гарету по имени. Старик смерил молодого человека оценивающим взглядом, затем склонил набок голову и приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать.

— Вы поражаете меня своей мудростью, сын мой. Но скажите мне...

Болдрик задумался. Одна его рука поднялась к груди, на лице появилось какое-то странное выражение. Он хотел было закончить свою фразу, однако не успел. Без единого слова он упал ничком прямо на землю.

— Я знал, что он был болен. Он ничего мне не сказал, однако я догадывался об этом по его слабому голосу, да и мадам Агнес подтвердила, что в последнее время он почти ничего не ел. И я часто слышал по ночам, как его одолевал кашель до самого рассвета. — Отец Эйдан суетился вокруг, в беспокойстве заламывая руки, его незрячие глаза не имели никакого выражения. Священник был маленького роста, как и брат Болдрик, но более крепкого сложения и значительно шире в груди и в плечах. — Я опасался, что рано или поздно болезнь все же возьмет над ним верх. Но увы, он настаивал на том, что совершенно здоров!

В его голосе отражалась та же мучительная тревога, которая не отпускала Джиллиан с того самого мига, когда брат Болдрик на ее глазах лишился чувств. Они втроем — Джиллиан, отец Эйдан и Гарет — находились в крошечной келье рядом с церковным алтарем, где спал брат Болдрик. Не кто иной, как Гарет, успел подхватить старика, когда у того подкосились колени, и он же отнес его на руках в деревню.

Джиллиан в отчаянии опустилась на колени рядом с койкой, на которой лежал Болдрик. Губы брата Болдрика приняли нездоровый серый оттенок, а сухая кожа напоминала пергамент. Девушка сплела его пальцы со своими.

— У него нет лихорадки, — произнесла она, подавшись вперед и положив руку ему на лоб. — Брат Болдрик! — прошептала она умоляюще. — Вы меня слышите?

Брат Болдрик так и не пришел в себя. В груди его слышались хрипы, так что Джиллиан охватил страх. Отец Эйдан покачал головой:

— Ах, мистрис Мэриан, он стал для меня настоящим даром Божьим. Я не могу даже представить себе, что потеряю его. Увы, как ни горько мне об этом говорить, боюсь, мне следует подготовить его к соборованию...

На лбу Гарета залегла хмурая складка. Священник назвал ее Мэриан. Может быть, его подвел слух? Или отец Эйдан по ошибке принял ее за кого-то другого? Это казалось вполне вероятным, принимая во внимание его слепоту. Да, скорее всего так оно и есть, заключил про себя Гарет. Он заметил также мимолетный проблеск страха в глазах Джиллиан. Коснувшись руки отца Эйдана, он произнес:

— Вероятно, святой отец, ваши молитвы тоже способны помочь брату Болдрику.

— Да, пожалуй, вы правы. — Отец Эйдан склонил набок голову. — Не могли бы вы еще раз повторить мне свое имя, сын мой?

— Гарет. Меня зовут Гарет, святой отец. Священник сложил руки на груди.

— Не угодно ли вам помолиться вместе со мной, Гарет? Молитва — одно из орудий Бога, которым, к сожалению, слишком часто пренебрегают. Прошу прощения, мистрис

Мэриан, за то, что мы вынуждены вас покинуть.

Джиллиан была так подавлена, что даже не заметила, как отец Эйдан во второй раз назвал ее Мэриан, а Гарет взглянул на нее, внезапно прищурившись. Впрочем, даже если бы она и обратила на это внимание, все ее мысли и чувства в тот миг были заняты братом Болдриком.

Боль терзала ей сердце. Худой, с запавшими глазами, брат Болдрик лежал совершенно неподвижно, дыхание его стало хриплым. Она даже и мысли не допускала о том, что он может так и не поправиться. В глубине души Джиллиан негодовала на саму себя. Когда брат Болдрик в последний раз появился в ее убогом домике, он уже был болен. Ах, почему только она не наведалась к нему, чтобы убедиться в том, что он как следует о себе позаботился!

«Ты бы все равно ничего не смогла сделать, — укорял ее внутренний голос. — К тому же Гарет нуждался в тебе не меньше».

Сколько она просидела так, держа за руку брата Болдрика, Джиллиан не знала сама. Она едва замечала Гарета и отца Эйдана, которые несколько раз заходили в келью. Один раз Гарет почти насильно заставил ее поесть. Сквозь крошечное окошко, расположенное высоко в стене, она видела сияние полной луны.

Кто-то коснулся ее плеча. То была мадам Агнес, пухленькая вдовушка средних лет, которая помогала мужчинам по хозяйству.

— Мистрис Мэриан, — решительно заявила женщина, — вам непременно нужно отдохнуть, иначе вы тоже заболете. Я сама посижу с братом Болдриком. Я не покину его, обещаю вам.

Тут рука брата Болдрика сжала ей пальцы.

— Идите, дитя мое, — произнес он хриплым, еле слышным шепотом. — Когда вы вернетесь, я еще буду здесь.

У Джиллиан защемило сердце. Старик выглядел таким слабым! Джиллиан уже собиралась отказаться, заявив, что она останется там, где ей и место, однако не хотела отнимать у брата Болдрика последние силы. Выдавив из себя улыбку, она наклонилась к нему и поцеловала в лоб.

Она не заметила ни того, что Гарет все это время не спускал с нее глаз, ни того, какими жесткими сделались вдруг черты его лица, когда он взял ее под руку и вывел из кельи. И точно так же не обратила внимания на его угрюмое молчание по пути домой, ибо все ее мысли были заняты братом Болдриком. И лишь когда они оказались в хижине, она поднесла руку к разгоряченному лбу. Пожалуй, ей и впрямь стоит поспать. Может быть, сон поможет облегчить эту адскую боль в голове. Едва держась на ногах, она направилась к кровати, расположенной в углу комнаты, однако Гарет преградил ей путь, скрестив руки на груди и широко расставив ноги.

С ее губ сорвался усталый вздох.

— Гарет, я очень устала и хочу отдохнуть. Не был бы ты так добр отойти в сторону?

— Думаю, что нет.

Она тут же вздернула подбородок. Если бы не ужасная боль в висках, она бы ни за что не позволила себе огрызнуться:

— Ради всего святого, какого еще черта ты задумал? Улыбка на его лице была едва уловимой.

— Возможно, вы сами ответите мне на тот же вопрос, — произнес он, не сводя с нее ярко-зеленых глаз, — мистрис Мэриан.

Мистрис Мэриан.

Душа у нее ушла в пятки от страха, ноги, казалось, вот-вот превратятся в расплавленный воск. Ее все же поймали, словно кролика в силки.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. — Едва дыша она попыталась было протиснуться мимо.

— Признаюсь, меня разбирает любопытство, — не отступал Гарет. — Брат Болдрик называл тебя Джиллиан, однако мадам Агнес и отец Эйдан обращались к тебе как к Мэриан. Поэтому я считаю своим долгом спросить, как же все-таки тебя зовут — Джиллиан или Мэриан? — Его темноволосая голова склонилась набок, словно он и впрямь был озадачен, улыбка, как и всегда, казалась самым воплощением любезности, однако зловещий блеск в глазах свидетельствовал об обратном. — Или, быть может, ты предпочитаешь какое-нибудь другое имя?

У Джиллиан болезненно засосало под ложечкой, ибо он оказался не так уж далек от правды.

— Леди, неужто вам нечего мне сказать? Мое терпение на пределе.

— Меня зовут Джиллиан. — Собрав все свое самообладание, она попыталась изобразить спокойствие, которого на самом деле вовсе не чувствовала.

— Тогда почему отец Эйдан называл тебя Мэриан?

— Ты ошибаешься.

— Думаю, что нет.

Взгляд Гарета ни на миг не отрывался от нее. Ее неуклюжие отговорки только подлили масла в огонь. Неужели она и впрямь принимала его за болвана? Что ж, вероятно, он получил по заслугам, поскольку верил ей — верил каждому ее слову! Теперь он мог только бранить себя за это на чем свет стоит. Но кто бы на его месте усомнился в словах слуги Божия, тем более находясь в обществе такой редкостной красавицы, как Джиллиан? Им снова овладел приступ мрачного гнева, который он, однако, успел быстро скрыть. Улыбка на его лице стала холодной.

— Я сам это слышал, — произнес он тихо. — Дважды слышал, как отец Эйдан назвал тебя Мэриан. Дважды. И мадам Агнес называла тебя так же!

Джиллиан судорожно сглотнула.

— Ты прав. Отец Эйдан и Агнес знают меня как Мэриан. Именно так представил меня брат Болдрик жителям деревни, когда мы только прибыли сюда. Но... на самом деле мое имя Джиллиан.

Чувство неуверенности переполняло ее. По крайней мере ее последние слова не были ложью. Ах, если бы только она могла ему довериться! Недаром брат Болдрик предупреждал ее, чтобы она держалась подальше от деревни. Если бы только она послушалась его совета! Он так опасался, что рано или поздно кто-нибудь узнает в ней леди Джиллиан из Уэстербрука...

— Видишь ли, у нас были свои причины скрывать от посторонних мое настоящее имя.

— И какие же, позволь спросить?

Джиллиан покачала головой. Она была ни жива ни мертва от страха.

— Эти причины до сих пор остаются в силе, — ответила она.

— И все же я хочу знать, к чему такая секретность. — Его брови медленно приподнялись. Он шагнул к ней, заставив отступить назад.

— Я могу только еще раз повторить, что не стану тебе об этом говорить.

— А я, по правде говоря, недолюбливаю секреты. Однако готов пойти для тебя на уступки. Раз уж ты так не хочешь говорить о себе, мы можем поговорить об Озгуде... сколько, по твоим словам, прошло времени с тех пор, как твой возлюбленный супруг скончался?

Он произнес это имя с такой язвительностью, что Джиллиан внутренне содрогнулась.

— Зачем это тебе? — Она беспокойно переминалась с ноги на ногу. — Я не понимаю, при чем здесь...

— И все же будь так добра, освежи мою память. Как тебе известно, она постоянно меня подводит.

— Год, — ответила она быстро, моля Бога о том, чтобы Гарет не заметил, как отчаянно она подыскивала нужную дату. — Да... кажется, год.

Улыбка его стала откровенно злорадной.

— Нет, — произнес он, и звук его голоса выводил ее из себя. Джиллиан вобрала в грудь побольше воздуха.

— Да! Я же говорила тебе, что...

— Полгода, — закончил он за нее. — Ты заявила, что с тех пор, как его не стало, прошло полгода.

— Ты, жалкий негодяй! — презрительно фыркнула Джиллиан. — Ты обманул меня!

Она набросилась на него с кулаками в приступе гнева, подобного которому она раньше никогда не знала. Однако Гарет сумел-таки перехватить ее руки и крепко прижал к своей мощной груди.

— Ах, леди, — заявил он с притворной сердечностью в голосе, — все эти вопросы наводят меня на еще один. Ты действительно вдова или нет?

Она не собиралась удостаивать его ответом!

— Ты человек не только без памяти, но и без сердца! — накинулась она на него. — Я ничего тебе не скажу!

Губы его тут же плотно сжались, подбородок выдвинулся. Лицо стало суровым.

— Она еще называет меня человеком без сердца! — Губы его сжались в тонкую линию, выражение лица сделалось суровым. — Клянусь Богом, леди, я всем сердцем сочувствовал тебе. Я утешал тебя в твоем мнимом горе. Искренне верил, что тебе совестно было делить постель с другим мужчиной, когда ты только что похоронила мужа, — но теперь я невольно задаюсь вопросом: случалось ли тебе вообще когда-нибудь делить постель с мужчиной? Так что давай убедимся раз и навсегда, был ли у тебя муж или нет!

Сильные руки обхватили ее за талию. Джиллиан почувствовала, как ноги ее оторвались от земли, после чего ее подняли в воздух и перевернули. Не выпуская девушку из рук, он уселся на табурет, насильно уложив ее себе на колени. Не успела она прийти в себя от потрясения, как ее юбки были задраны и крепкие мужские пальцы проникли под них, ощупывая нежную плоть, не тронутую ни одним мужчиной, и неумолимо приближаясь к тайному средоточию ее женственности.

В первое мгновение Джиллиан была настолько ошеломлена, что не сразу сообразила, что он задумал... что он искал. Когда же ей все стало ясно, ею овладел панический страх.

— Нет! — закричала она, отчаянно пытаясь вырваться, однако все ее усилия оказались

напрасными. Сильные мускулистые руки крепко держали ее, спина оказалась прижатой к его груди. Она была его пленницей, словно зверек, попавший в западню.

— Да, — процедил Гарет сквозь зубы, ибо, по правде говоря, он уже был сыт по горло ее ложью и ее отговорками. — Ты можешь сколько угодно утаивать от меня правду, но, клянусь Крестом Господним, я все равно ее узнаю!

И действительно, один из его проклятых пальцев уже прокладывал себе путь сквозь мягкую поросль к нежно-розовым складкам ее лона, и она с горечью осознавала, что он нащупывал тонкую преграду, оберегавшую ее девственность.

— Перестань! — что было силы крикнула она.

Это сразу заставило его оставить свои дерзкие посягательства. Он буквально впился в нее взглядом:

— Почему?

— Потому что тебе нет нужды убеждаться в том, что ты и так уже знаешь!

Губы Гарета плотно сжались. Он буквально столкнул ее с коленей, поставив на ноги. Все закончилось прежде, чем она успела что-нибудь сообразить... однако ей этот миг показался целой вечностью. Дрожащими руками Джиллиан оправила юбку. Какое-то время она стояла как вкопанная, потупив взгляд и не в силах даже пошевелиться из-за острого чувства унижения.

— Стало быть, вдова на самом деле вовсе не вдова, — заметил он. — Откуда же тогда столько робости, о прекрасная дева?

Это заставило ее тотчас вскинуть голову. Она выпрямилась и повернулась к нему лицом. Гарет окинул ее бесстрастным взглядом. Когда-то он уже говорил ей те же самые слова, однако тогда в его поведении и в прикосновении его рук была только нежность. Сейчас же все обстояло иначе, и Джиллиан внезапно пришла в ярость. Он силой вытянул из нее правду, которой так добивался, а теперь у него еще хватало наглости насмеяться над нею! В ней закипало возмущение, и, не сдержавшись, она дала ему звонкую пощечину.

Гарет даже глазом не моргнул, чувствуя обжигающий след от ее удара у себя на щеке. Хотя он по-прежнему был зол на нее за то, что она его обманула, он не двинулся с места. Ему был понятен ее гнев, но он не позволит ей повторить то же самое еще раз... что она как раз и собиралась сделать! Издав приглушенное рычание, он притянул ее к себе, перехватив руку, занесенную для удара, а другую заломив за спину.

— Животное! — вскричала Джиллиан.

— А ты лгунья. — Блестящие глаза цвета нефрита не отпускали ее от себя. — Но ты скажешь мне всю правду, и немедленно. Так кто же ты — Джиллиан или Мэриан?

Девушка плотно сжала губы. Он взял ее за подбородок:

— Отвечай!

Его настойчивость явно поколебала ее. Она отвела взгляд в сторону.

— Я уже сказала тебе, что меня зовут Джиллиан, — ответила она чуть слышно. — Леди Джиллиан из Уэстербрука!

— Это правда, что тебя привез сюда брат Болдрик? Она молча кивнула.

— Почему же ты скрыла свое настоящее имя? И почему ты и сейчас продолжаешь его скрывать?

Его слова обрушивались на нее, словно удары молота, стремительно и неумолимо. Только гордость помогла ей удержаться на ногах — гордость или стальная хватка крепкой мужской руки, державшей ее за спину. Сама она предпочитала думать первое.

— Потому что король разыскивает меня и моего брата Клифтона.

— Король? — Его глаза превратились в щелочки. — Но почему?

— Потому, что он хочет видеть нас обоих мертвыми. Потому, что мой отец — Эллис из Уэстербрука...

Гарет в раздражении покачал головой:

— Это имя мне ни о чем не говорит.

Не было никакого смысла скрывать от него поступок покойного отца, с горечью подумала про себя Джиллиан. К этому времени о нем уже наверняка знала вся Англия.

— Если бы не твоя болезнь, — произнесла она с болью в голосе, — ты бы, без сомнения, вспомнил о неудавшемся покушении на жизнь короля Иоанна в начале осени. Эллис из Уэстербрука... мой отец был тем самым человеком, который выпустил в него стрелу. Но стрела пролетела мимо цели и вместо короля поразила одного из его охранников.

— Боже милостивый! Твой отец...

— Да.

Гарет выпустил ее только для того, чтобы схватить за руку и усадить рядом с собой на постель.

— А теперь расскажи мне по порядку, что произошло, — произнес он. — И клянусь Богом, будет лучше, если между нами отныне не останется никаких тайн.

Джиллиан помрачнела, она уже смирилась со своей судьбой.

— Король Иоанн явился с визитом к Уильяму де Врие, барону, чьи владения находятся по соседству с нашими, начала она. — Однажды поздно ночью папа зашел ко мне в спальню...

Она невольно вздрогнула, уже в который раз слыша зловещие раскаты грома. Господи, неужели та ночь так никогда и не изгладится из ее памяти? Гарет слушал ее в каменном молчании, а Джиллиан между тем продолжала:

— Он намеревался бежать, пока его не схватили, и распорядился, чтобы мы с Клифтоном тоже покинули замок. Брат Болдрик должен был сопровождать меня, а Алуин, мажордом моего отца, взял на себя заботу о Клифтоне.

— Стало быть, он хотел укрыть вас подальше от монаршего гнева?

Джиллиан печально кивнула.

— Он боялся, что король захочет нам отомстить.

— И что потом случилось с твоим отцом?

— Его поймали несколько недель спустя. — Сердце ее обливалось кровью от муки, однако усилием воли ей удавалось держать себя в руках. — Не желая выдавать своего сообщника, он покончил с собой в темнице. До сих пор неизвестно, удалось ли найти второго убийцу или нет.

Она не стала признаваться ему, что видела того, другого человека в кабинете отца всего за день до покушения. Предостережение брата Болдрика до сих пор звучало у нее в уме. Никому ни слова. Кроме того, что она, в сущности, знала о нем? Ничего. Она все равно не смогла бы установить личность сообщника отца. Пожалуй, у Гарета были основания снова упрекать ее во лжи. Однако она умышленно тянула с ответом, подавив мимолетный приступ вины. Нет, с ее стороны это не было ни ложью, ни сокрытием истины.

— А твой брат?

В горле у нее встал болезненный комок.

— Я понятия не имею, куда отвезли Клифтона. — У нее перехватило дыхание. Ей было

тяжело даже просто думать об этом, а тем более говорить вслух. — Я даже не знаю, жив ли он еще или нет.

Вес это время Гарет внимательно прислушивался, подбородок был словно высечен из камня. Поднявшись с места, он устоял на нее с неумолимым видом:

— Тебе следовало бы довериться мне, Джиллиан. Почему ты этого не сделала? — Даже не дав ей возможности ответить, он продолжал: — Ты должна была рассказать все мне!

Уязвленная его резким тоном, Джиллиан тут же накинулась на него:

— А какой от этого был бы толк? Чем бы ты мог мне помочь? У тебя даже не хватало сил подняться с постели!

— Тебе не было нужды обманывать меня, тем более после того, что между нами произошло.

Его холодность только подлила масла в огонь.

— После того, что между нами произошло?

— Да. И я вовсе не имею в виду недавний случай. Ты прекрасно понимаешь и сама, о чем я говорю. — Тут он бросил многозначительный взгляд на ее губы.

Его невозмутимость разъярила ее еще больше. Джиллиан тут же вскочила на ноги.

— Неужели мне нужно напоминать тебе, кому предназначался тот первый поцелуй? По твоим словам, это был всего лишь сон. Но в любом случае очевидно, что ты ласкал с такой страстью вовсе не меня! — Она потянула темный локон, падавший на грудь. — Ты видел перед собой женщину с золотистыми волосами, похожими на солнце в ясный летний день. — Она повторила его слова с особой выразительностью. — Если я правильно помню, ее звали Селеста. Да-да, именно Селеста!

Ее колкость возымела действие, которого она не предвидела... и не могла предвидеть. Их словесный поединок внезапно оборвался. Гарет замер на месте, румянец отхлынул от его щек.

— Селеста? Я назвал ее Селеста?

— Да. — Джиллиан прижала пальцы к губам, движимая мучительным чувством безысходности. — О Господи! Ты говорил мне, что у тебя никого нет, но ведь она твоя жена, не так ли? Селеста — твоя жена.

— Моя жена умерла, — без малейших колебаний заявил Гарет. — Умерла.

Сердце ее невольно сжалось, и она мысленно проклинала себя. Ах, какую же глупость она совершила! Интуиция подсказывала ей, что Гарет был женат, однако она упорно отказывалась в это верить! Она всецело подпала тогда под чары его поцелуя...

— Откуда ты знаешь? Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я знаю. Уверен. Она умерла. Когда и как, сказать не могу, но ее нет в живых. — У Гарета зашумело в голове. Он ничего не мог объяснить. Ему достаточно было услышать одно лишь «Селеста», и воспоминание тут же пронзило его словно молния, словно древко пущенной чьей-то могучей невидимой рукой стрелы.

Джиллиан тоже поняла это. У нее перехватило дыхание.

— Значит, теперь ты вспомнил, кто ты такой?

— Да, — прошептал он. — Я — Гарет, — он помедлил, — лорд Соммерфилд.

Все случившееся казалось ему почти сверхъестественным. Почему это случилось — и как, — он объяснить не мог. Ощущение было таким, словно луч света проник сквозь трещину, в один миг озарив все его существо вплоть до самых заветных глубин ослепительным сиянием. Чувство радости, охватившее его, невозможно было передать словами. И вдруг так же внезапно, словно кто-то задул свечу, щель наглухо закрылась.

Свет внутри его погас, и он ничего больше не мог вспомнить.

Однако и этого оказалось для него достаточно. Теперь он был совершенно уверен, что Селеста была его женой. Боже правый, его женой! Тем не менее он не мог сказать, давно ли они были женаты и действительно ли она обладала волосами цвета солнца в ясный летний день. Он даже не мог подтвердить того, что он любил ее... как, впрочем, и опровергнуть! Но зато теперь он знал в точности, что его домом был замок Соммерфилд, величественная крепость, расположенная на вершине высокого холма где-то в северных графствах. С южной ее башни можно было видеть с полдюжины мерцающих озер, уютно пристроившихся между зелеными холмами, которые тянулись вплоть до самого побережья.

— Гарет?

Низкий женский голос вывел его из задумчивости. Взгляд его был устремлен на большеглазую темноволосую красавицу перед ним. «Итак, я — Гарет, лорд Соммерфилд», — подумал он про себя, набрав в грудь побольше воздуха. Девушку звали Джиллиан, дочь Эллиса из Уэстербрука.

Если бы она рассказала ему обо всем раньше, он бы наверняка вспомнил вес намного быстрее. Однако она была права. Он думал, что спал и видел сон.

Тут его сознание снова окутал мрак, но на сей раз мрак совсем другого рода. В голове у него все перемешалось.

— Господи Иисусе! — только и мог прошептать он. Что-то в выражении его лица, по-видимому, выдало его.

— Что?! — вскричала Джиллиан. — В чем дело?

— Тебе нельзя больше здесь оставаться.

У Джиллиан внутри все сжалось от леденящего душу страха.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе необходимо уехать отсюда. Сегодня же. Ночью.

Внезапный раскат грома потряс воздух. Стены дома задрожали... как и она сама. Все это до такой степени напоминало ту роковую ночь, что Джиллиан не в силах была этого вынести. Она зажала руками уши, чтобы не слышать его голоса.

— Это просто уловка. Ты хочешь меня напугать!

— Нет, Джиллиан, нет! — Он схватил ее за руки. — Ты должна меня выслушать, Джиллиан! Ты не можешь больше здесь оставаться. Это небезопасно.

Теперь она дрожала всем телом.

— Тебя послали ко мне люди моего отца? — Вопрос сорвался с ее губ робким, дрожащим голосом.

— Да. — Гарета не заботило то, что он солгал ей. По правде говоря, он и сам не знал, как и зачем здесь оказался, однако некое внутреннее чутье побуждало его быть настойчивым. — Ты не можешь здесь оставаться. Мы должны уехать отсюда как можно

скорее. Чем дольше мы тут задерживаемся, тем больше вероятность того, что король сумеет напасть на твой след.

— Ты говоришь, что я должна уехать, но куда? Брат Болдрик укрывал меня...

— А теперь о тебе буду заботиться я. Отвезу тебя в Соммерфилд. Там я сумею тебя защитить, — Его руки легли ей на плечи. — Тебе нечего опасаться меня, Джиллиан, клянусь тебе. Я не причиню тебе вреда.

Он был серьезен — пожалуй, даже слишком. Джиллиан пыталась подавить нарастающую в ее груди панику. Еще никогда в жизни она не чувствовала себя такой уязвимой, даже в ту ночь, когда ей пришлось покинуть Уэстербрук. Помоги ей Бог, она сама не знала, к кому ей обратиться за помощью! До сих пор рядом с ней всегда был наставник. Ее отец. Брат Болдрик. И вот теперь Гарет призывал ее довериться ему — человеку, которого она знала всего несколько недель и который, говоря по правде, едва знал самого себя! Хотя она презирала себя за слабость, все, что ей сейчас оставалось, — это уповать на то, что она не ошиблась в своем решении. Она глубоко вздохнула.

— А как же брат Болдрик?

— Он болен, ему не вынести столь долгое путешествие, — ответил Гарет прямо. То, что брат Болдрик, вполне вероятно, мог отойти в мир иной, было мыслью, которую он предпочел оставить при себе. — А теперь поскорее собери свои вещи.

Джиллиан покачала головой:

— Я не могу уехать, не повидав брата Болдрика.

На какое-то мгновение ей показалось, что он намерен ей отказать. Наконец Гарет сдался, кивнув в знак согласия головой.

Когда они добрались до церкви, время уже близилось к полуночи. Огарок свечи бросал отблески неверного света на влажную каменную стену. Мадам Агнес дремала в кресле рядом с постелью. Едва услышав скрип двери, она вздрогнула и проснулась.

Гарет сделал знак мадам Агнес отойти в сторону. Джиллиан осторожно опустилась на тюфяк и сжала в своей руке узловатые пальцы брата Болдрика. Они были холодны, как осенний ветер.

— Брат Болдрик, — прошептала девушка.!!!

Он выглядел таким бледным, лежал так спокойно и неподвижно, что в ней снова всколыхнулся страх. Ей даже показалось, что он уже умер. Но тут тяжелые веки приподнялись, и скрюченные пальцы старика чуть заметно сжали ее собственные.

— Брат Болдрик, я должна вам сказать: Гарет полагает, что, если я останусь здесь, мне грозит опасность. — Приглушенным голосом она поведала ему обо всем.

Брат Болдрик поднял глаза на Гарета, стоявшего возле двери.

— Итак, — произнес он голосом, напоминавшим больше шорох листьев на булыжной мостовой, — вы — лорд Соммерфилд?

— Да. — Гарет выступил вперед. По-видимому, он ожидал, что старый монах станет оспаривать его утверждение.

— Вы позаботитесь о леди Джиллиан? Вы сумеете защитить ее от гнева короля?

— Да.

— Поклянись. Дайте мне слово.

— Клянусь, — без малейших колебаний ответил Гарет своим обычным низким звучным голосом. — Я сумею защитить ее от гнева короля и даже близко его к ней не подпущу.

— Что ж, тогда будь по-вашему. — Взгляд брата Болдрика снова обратился на

Джиллиан, и она слышала в тишине его слабое дыхание. Не сводя с него глаз, она приложила его загрубевшую мозолистую ладонь к своей щеке. Он почувствовал влагу на ее коже. — Не надо плакать, дитя мое.

Девушка всхлипнула:

— Если бы только вы не были больны, мы бы взяли вас с нами. Ох... как я проклинаяю этот злосчастный недуг, который вас терзает!

— Это скоро пройдет, — ответил Болдрик.

— А если нет?

Он слабо улыбнулся:

— Значит, такова...

— Да, я знаю. Божья воля, — закончила за него Джиллиан. Ему легко было с этим смириться, но только не ей. Ее душили рыдания, свинцовая тяжесть сдавила грудь.

Позади нее послышался шорох, словно кто-то переминался с ноги на ногу. Джиллиан ясно ощущала присутствие Гарета и понимала, что ему не терпелось отправиться в путь.

— Джиллиан, — произнес он наконец. Она не обращала на него внимания.

— Брат Болдрик, пообещайте мне, что вы так просто не сдадитесь. Что вы постараетесь побороть проклятую болезнь...

— Обещаю тебе, дитя мое. — Губы брата Болдрика сложились в слабую улыбку, после чего он окинул беглым взглядом Гарета: — Одно небольшое предостережение, милорд. Я чувствую в вас непреклонную волю, однако с вашей стороны вряд ли разумно перечить леди, ибо я опасаясь, что временами она может быть столь же упрямой, как и ее отец.

Джиллиан так и застыла на месте, чувствуя на себе хладнокровный взгляд Гарета. Заметив, что она наблюдает за ним краешком глаза, он через силу улыбнулся.

— В таком случае я буду иметь это в виду, — заметил он. К ее удивлению, брат Болдрик протянул молодому человеку руку:

— Помните, милорд, вы дали мне слово. Гарет сжал пальцы старика.

— Я не забуду об этом, — ответил он тихо.

Рука брата Болдрика безвольно упала на грудь. Дыхание его становилось все слабее, глаза закрылись, словно у него больше не осталось сил держать их открытыми.

— Брат Болдрик! — вскричала Джиллиан.

— Поторопитесь, дитя мое.

С мокрыми глазами Джиллиан наклонилась и поцеловала брата Болдрика в щеку. Рыдания клокотали у нее в горле — рыдания, которые ей лишь каким-то чудом удавалось сдерживать.

Властная рука подхватила ее под локоть. Джиллиан оттолкнула ее. Сердце в ее груди разрывалось от горя.

— Оставь меня в покое! Рука Гарета опустилась.

— Как вам угодно, леди.

Высоко подняв подбородок, она проскочила мимо него, едва задев рукавом, и выбежала в ночь. Снаружи пронзительно завывал ветер, после чего воцарилась зловещая тишина. Слезы душили ее, однако она не могла допустить, чтобы Гарет увидел всю глубину ее отчаяния. Щеки ее были влажными и от слез, и от дождя.

Они долго шли пешком. Джиллиан едва не падала от усталости, готовая признать свое поражение. Когда Гарет объявил, что они могут несколько часов поспать, она опустилась на землю и тут же заснула.

К полудню следующего дня лицо Гарета выглядело бледным и изможденным. Он сильно хромал, однако через силу двигался вперед. Куда они направлялись — на север, юг, восток или запад, — она не имела понятия, да ее это и не слишком заботило. Она слишком устала.

В ту ночь они спали немного дольше, однако ночные тени все еще окутывали верхушки деревьев, когда на следующее утро они снова тронулись в путь. Почти на рассвете Гарет остановил ее, потянув за складки плаща.

— Кажется, я нашел-таки способ ускорить наше путешествие, — произнес он.

Джиллиан посмотрела вперед. Они как раз приблизились к окраине небольшой деревни. Из приземистой трубы крытого соломой деревянного строения колечками поднимался вверх легкий дымок. Из-за приоткрытой двери доносились шумные голоса подвыпивших мужчин и взрывы хохота. Джиллиан не могла скрыть раздражения.

— У нас нет денег на подобные...

— Нет, не сюда, — произнес он. — Вон туда.

Он жестом указал на коновязь возле задней стены, к которой были привязаны несколько лошадей. Услышав их голоса — а возможно, также учуяв их запах, — гнедой жеребец тут же повернул голову на звук, наострив уши.

Джиллиан приоткрыла рот, заметив внезапный блеск в глазах Гарета и улыбку нескрываемого удовлетворения у него на губах.

— По-моему, он славный быстроногий конь, как ты полагаешь?

Если бы животное заржало, подняв тревогу, он наверняка получил бы по заслугам. Но сейчас Джиллиан могла только смотреть и ждать, между тем как Гарет осторожно подкрался к жеребцу и затем резко выпрямился.

Жеребец фыркнул, и у нее невольно перехватило дыхание, когда человек и животное оказались лицом к лицу. Одна худая рука ухватила за привязь, а другая провела по широкой могучей груди коня. Когда Гарет подобрался к нему еще ближе, по шкуре животного пробежала заметная дрожь. Из ноздрей у него шел пар, хвост был высоко поднят.

Через несколько минут Гарет на коне легким галопом подскакал к ней. Гарет смотрел на Джиллиан сверху вниз с плутовской улыбкой на губах. Приподняв черную бровь, он протянул ей руку:

— Экипаж ждет вас, миледи.

Чуть поколебавшись, она вскочила в седло за его спиной.

— Похоже, ты в конце концов оказался самым обычным воришкой, — заметила она.

— Ах, теперь она еще и негодует! — Он воздел глаза к небу. — Уверю тебя, конь будет возвращен его законному хозяину, и притом с щедрой доплатой.

— К тому времени его хозяин будет уже далеко отсюда.

— В таком случае жеребец достанется владельцу трактира, и эта ночь принесет ему изрядный доход.

Против последнего утверждения ей возразить было нечего, да она и не собиралась с ним спорить. Гарет был прав: их путешествие окажется куда легче и быстрее верхом на коне, чем пешком.

Несколько часов спустя Джиллиан уже не была так в этом уверена. Она подняла вверх глаза как раз в тот миг, когда Гарет осадил жеребца у развилки дороги, посмотрев сначала направо, потом налево, и наконец снова обернулся назад. Между его бровями залегла хмурая складка. Она смертельно устала и еще никогда в жизни не чувствовала себя такой грязной.

— Неужели лорд Соммерфилд сбился с пути? — осведомилась она.

Гарет едва удержался от искушения огрызнуться, сказав, что на самом деле он сбился с мыслей... Он намеренно не обращал на нее внимания, в задумчивости потирая рукой подбородок. Чутье подсказывало ему, что когда-то он уже путешествовал по этой самой дороге. Если память его не подводила, то дорога, что уходила вправо, петляла между холмами, а другая, слева, представляла собой более удобный и короткий путь до Соммерфилда. Терпение Джиллиан было уже на исходе.

— Возможно, ты совсем не тот, за кого себя выдаешь. Не лорд Соммерфилд. А поскольку мы едем сейчас на краденном коне...

Гарет набрал в грудь побольше воздуха.

— Леди... — начал он предостерегающим тоном.

— ...то не исключено, что ты был прав, — продолжала она, — и ты действительно какой-нибудь разбойник, объявленный вне закона.

— Разбойник? Да если бы мы в этот самый миг столкнулись с людьми короля, то именно тебя, а не меня бросили бы в темницу!

С его стороны подобное напоминание было булавочным уколом. Увидев ее растерянное лицо, Гарет мысленно раскаялся.

В течение всего остального дня Джиллиан выглядела покорной и притихшей. Она отведала жареного зайца, которого он поймал в тот вечер в силки и приготовил на костре. Потом Джиллиан еще долго сидела на осеннем ветру, глядя на огонь. Наконец она пожелала ему спокойной ночи и улеглась на землю, завернувшись удобно в плащ. Все это время она избегала встречаться с Гаретом взглядом.

Гарет еще долго сидел у костра. Он то сжимал, то разжимал кулаки, борясь с искушением протянуть руку и привлечь Джиллиан к себе. Единственное, что его останавливало. — это ее ядовитый язычок, которым она владела, пожалуй, даже слишком хорошо! Он не мог отрицать и того, что в глубине души все еще злился на нее за ложь.

Наконец он расположился с ней рядом, избегая, однако, к ней прикоснуться. Это было, решил он про себя мрачно, довольно печальным концом дня, обещавшего стать таким прекрасным.

Заря только занималась на небосклоне, когда Джиллиан проснулась. Какое-то время она лежала неподвижно, наблюдая за тем, как золотистые лучи проникали сквозь туманную дымку, озаряя поляну, поросшую высокой травой, где они остановились на ночь. Едкий запах болотной грязи поднимался от земли, заполняя собой все вокруг, земля была покрыта тончайшим слоем инея. С невольным вздохом она завернулась плотнее в плащ, но влага проникала даже через плотную ткань. Корень дерева впивался ей в бедро, а когда она попыталась отодвинуться от него подальше, то ощутила боль во всем теле. Как ей хотелось сейчас поскорее оказаться в настоящей мягкой постели! Даже жесткий тюфяк в хижине, на котором ей приходилось спать все последние недели, и то показался бы ей сейчас желанным. И тут до ее сознания начало медленно доходить...

Она была совсем одна.

Джиллиан тут же вскочила на ноги. Сердце в ее груди бешено заколотилось. Какое-то движение, которое она уловила краешком глаза, привлекло ее внимание, и она почти наугад бросилась в ту сторону, пробираясь сквозь заросли кустов, доходивших ей до груди. Колючки царапали ей руки, однако Джиллиан не обращала на это внимания.

Раскидистые черные дубы стояли, словно часовые, над небольшим озерцом, спокойным

и прозрачным, покрывшимся золотистым глянцем в свете утреннего солнца. Гнедой жеребец, отметила она про себя, пасся тут же рядом. В ответ на ее появление он приподнял голову, после чего снова принялся лениво щипать траву поддеревьями. Но не животное заставило ее внезапно остановиться на месте, а Гарет. Он стоял недалеко от берега, повернувшись к ней спиной. Вода едва прикрывала его ягодицы, которые, как она помнила, были круглыми, жесткими и упругими. Она уставилась на гладкую, словно изваянную из камня поверхность его спины и черные лоснящиеся волосы. Девушка уже хотела было броситься бежать обратно сквозь заросли, но тут он, обернувшись, бросил на нее взгляд через плечо:

— Почему ты убегаешь от меня, Джиллиан?

— Я уже думала, что ты меня покинул, — выпалила она. Теперь он оказался с ней лицом к лицу. К ее удивлению, губы Гарета медленно растянулись в улыбке.

— Жаль, — заметил он. — Я надеялся, что ты хочешь ко мне присоединиться.

Щеки Джиллиан сделались пунцовыми.

— Мужчины и женщины не купаются вместе.

— Они не только купаются вместе, — тут в его глазах вспыхнул огонек, — но еще и купают друг друга.

Джиллиан пришла в ужас. Она бы с радостью оспорила его утверждение, но, по правде говоря, у нее не было никакого способа убедиться в том, так ли это на самом деле или нет!

Гарет как будто прочитал ее мысли.

— Ах да, я совсем забыл, — произнес он мягко. — Леди Джиллиан, будучи незамужней девицей, не имеет опыта в подобных вещах. Ну а вдова Мэриан... — Тут он развел руками. — Она, без сомнения, слишком мудра и проницательна, чтобы не понять, к чему могут привести подобные забавы.

С его стороны это было первым напоминанием о ее двуличии с тех пор, как они покинули хижину на берегу моря. Снова и снова Джиллиан повторяла себе, что у нее не было никаких оснований чувствовать себя виноватой, а у него не было никакого права в чем-либо ее упрекать. Он подтрунивал над ней, и она тем больше ненавидела его за это.

Красивые губы Гарета сложились в улыбку — озорную и вместе с тем самодовольную до дерзости. Джиллиан гордо вздернула подбородок.

— А знаешь, — заявила она медоточивым голосом, — ты нравился мне куда больше, когда лежал неподвижно в постели и не разговаривал.

Он рассмеялся низким заливистым смехом, и этот звук казался до странности приятным для ее слуха.

— Что ж, раз ты не хочешь зайти в воду, тогда мне самому придется выйти.

Джиллиан ахнула и поспешно отвернулась. Она услышала за спиной плеск воды и мелодию веселой песенки, затем наступила полная тишина. Она так и подскочила на месте, когда ей на плечо легла рука.

— Джиллиан! — произнес он мягко.

— Что? — Сердце в ее груди бешено стучало, когда он развернул ее лицом к себе. Неужели он до сих пор оставался обнаженным? Ей пришлось зажмурить глаза и напомнить себе, что она уже видела его голым... да, но не с ног до головы!

Слава Богу, он уже успел одеться. Ее взгляд остановился на его груди с густой черной порослью. Сердце ее замерло. Его руки на ее плечах были такими сильными и теплыми... Воспоминание о том, как он прикасался этими самыми руками к ее обнаженной груди,

обдало ее жаром. Однако его первые слова оказались совсем не теми, которые она ожидала от него услышать:

— Мне не следовало говорить тебе, Джиллиан, что если нас поймают, то именно тебя, а не меня отправят в темницу. Прости.

Глаза ее тут же омрачились.

— Почему бы и нет, раз это правда? — произнесла она чуть слышно. — Более того, будет лучше, если ты покинешь меня прямо сейчас, пока у тебя еще есть возможность, не то нас обоих найдут и мы вместе сложим головы на плахе.

— Я не брошу тебя, Джиллиан.

Губы ее задрожали, и она постаралась не выдавать собственной слабости.

— Долго еще ехать до Соммерфилда?

— Полагаю, дня четыре или, быть может, пять. Его ответ заставил ее снова поднять глаза на него.

. — Еще четыре или пять дней? Вид у нее был такой удрученный, что Гарет едва удержался от соблазна протянуть руку и погладить ее по щеке.

— Да, — произнес он.

И действительно, пять дней спустя, уже после захода солнца, они достигли Соммерфилда. За все это время Джиллиан ни разу не пожаловалась, и он, как ни странно, гордился ее мужеством. Когда они приблизились к замку, девушка дремала за его спиной. Постепенно она обмякла, прижавшись головой к его спине.

Гарет осадил жеребца на вершине пологого холма. Казалось, мир вокруг замер. Лунный свет струился с небес, окутывая серебристым сиянием землю внизу. Низины между холмами оставались погруженными в глубокую тень. Четыре громадные башни возвышались во всем своем величии на фоне дивной ночи. Это и было то самое место, которое он столько раз видел во снах... Замок Соммерфилд. Его дом. Возможно, с его стороны это и могло показаться эгоистичным, но он был почти рад тому, что Джиллиан так и не проснулась и что он мог созерцать Соммерфилд, когда только ночь была тому свидетельницей. Горло у него судорожно сжалось. Столько дней и ночей, лежа на постели в хижине, он чувствовал себя одиноким кораблем, без руля, который беспомощно метался по воле волн. Но теперь его неугомонная душа нашла наконец пристанище.

«Теперь я дома», — подумал про себя Гарет, и внезапно ему захотелось кричать от радости. Боже милостивый... наконец-то он был дома!

Скоро ворота замка были подняты, и массивные двери распахнулись. Когда Гарет галопом проскакал по подъемному мосту, кругом один за другим стали зажигаться факелы. Вдалеке залаяла собака.

— Вернулся! Наш хозяин вернулся! — послышались возбужденные голоса. Около дюжины рыцарей бросились вперед, наперебой приветствуя его. Джиллиан зашевелилась за спиной Гарета. Он легко соскочил на землю и обернулся, однако несколько пар рук уже тянулись к девушке, желая помочь ей спешиться. Едва оказавшись на ногах, она окинула взглядом полукруг двора. Гарет исполнился невольной гордостью, увидев в ее глазах благоговейный трепет.

Виночерпий уже спешил к ним с двумя серебряными кубками в руках. Гарет охотно взял один, предложив другой Джиллиан. Однако та отказалась, покачав головой. Не сводя с нее глаз, Гарет поставил кубок обратно на поднос.

— Ты не голодна? — осведомился он. Девушка улыбнулась:

— Я скорее устала, чем проголодалась.

Жестом руки Гарет подозвал горничную, которая только что появилась во дворе.

— Лидия, — начал он медленно, глядя ей прямо в лицо. Горничная покраснела.

— Линетт, милорд.

— Ах да, конечно. Линетт, это леди Джиллиан из Уэстербрука. Проследите пожалуйста, чтобы ее проводили в спальню и позаботились обо всех ее нуждах, — распорядился он.

Линетт присела в реверансе. Гарет смотрел, как Джиллиан идет по двору и поднимается по широкой лестнице, ведущей в главный зал. Платье ее выглядело помятым, подол весь в пятнах — без сомнения, у него тоже вид был ничуть не лучше, — и вместе с тем в ее осанке чувствовались врожденное достоинство и грация. При первом же взгляде на нее становилось ясно, что она воспитывалась среди высшей знати, однако он оказался настолько слеп, что не смог сразу этого понять! Гарет помрачнел. Невозможно было не заметить, что не он один уставился ей вслед — остальные мужчины во дворе не только сгорали от любопытства, но и взирали на нее с нескрываемым восхищением.

Вскоре все собрались в главном зале, где слуги разносили еду и питье.

— Мы так рады, что вы наконец вернулись, милорд, — заметил сэр Маркус, красивый молодой рыцарь с каштановыми волосами, которому в отсутствие Гарета было поручено надзирать за оборонительными укреплениями Соммерфилда.

Гарет окинул взглядом собравшихся. Как он и предполагал, многие в этот поздний час уже давно спали, однако он узнал среди присутствующих Ирвина, своего мажордома, сэра Эллиса и сэра Годфри, который служил еще его отцу и теперь присматривал своим опытным глазом за оружием в замке Соммерфилд, а также еще нескольких людей. Однако беглый взгляд на остальных не вызвал у него никаких воспоминаний. У Гарета вырвался хриплый смешок:

— Ах, Маркус, я рад уже тому, что мне вообще удалось вернуться домой.

— Мы все приготовили к вашему возвращению, милорд, однако никто из нас даже предположить не мог, что поручение короля так долго будет держать вас вдали от Соммерфилда.

Улыбка исчезла с лица Гарета. Поручение короля? Мурашки тревоги пробежали по его спине. За время их путешествия он сам мог наблюдать приметы того страха, о котором говорила ему Джиллиан. Женщины настороженно смотрели на всадников и тут же спешили вместе с детьми домой, стоило им завидеть незнакомца. Очевидно, король Иоанн был настоящим тираном, а народ Англии в его глазах являлся не более чем игрушкой, которую он использовал для собственной выгоды или просто ради забавы.

— С тех пор как я покинул замок, многое изменилось, —

произнес Гарет медленно. — После несчастного случая на море я полностью лишился памяти и лишь недавно начал припоминать некоторые вещи... Уже одно то, что я сумел добраться до Соммерфилда, можно считать огромной удачей. Более того, если бы не леди Джиллиан, я вообще не дожился бы до этого дня. Именно она нашла меня, полумертвого, выброшенного на берег после кораблекрушения, и приказала перенести к себе в дом, где и выходила меня.

Сэр Маркус выглядел непривычно серьезным.

— Милорд, вы назвали ее леди Джиллиан из Уэстербрука. Уж не дочь ли она Эллиса?

— Да, — ответил Гарет спокойно. — Дочь Эллиса из Уэстербрука, того самого человека, который пытался убить короля Иоанна. Похоже, что перед побегом Эллис распорядился увести Джиллиан и ее брата Клифтона в безопасное место. Им пришлось скрываться от короля, ибо Эллис с полным основанием опасался мести разъяренного Иоанна. И я должен повторить еще и еще раз, что если бы не леди Джиллиан, я скорее всего никогда не дожился бы до этого дня. Она спасла мне жизнь, и теперь я привез ее в Соммерфилд, чтобы спасти ее. — Он окинул взглядом своих людей. — Так или иначе мне не удалось бы сохранить ее личность в тайне, поэтому я решил оставить эти попытки. Однако вам сообщаю все это под большим секретом и надеюсь, что это останется между нами.

Собравшиеся закивали в знак согласия.

— А ее брат? Он в безопасности? — раздался чей-то голос.

— Этого никто не знает. Они с сестрой отправились разными путями. Эллис полагал, что так надежнее. Даже Джиллиан не знает, где он сейчас.

Тут заговорил сэр Годфри:

— Перед тем как покинуть замок, милорд, вы сообщили нам, что король взял с вас слово сохранить в тайне все, что касается вашего поручения, и будьте уверены, мы с должным уважением отнеслись к вашей клятве. Так будет и впредь. Кроме того, похоже, нам за многое следует быть признательными леди Джиллиан.

Это было еще одним знаком взаимного согласия. Гарет улыбнулся, после чего перевел взгляд на Годфри:

— Простите мне мою забывчивость, но не могли бы вы сказать мне, как долго я отсутствовал?

— Если не ошибаюсь, около трех месяцев.

— Три месяца!..

— Возможно, для вас будет облегчением узнать, что, по слухам, юный Робби прекрасно себя чувствует под защитой короля.

Сердце в его груди как-то странно сжалось.

— Юный Робби?

— Да, милорд. Хотя волосы у него светлые, как у матушки, он крепкий, сильный мальчик, настоящий сын своего отца. — Годфри усмехнулся. — Мы все надеемся, что ср

временем он станет таким же превосходным рыцарем, как и вы, милорд.

Гарет стоял как вкопанный. Ноги вдруг подкосились. Стоило Годфри произнести последние слова, как в сознании Гарета тут же всплыл образ: он сам, сидя в этом же зале перед камином, тормозит маленького мальчика. Мальчика со светлыми, как солнце, волосами и смеющимися зелеными глазами...

Его глазами.

У него есть сын. Боже милостивый, у него есть сын!

Однако ребенок вовсе не находился сейчас под защитой короля. Он являлся его заложником. Сколь бы осторожно Годфри ни подбирал слова, все прекрасно это понимали. При этой мысли Гарета захлестнула волна гнева, сменившегося уверенностью, от которой у него все похолодело внутри. Ибо теперь Гарет знал в точности, зачем он покинул Соммерфилд... кого он искал... и зачем.

Губы его скривились. Еще не так давно он заверил Джиллиан, что ей нечего опасаться с его стороны. Однако он ошибался — жестоко ошибался.

Теперь оставалось только проклинать себя последними словами. Поручение короля, нечего сказать!

Надо во всем признаться Джиллиан. Но что ей сказать, черт побери?

Она наверняка возненавидит его. Станет его бояться. И это когда она начала ему доверять!

Пожалуй, решил он про себя устало, вряд ли стоит заниматься этим прямо сейчас, тем более что скоро утро. Да, лучше подождать до утра.

Гарет, через силу улыбнувшись, поднялся из-за стола.

— К сожалению, мне пора пожелать вам всем спокойной ночи, господа. День был долгим и утомительным.

С этими словами он повернулся и направился к темному коридору. За его спиной послышалось чье-то вежливое покашливание. Обернувшись, он увидел сэра Маркуса, который слегка наклонил голову влево:

— Ваша комната в той стороне, милорд.

Джиллиан проснулась под веселое потрескивание огня в очаге, тепло от которого распространялось в самые дальние углы комнаты. Но вместо того чтобы сразу встать с постели, она вытянула ноги и спрятала лицо в подушку, наслаждаясь запахом чистых льняных простыней, меховых одеял и пуховых перин, окружавших ее со всех сторон. Возможно, кому-то все это покажется незначительной мелочью, однако после всего, через что ей пришлось пройти, она уже никогда не сможет принимать обильную еду, крышу над головой и прочие житейские удобства как должное.

С губ Джиллиан сорвался долгий вздох. Этот вздох был порожден не усталостью — она крепко спала всю ночь. Однако на душу ее набежала легкая тень, ибо мысли ее неизменно возвращались к брату Болдрику и Клифтону. Жив ли еще брат Болдрик? Она всем сердцем молила Бога о том, чтобы он поправился. А Клифтон? Быть может, он страдает сейчас от голода или от холода? По-прежнему ли с ним Алуин или нет? Ей даже казалось не столь важным, что ей не дано увидеть брата, прикоснуться к нему — хотя она желала этого всем своим существом! Нет, ей достаточно было просто знать о том, что он жив и здоров, чтобы ее тревога немного ослабла. Вместе с тем Джиллиан не могла отрицать того, что она уже давно не чувствовала себя в такой безопасности. С тех пор, как она прибыла в Соммерфилд, тяжкое бремя упало с ее плеч.

Раздался стук в дверь, в комнату заглянула горничная по имени Линетт. Увидев, что Джиллиан уже проснулась, девушка осмелилась войти. В руках у нее был поднос с едой.

— Я принесла вам завтрак, миледи. Вы, наверное, уже успели проголодаться.

Накануне вечером горничная проводила Джиллиан в отведенную ей спальню и помогла раздеться. Линетт понравилась Джиллиан с первого взгляда. Из-под ее чепца выбивались пряди темных волос, однако яркие, блестящие глаза придавали лицу добросердечное, жизнерадостное выражение.

Джиллиан покорно уселась на постели, а Линетт осторожно поставила ей на колени поднос. Там были два крупных ломтя хлеба с медом, нарезанный сыр и целое блюдо инжира.

— Боже мой, да тут вполне хватит еды для двоих!

— Миледи, вчера вечером вы не ужинали, к тому же, по словам хозяина, в последнее время вам часто случалось недоедать, поэтому я позаботилась о том, чтобы у вас всего было вдоволь.

Без сомнения, тревога заставила Джиллиан заметно похудеть с тех пор, как она покинула Уэстербрук. Платья из ее скромного гардероба, прежде ловко сидевшие на ее точеной фигурке, теперь казались ей велики. Однако Джиллиан оставалась непреклонной.

— Вряд ли я смогу съесть все это одна. Не хотите ли перекусить со мной, Линетт?

На какое-то мгновение горничная заколебалась.

— Ох, что вы! Я не могу...

— Прошу вас! Если только, конечно, вы не боитесь, что хозяин узнает об этом и прикажет вас побить. Я не хочу, чтобы у вас были из-за меня неприятности.

Джиллиан затаила дыхание. Конечно, ей трудно было представить себе Гарета дурно обращающимся со своими слугами, но кто знает?

К ее удивлению, Линетт рассмеялась.

— Нет, миледи, дело вовсе не в этом, — заявила она веселым голосом. — Вряд ли хозяин позволит себе побить кого-то из нас и, уж конечно, не допустит, чтобы это сделал кто-то другой. Наш хозяин, без сомнения, самый добрый и великодушный во всей стране. Осмелюсь заметить, что здесь, в Соммерфилде, нет ни одного человека, будь то мужчина, женщина или ребенок, который бы не имел вдоволь пищи и теплой одежды. Но я все равно очень признательна вам за ваше великодушное предложение, леди Джиллиан. Просто я не так давно уже позавтракала, но, если вам угодно, после того как вы покончите с едой, я могу отнести остатки кому-нибудь из мальчиков на кухне.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Превосходная мысль, Линетт. — Ответ горничной только подтвердил первоначальное предположение Джиллиан. — Будет жаль, если столько еды пропадет напрасно, а я готова поклясться, что одной мне всего этого не съесть.

С этими словами Джиллиан отломил кусочек хлеба и обмакнула его в мед. Теплый, сладкий, он буквально таял у нее во рту. Еще никогда в жизни простая еда не казалась ей такой восхитительно вкусной. Когда некоторое время спустя Линетт забрала с коленей Джиллиан поднос, она не могла скрыть улыбки: Джиллиан успела съесть весь хлеб и почти весь сыр.

— Не угодно ли вам принять ванну, миледи?

— Да, это было бы чудесно.

— Тогда я позабочусь об этом. Кстати, я уже почистила ваше платье, миледи.

Джиллиан почувствовала, что краснеет.

— Благодарю вас, Линетт. Это очень любезно с вашей стороны.

Она бросила беглый взгляд на девушку, но по лицу Линетт почти ничего нельзя было прочесть. Если даже горничная и находила странным то, что Джиллиан прибыла в Соммерфилд без сундуков с платьями и собственной служанки, она предпочла оставить свое мнение при себе.

Оставшись одна, Джиллиан с любопытством осмотрелась вокруг. Спальня, которую ей отвели, оказалась не слишком большой, но зато изящно обставленной. Стены украшали богатые гобелены, на полу были расстелены ковры, защищавшие ноги от холода. Маленькая кушетка перед высоким окном в форме арки была обложена пухлыми, заманчиво выглядевшими подушками. Соскользнув с постели в одной рубашке, Джиллиан выглянула в окно. Соммерфилд был большим замком, намного больше Уэстербрука. Еще накануне деревянные балки, поддерживавшие потолок огромного зала, заставили ее широко раскрыть глаза от изумления. Теперь же, при свете дня, она увидела, что внутренний двор замка был заполнен рыцарями, оруженосцами и пажами.

Вскоре в дверь снова постучали. Джиллиан поспешно забралась обратно в постель и натянула одеяло до самого подбородка, прежде чем ответить. Несколько девушек с трудом внесли в комнату ведра с горячей водой. Еще одна притащила деревянную бадью и ширму, поставив их перед камином. Затем вернулась Линетт, чтобы помочь госпоже вымыться. Джиллиан чуть было не отпустила ее, так непривычна ей была чья-то помощь. Однако дружелюбная улыбка Линетт и ее искреннее расположение постепенно свели все нежелание на нет. Было так приятно смыть наконец грязь, а пребывание в горячей душистой воде заметно облегчило ноющую боль, оставшуюся в теле после путешествия.

Линетт заканчивала заплетать ее волосы в косу, когда в дверь снова робко постучали. Это был молодой оруженосец. Они вполголоса обменялись несколькими короткими фразами, после чего Линетт снова вернулась к Джиллиан.

— Хозяин ждет вас внизу, миледи. Если вам угодно, я вас провожу.

Джиллиан кивнула. Губы ее внезапно пересохли.

Линетт ввела ее в комнату, находившуюся рядом с главным залом. Гарет сидел за широким столом. По обе стороны от него стояли два рыцаря. Еще утром, лежа в ванне, Джиллиан задавалась вопросом, что она почувствует, когда снова увидит Гарета, однако тогда она усилием воли выбросила эту мысль из головы. Теперь же она знала ответ. От одного его вида у нее перехватило дыхание, ладони стали влажными, сердце бешено заколотилось. Лохмотья, в которых она привыкла его видеть, исчезли. Богатая ярко-зеленая туника подчеркивала цвет глаз Гарета и облежала широкую грудь. Джиллиан казалось странным встретить этого человека в новом, непривычном для нее облике — хозяина огромного замка...

При ее появлении он выпрямился.

— Леди Джиллиан, позвольте представить вам двух моих рыцарей, сэра Маркуса и сэра Годфри.

Оба рыцаря поклонились, сердечно приветствуя ее. Сэр Годфри, как она сразу поняла, являлся старшим. Сэр Маркус, судя по всему, был примерно одних лет с Гаретом, хотя и уступал ему по красоте.

— Маркус, Годфри, вы не будете возражать? — Он взглянул на обоих с едва заметной улыбкой на губах. — Я должен поговорить с дамой наедине.

Рыцари поспешно удалились. Когда Гарет снова обернулся к ней, на его лице не

осталось и следа улыбки. Он жестом указал ей на кресло и захлопнул толстую приходную книгу.

— Полагаю, ты хорошо отдохнула. Джиллиан опустилась в кресло и сложила руки на коленях, однако ее поза оставалась настороженной, словно она готова была при первой опасности обратиться в бегство.

— Да, спасибо. Я отлично выспалась.

Однако о самом Гарете этого сказать было нельзя. Он сделал гримасу, ибо в ту ночь самые разные мысли не давали ему покоя. Кровь Господня, кого он собирался обмануть? Дело было не только в его сложном положении, но прежде всего в ней самой, в Джиллиан. По правде говоря, за последние недели он так привык чувствовать рядом с собой ее тепло, что теперь ему очень ее не хватало.

Тем не менее у самой Джиллиан сложилось впечатление, что он был не слишком рад ее видеть. Губы его были плотно сжаты, словно выражали неодобрение. Он молча смотрел на нее, словно не зная, что сказать. Наконец Гарет заговорил.

— Мне нелегко говорить с тобой об этом, но я должен это сделать, — произнес он коротко. — Ты уже призналась мне, что твой отец распорядился увезти тебя и твоего брата подальше от Уэстербрука, так как опасался за вашу безопасность, а до брата Болдрика доходили слухи, что король подослал к тебе наемного убийцу, который ищет тебя по всей стране.

Джиллиан сжала крепче пальцы, чтобы унять дрожь. — Да.

Он смотрел на нее немигающим взглядом.

— Ты оказалась права, Джиллиан. Действительно, есть человек, которому было поручено во что бы то ни стало выследить и убить тебя.

Холодок пробежал у нее по спине.

— Ты в этом уверен?

— Да.

— Но почему? — прошептала Джиллиан.

— Потому что я и есть тот самый человек, — произнес Гарет наконец. — Я тот, кого король подослал к тебе, чтобы... — тут в комнате на миг воцарилась напряженная тишина, — чтобы я стал твоим палачом.

На миг Джиллиан показалось, что она вот-вот лишится рассудка. Она ошеломленно уставилась на Гарета, ужас лишил ее дара речи. Ей невольно вспомнились дни, последовавшие сразу за тем, как она нашла его на берегу... дни, когда она молила Бога о том, чтобы Гарет ее услышал. Еще тогда она догадалась, что этот человек был прирожденным охотником, как и ее отец. Однако Джиллиан ни за что на свете не подумала бы, что именно она была его добычей. Кровь отхлынула от ее щек.

— Мать Пресвятая Богородица, — только и могла прошептать она. — Значит, тебя подослали ко мне, чтобы ты меня убил?

— Да. — В его словах не было ни извинений, ни оправданий. Он выглядел таким спокойным, таким деловитым, что в уме у нее даже промелькнула мысль, что он намерен исполнить поручение прямо здесь и сейчас.

Джиллиан потупилась. Рука, которую она поднесла к виску, заметно дрожала. Гарет поморщился при виде ее поникших плеч и ужаса в глазах. В лице у нее не было ни кровинки, и ему показалось даже, что она смирилась со своей судьбой — после всего, что ей пришлось пройти, последняя новость окончательно сломила ее дух.

Однако он ошибался.

В одно мгновение он поднялся с места и, обогнув стол, протянул ей руку с единственной мыслью успокоить ее. И почти тут же она в гневе вскочила с кресла, ударив его при этом что было сил плечом в грудь. Он пошатнулся и изумленно выругался.

— Ты обманул меня! — Глаза Джиллиан так и пылали негодованием. — Ты говорил о том, что мне угрожает опасность, но забыл упомянуть, что эта опасность исходит от тебя! — Тут она снова набросилась на него, давая выход своей ярости. Но прежде чем она успела вцепиться ему в лицо, он перехватил в воздухе ее поднятую для удара руку, после чего кое-как ухитрился поймать другую. Теперь обе ее руки удерживались в плену его рук, крепких и беспощадных. Не отпуская, он прижал ее всей тяжестью груди к стене. Джиллиан отчаянно вырывалась, крича и осыпая его проклятиями.

— Ты привез меня сюда, чтобы прикончить, не так ли? И ты еще смел обвинять меня во лжи, выставив самой последней грешницей на этой земле только потому, что я выдавала себя за вдову! Но в действительности это ты лгал мне! Ты поклялся оберегать и защищать меня, тогда как на самом деле все это время собирался меня убить!

— Нет, Джиллиан. Неправда.

Она попыталась вывернуться, однако он ее не отпускал.

— Так вот почему ты оказался тогда на берегу?

— Да. Я направлялся к тебе. Но корабль разбился во время бури, и когда я очнулся, то не помнил ничего о своем задании — ничего, кроме собственного имени. Остальное тебе уже известно. Когда я почувствовал, что ты в опасности, то привез тебя сюда, в Соммерфилд.

Девушка презрительно скривила губы.

— Да, лучше не придумайшь. Уж не хочешь ли сказать, что ты только сейчас вспомнил о том, что король приказал тебе убить меня?

Его мрачное лицо прорезали скорбные складки, однако Джиллиан в гневе не обратила на это внимания.

— Я отсутствовал целых три месяца, Джиллиан. Три месяца! Но только накануне, когда

мы вернулись сюда, я вспомнил истинную причину своего отъезда.

— Как бы там ни было, ты по-прежнему остаешься одним из лакеев короля! — Она бросила ему в лицо последние слова с явным намерением его уязвить.

Губы Гарета сжались в тонкую линию.

— Я не лакей короля!

— А как же еще прикажете вас назвать, милорд? Должна признаться, мне очень любопытно знать, какая цена была предложена за мою жизнь? Сколько заплатил тебе король за то, чтобы ты меня прикончил? Надеюсь, сумма по крайней мере была щедрой!

Гарет стиснул зубы. Бог свидетель, эта женщина могла и святого вывести из терпения!

— Он не заплатил мне ничего, — отрезал он. — Я согласился только потому, что хотел спасти моего сына.

— Твоего сына! — Глаза ее сначала широко раскрылись, потом презрительно прищурились. — У тебя нет сына! Ты же сам говорил мне, что твоя жена умерла.

— Да, она умерла. — Он резко произнес эти слова и угрюмо поджал губы. — Я не знаю, как и когда это произошло, однако я уверен в этом так же, как и в том, что нахожусь сейчас здесь, в Соммерфилде. Моему сыну пять лет. Его зовут Робби. — Взгляд его помрачнел. — Да простит меня Бог, но я ничего не помнил о нем до тех пор, пока не вернулся сюда.

Тут Джиллиан дала волю буре, бушевавшей в ее душе и сердце.

— И ты еще ждешь, что я тебе поверю? — вскричала она. — Что я стану тебя жалеть? Уж не хочешь ли ты пробудить тем самым во мне сочувствие? Что ж, в любом случае это не меняет дела. Ты негодяй! Мерзавец! Самая гнусная гадина на всей земле не идет ни в какое сравнение с тобой!

Гарет понимал, что в глубине души она была перепугана насмерть. Ошеломлена и разъярена. Что ж, этого он и ожидал. Этого он и заслуживал. Только поэтому он молча выслушивал ее тираду до тех пор, пока хватало терпения.

— Довольно! — отрезал Гарет. — Твоя мысль мне ясна. А теперь успокойся.

— Он еще требует от меня успокоиться! Да будь я мужчиной, клянусь Богом, я бы пронзила тебя насквозь!

— В таком случае мне остается только благодарить судьбу за то, что ты не мужчина.

С этими словами он повернул ее и усадил в кресло. Когда она хотела было снова вскочить с места, он схватил ее за руки.

— Сядь! — рявкнул он.

Джиллиан тут же притихла, однако вовсе не собиралась признавать свое поражение. Она гневно смотрела на него снизу вверх, а Гарет между тем выпрямился и произнес:

— Ты хочешь знать правду, и ты ее узнаешь. Мы здесь далеко от двора, однако я слышал о том, как Эллис из Уэстербрука пытался убить короля Иоанна. Я знал о том, какое недовольство вызывало в народе правление Иоанна, но вместе с тем меня раздражали беспрестанные стычки баронов между собой. Признаюсь, я был немало удивлен, когда они в конце концов объединились и заставили короля подписать Великую хартию вольностей. Я участвовал в Крестовом походе под предводительством короля Ричарда. Я считал, что исполнил свой долг перед короной, и потому старался держаться как можно дальше от всех этих междоусобиц, раздирающих королевство. По большей части мне это удавалось — до тех пор, пока однажды ночью король со своими советниками не решил остановиться на ночь в Соммерфилде по пути на север. Вряд ли я мог предложить ему проваливать подобру-поздорову, потому что никто не осмелится отказать своему монарху.

В его голосе появились мрачные нотки. Да, он скажет ей все, не упуская ни малейшей подробности. Если он и был безжалостным, то лишь потому, что она сама того требовала.

— Я узнал от спутников короля, что Эллис из Уэстербрука был схвачен и заключен в замок Рокуэлл, недалеко от шотландской границы. По-видимому, Иоанн хотел во что бы то ни стало установить личность второго человека, замешанного в заговоре наряду с вашим отцом, однако даже пытка не могла заставить Эллиса назвать имя своего сообщника.

Пытка! Джиллиан едва не вскрикнула от ужаса. Боль раздирала ей душу, словно кто-то вонзил ей в сердце острие кинжала.

— Папа думал, что сможет таким образом избавить Англию оттирании короля. Вот почему он пытался убить Иоанна. И в конце концов он предпочел скорее покончить с собой, чем покориться королевской воле.

— Да, король умен, этого у него не отнимешь. Очевидно, он сразу понял, что подобными приемами ему от твоего отца ничего не добиться, поскольку из его слов следовало, что он уже отрядил верных ему людей в замок Уэстербрук. Без сомнения, он намеревался схватить тебя и твоего брата Клифтона, чтобы шантажом заставить отца назвать имя второго соучастника покушения. Однако он не предвидел того, что Эллис скорее убьет себя, чем выдаст другого человека. В ту ночь к королю явился посланец, Гилберт из Линкольна, с известием о том, что Эллис покончил с собой. Кроме того, Гилберт сообщил ему, что замок оказался пуст. Я сам присутствовал при этом разговоре вместе с Гилбертом, а также двумя советниками короля, Джеффри Ковингтоном и Роджером Сеймуром. Я помню, как наблюдал за Гилбертом вот из этого самого угла. — Он кивнул головой в ту сторону. — Бедняга дрожал так, что у него стучали колени. И действительно, король впал в самое настоящее бешенство — все, что люди говорят о его приступах ярости, суцая правда. Король вопил, что оставлен в дураках. И кем? Мертвецом! Думаю, теперь уже ему никогда не узнать, кого именно пытался выгородить твой отец.

Джиллиан вся похолодела внутри. Ее отец действительно прикрывал кого-то: она отчетливо помнила тень человека за портьерой в тот далекий день в приемной.

— Он ругал Эллиса последними словами. Осыпал его снова и снова площадной бранью. Он приказал сровнять Уэстербрук с землей. По его словам, даже несмотря на то что Эллиса уже не было в живых, он должен заплатить сполна за то, что лишил короля возможности самолично с ним расправиться, а заодно и узнать имя второго убийцы. Еще никогда мне не приходилось видеть столько черной злобы в человеческом сердце. Даже смерть не является для Эллиса достаточным наказанием, в ярости кричал король. По его словам, лорд Уэстербрук должен быть жестоко наказан за измену. Ни его сын, ни дочь не оставят после себя потомства. Только тогда король сможет считать себя отмщенным.

Джиллиан вздрогнула. Иоанн и впрямь был настоящим чудовищем, раз задумал такой омерзительный поступок по отношению к двум ни в чем не повинным людям! Но вместе с тем она невольно задавалась вопросом, кто же из них двоих был большим негодяем... король или тот человек, который согласился взять на себя столь гнусное поручение? Она надменно вздернула подбородок.

— И тогда ты предложил ему свои услуги?

В тот миг Гарет охотно придушил бы ее. На щеках его заиграли желваки.

— Я не предлагал ему своих услуг, — возразил он холодно, выделяя каждое слово. — Меня выбрали только потому, что я присутствовал при этом разговоре... потому, что король решил провести ту злополучную ночь в Соммерфилде и, уж конечно, не желал пятнать свои

собственные руки или руки своих приближенных таким грязным делом.

— И тем не менее вы дали свое согласие, милорд Соммерфилд.

— Только потому, что он взял моего сына в заложники до тех пор, пока поручение не будет выполнено. Что бы вы обо мне ни думали, леди Джиллиан, — проговорил он в тон ей, — мои рыцари не чета вооруженным воинам короля. И если только в твоём сердце осталось хоть немного места для сострадания, пойми: мой сын до сих пор содержится в заложниках у Иоанна!

Джиллиан почувствовала невольные угрызания совести, однако предпочла не обращать на них внимания.

— А мой брат? — спросила она. — Жив ли еще Клифтон? Или ты выследил и убил его, а потом отправился за мной?

Последовало гробовое молчание, длившееся, как ей показалось, целую вечность.

— Не знаю, — ответил наконец Гарет.

Правда? Очередная ложь? Или он просто сам этого не помнил? Джиллиан всматривалась в его лицо, пытаясь проникнуть в его сокровенные мысли, однако так и не нашла ответа.

— Ты не знаешь? — переспросила она тоном уничтожающего презрения.

Румянец разом отхлынул от его щек.

— Нет, — ответил он.

— Ах, ты не знаешь! Я вижу, ваша память служит вам удобной отговоркой, милорд. — Джиллиан так и вскочила с места, не в состоянии скрыть своего негодования. — Интересно, помнишь ли ты хотя бы то, как тебе удалось меня разыскать?

— Это оказалось не такой простой задачей. Люди твоего отца рассеялись по всей стране, поскольку опасались, что король захочет выместить свой гнев на всех, кто служил у Эллиса. Вряд ли я мог открыть им свои истинные намерения, так что мне пришлось провести не один день в поисках того, кто согласился бы со мной поговорить. Наконец я заплатил щедрую сумму денег бывшему конюшему в замке Уэстербрук. Он видел, как мы втроем с отцом и братом отбыли в ту ночь из замка — все в разных направлениях. Со временем до меня дошли слухи о пожилom монахе, который когда-то служил у твоего отца, и о молодой женщине, которую видели вместе с ним. — Гарет спокойно встретил ее взгляд. — Что было дальше, я помню смутно, но кажется, я находился рядом с одним из портов на Северном море. Я поднялся на борт корабля, чтобы поскорее добраться до Корнуолла, куда отвез тебя брат Болдрик.

— А те люди на борту корабля? Они тоже были слугами короля?

На лице Гарета промелькнуло странное выражение, которое Джиллиан могла бы принять за сожаление, будь она расположена к нему хоть немного более благосклонно.

— Нет, они были командой корабля, — ответил он тихо. — Я путешествовал один. Действовал в одиночку. Только король и двое его советников были осведомлены о моей миссии. Даже мои рыцари не знали всей правды.

Его признание заставило ее побледнеть, как первый снег зимой, однако подбородок ее приподнялся еще выше.

— Что ж, я верю вам, милорд. Никто не осмелится отказать своему монарху. Так что же мешает тебе покончить с поручением прямо здесь и сейчас, когда я всецело завишу от вашей милости?

— Мне казалось, ты знаешь меня куда лучше, Джиллиан.

— Я совсем тебя не знаю! Ты не тот человек, который очнулся когда-то в моей хижине. — Тон ее был намеренно оскорбительным. — Ты Гарет, лорд Соммерфилд, верный сторонник короля Иоанна, марионетка в его руках, готовая исполнить любой его приказ. Вот все, что я знаю. Похоже, у твоего сына есть основания гордиться своим отцом!

Эти слова глубоко уязвили Гарета.

— Марионетка, черт побери! — не сдержавшись, вскричал он. — Да я был для него не более чем пешкой!

В душе Джиллиан бушевал неукротимый гнев.

— И до сих пор ею остаешься!. — заявила она с горечью в голосе. — С какой стати я должна верить каждому твоему слову? Ты обманул меня. Клялся, что никогда меня не бросишь и не причинишь мне вреда. И подумать только, я сама выгораживала тебя перед братом Болдриком, пытаюсь представить человеком чести и долга! Ты уверял, что мне нечего опасаться с твоей стороны, тогда как ты сам и был для меня главной опасностью! И клянусь Богом, я ни за что здесь не останусь!

Ее заявление было встречено презрительным фырканьем. Черные брови Гарета высоко приподнялись.

— И куда ты пойдешь? — заявил он напрямик. — Брат Болдрик скорее всего уже стынет в могиле. Уэстербрук сровняли с землей.

У Джиллиан перехватило дыхание. От его слов у нее все разрывалось внутри.

— Что?! — вскричала она голосом, полным сладкого яда. — Уж не собираешься ли ты снова меня выследить? В таком случае с моей стороны было бы глупо говорить тебе, где меня искать, не правда ли?

На сей раз ей, очевидно, удалось задеть его не на шутку. Гарет только моргнул и ничего не ответил. Расправив плечи, Джиллиан подобрала юбки и сделала шаг в сторону, чтобы обойти его. Или, вернее, пыталась сделать. Длинные руки тут же схватили ее.

— Отпусти меня!

— Чтобы ты снова убежала? Ну уж нет!

Джиллиан тут же вскинула голову. Его ухмылка неприятно действовала ей на нервы. Она уперлась ему в грудь кулаками, пытаясь вывернуться, однако он только усилил хватку до тех пор, пока ее груди не оказались вплотную прижатыми к его могучему торсу. Глаза ее вспыхнули гневом.

— Ох, я это знала. Я почувствовала это еще с самого первого дня, когда ты спал. Ты просто мужлан, грубый самоуверенный мужлан!

— Самоуверенный — возможно. Но мужлан? — Он покачал головой. — Вот уж ни за что на свете!

Жалкий хвостун! Губы ее слегка приоткрылись, она готовилась обрушить на него всю силу своей ярости.

— Милорд! Мне надо с вами поговорить! — В дверь стучали.

Улыбка сразу исчезла с губ Гарета.

— Только не сейчас! — крикнул он через плечо, не сводя глаз с лица Джиллиан. Непрошеное желание огненной струей пронизало все его существо. Господи Иисусе, она и в гнев была прекрасна! Щеки ее пылали, глаза блестели, как два драгоценных сапфира, губы — о, эти дивные губы! — приобрели нежнейший розовый оттенок летних роз. Он хотел стиснуть ее в объятиях и прижать ее бедра к своим, чтобы она ощутила пульсацию его плоти. Он хотел накрыть ее губы своими, унять ее яростное сопротивление поцелуями, дабы

переполнявший ее сейчас огонь гнева сменился огнем совсем другого рода... Он опустил голову, но тут в дверь снова постучали:

— Милорд, дело не терпит отлагательства. Пробормотав проклятие, Гарет выпустил ее, шагнул к двери и распахнул ее.

— Только не сейчас, Маркус!

Маркус покраснел, однако не подумал отступить.

— Милорд, стражники у ворот получили срочное донесение. Король извещает о том, что прибудет сюда через час.

Гарет колебался лишь одно мгновение.

— Подождите меня в зале, — отрывисто приказал он, после чего снова обернулся к Джиллиан. Никогда в жизни ему не забыть того ужаса, который он прочел в ее глазах.

— О Боже, — прошептала она.

До чего же странно, размышлял впоследствии Гарет, что вся ее детская ранимость и беззащитность выразились всего в двух простых словах. Вид у нее был как у зверька, загнанного в угол, она прерывисто дышала. На его глазах она покачнулась и непременно упала бы, если бы он вовремя не поддержал ее. Казалось, все оборвалось у нее внутри; ум Гарета лихорадочно заработал. Господи, ведь это он сам был во всем виноват! Он думал спасти ее, привезя в Соммерфилд, а вместо этого она угодила прямо в пасть льва.

Неожиданно Джиллиан выпрямилась, словно кто-то толкнул ее в спину. Взгляд ее метнулся к двери.

— Я должна уехать, пока сюда не явился король!

Гарет почувствовал, что она на грани срыва. Он притянул ее к себе поближе, сжимая пальцами ее хрупкие запястья.

— Нет, — произнес он, — в этом нет нужды.

— Нет, есть!

— Я могу помочь тебе, Джиллиан.

— Помочь мне? О нет, едва ли! Я приехала с тобой сюда, в Соммерфилд, потому что верила, будто ты действительно хочешь мне помочь. Но вместо этого ты хочешь передать меня прямо в руки королю, чтобы спасти своего сына.

Едва эти слова сорвались с ее губ, как Джиллиан тут же прониклась презрением к самой себе. Ей казалось низким, недостойным завидовать жизни маленького мальчика, однако она не могла отрицать того, что все ее существо в тот миг было охвачено ужасом.

Губы Гарета плотно сжались.

— Ты не можешь провести весь остаток своих дней скрываясь.

— Лучше провести его скрываясь, чем лежать холодным трупом в могиле, как мой отец! — в отчаянии воскликнула Джиллиан.

— Есть и другой выход.

— Другого выхода нет! — вырвалось у нее сдавленное всхлипывание.

— Нет, есть. — Он потащил ее за собой в коридор.

— Маркус! — рявкнул он.

Молодой рыцарь тут же приблизился к ним и остановился перед Гаретом, ожидая его приказаний.

— Да, милорд?

— Приведи сюда священника, Маркус, да поживее!

— Слушаю, милорд! — Маркус тут же бросился со всех ног выполнять поручение.

Это Джиллиан никак не ожидала услышать. Страх обуял ее. Что еще задумал Гарет? Ей вдруг пришло в голову, что он в конце концов решил ее убить и из какого-то извращенного понятия о чести позвал священника, чтобы тот совершил над нею последние обряды. Только огромным усилием воли она заставила себя задать вопрос:

— Зачем ты послал за священником?

— Чтобы он нас обвенчал, — отозвался Гарет угрюмо. — Зачем же еще?

Джиллиан потеряла дар речи. Она разрывалась между желанием истерически расхохотаться и погрузиться на самое дно отчаяния. Выведенная из себя его словами, она с яростным криком вырвалась из его рук.

— Ни за что! Я никогда не выйду замуж за человека, который пытался меня убить!

— Если ты этого не сделаешь, то можешь распрощаться с жизнью. Ты этого хочешь?

Даже воздух между ними, казалось, был раскален. Голос Гарета подгонял ее, подстрекал к действию. Джиллиан судорожно сглотнула. В горле у нее пересохло. Она ненавидела себя за собственную беспомощность, за неспособность противостоять королю. Однако Гарет был совершенно прав. Даже он, владелец этого огромного, величественного замка, не мог оказать королю достойного сопротивления.

— Нет, — донесся до него ее прерывистый шепот.

— Как твой муж, я могу дать тебе защиту, которая в любом другом случае была бы невысказана. — Он произнес эти слова сдержанным тоном, однако они были чистой правдой. — А теперь выбирай, потому что времени на раздумья у нас нет. Ты согласна выйти за меня замуж?

Джиллиан затаила дыхание. Яростная борьба бушевала в ее груди. Да, он был прав. Куда еще она могла пойти? Родители умерли. Где сейчас Клифтон, она не знала. Уэстербрук сровняли с землей. У нее не осталось никого и ничего — ни семьи, ни дома. Горло у нее саднило, когда она заморгала, чтобы скрыть горькие слезы. Нет, она не заплачет. Она не даст воли слезам.

Джиллиан выдерживала на себе его холодный пристальный взгляд до тех пор, пока у нее на это хватало терпения, после чего отвела глаза в сторону.

— Да, — произнесла она едва слышно. — Я выйду за тебя замуж.

Все дальнейшее произошло словно в тумане. Не успела Джиллиан опомниться, как уже стояла перед алтарем в главном зале. Священник, которого, как ей успели сообщить, звали отец Пол, выглядел лишь слегка недовольным, поглаживая толстое брюшко и кивком давая понять, что готов приступить к церемонии. Если у него и имелись сомнения по поводу того, зачем Гарету понадобилось вступать в брак почти сразу же после возвращения в замок, он предпочел оставить их при себе. Сэр Маркус и сэр Годфри находились тут же рядом в качестве свидетелей. Любопытствующие наблюдали за ними из дверного проема. Сама Джиллиан стояла неподвижно, словно деревянный истукан, между тем как Гарет занял место рядом с ней. Она не сомневалась в его железной воле. Отец Пол тем временем откашлялся и заговорил.

Его слова сливались в ее сознании в один сплошной поток. Боже правый, лихорадочно размышляла про себя Джиллиан, что она натворила? Неужели она и впрямь сошла с ума? Если бы она могла убежать, она бы непременно так и сделала. Ее сотрясала дрожь. Ценой невероятного усилия она подавила ее, после чего украдкой взглянула на Гарета — поступок, о котором тотчас пожалела. Когда их глаза встретились, взгляд его был холодным, почти отстраненным.

Джиллиан первая не выдержала и отвела глаза.

Когда настало время произнести слова брачного обета, Гарет сделал это без малейших колебаний. Его голос был четкий и уверенный. Ее слова едва можно было расслышать.

Затем все было кончено. То, что Джиллиан отвернулась от Гарета, не было простой случайностью. Она не заметила, как он недовольно скривил губы. Тут перед ней предстал Маркус.

— От имени всех рыцарей моего господина мы желаем вам счастья, миледи, — произнес он с почтительным поклоном.

Сэр Годфри оказался не таким робким. Он перехватил ее руку и поднес к губам.

У Джиллиан все еще кружилась голова. Краешком глаза она заметила, как какой-то молодой рыцарь приблизился к Гарету:

— Милорд, король и его свита уже почти у самых ворот. Джиллиан тут же подняла голову.

— Что ж, в таком случае моя жена и я должны их приветствовать. — Он окинул взглядом Джиллиан с ног до головы. — Пойдем, — только и мог сказать он.

Они остановились у подножия широкой каменной лестницы, ведущей во внутренний двор замка. «Настоящий хозяин поместья, ожидающий прибытия своего сюзерена!» — с горечью размышляла про себя Джиллиан.

«Но теперь ты хозяйка этого поместья», — прозвучал слабый укоризненный голос где-то в самой глубине ее сознания.

Джиллиан еще не успела прийти в себя от этой ошеломляющей мысли, когда до ее слуха донеслись звон шпор, бряцание оружия и лязг доспехов, возвестившие о прибытии короля. Ей хотелось бежать прочь, словно сам вид его мог навсегда ее запятнать. Однако какая-то неведомая сила, над которой она сама была не властна, удержала ее.

Небольшая кавалькада галопом проскакала под высокой аркой. Глаза Джиллиан округлились, едва она заметила целую вереницу грохочущих повозок, медленно тащившихся сзади. Она не обратила внимания на то, каким тревожным стал взгляд Гарета, пока тот подсчитывал в уме число лошадей и повозок...

Узнать среди всадников короля было нетрудно, хотя Джиллиан ни разу не видела его в лицо, когда он гостил у их соседа, Уильяма де Врие. Иоанн восседал на превосходном коне чистой белой масти, однако в ее сознании невольно промелькнула мысль, что в его облике не было ничего истинно благородного или королевского. Нет, этот человек, так горделиво державшийся в седле, отнюдь не производил впечатления величия, даже несмотря на роскошное одеяние. Отороченная горностаем мантия не могла скрыть раздавшийся живот, выступавший над шелковым с кисточками поясом, — король явно был склонен к полноте. Голенища высоких сапог тоже были отделаны горностаевым мехом. Похоже, что супруга Изабелла с фрейлинами на сей раз не сопровождали его. Несколько придворных, явно занимавших высокое положение, спешили первыми, после чего бросились на помощь своему монарху.

— Джиллиан.

Она тут же подняла глаза на Гарета.

— Возьми меня за руку, — отрывисто произнес он. Джиллиан инстинктивно отступила назад.

— Возьми меня за руку и улыбайся. И ради Бога, если ты хочешь спасти свою жизнь, не вздумай со мной спорить или опровергать мои слова, что бы я ни говорил и ни делал.

Их взгляды столкнулись в безмолвном поединке. Во всем его облике чувствовалась властность, не допускавшая ни малейших возражений, тогда как в ее глазах была нерешительность. При виде ее колебания в его глазах промелькнуло нечто похожее на

предостережение — предостережение, которое она не понимала до конца, однако не стала с ним спорить. Без единого слова Гарет протянул ей руку.

Джиллиан вложила свои холодные дрожащие пальцы в его ладонь, и он сжал их так, что она чуть было не вырвала руку — однако не посмела. Сейчас она как никогда раньше понимала, что оказалась в ловушке. Его ладонь показалась ей горячей как огонь. Мучительная боль пронизала все ее существо, ибо это было так не похоже на их ночи в домике на берегу моря...

Гарет увлек ее за собой, и они вместе предстали перед королем. Иоанн оказался коренастым и широкоплечим человеком, его квадратное лицо обрамляла густая черная борода, скрывавшая тяжелый подбородок.

— Ваше величество, — заявил Гарет, — ваше прибытие сюда можно считать большой удачей, ибо я сам лишь недавно вернулся в Соммерфилд.

Темные глаза короля блеснули.

— И впрямь это большая удача, поскольку я отправил вам несколько посланий за последние недели и ни на одно из них не получил ответа. Я решил выяснить сам, что произошло со времен нашей последней встречи. — Он указал на человека по правую руку от себя, стройного мужчину с каштановыми волосами: — Вы, должно быть, помните лорда Джеффри Ковингтона... — Он перевел взгляд на другого своего спутника, седоволосого, с массивной грудью: — И лорда Роджера Сеймура.

— Да, разумеется. — Гарет слегка поклонился обоим советникам: — Мое почтение, милорды.

Тут внимание короля привлекла Джиллиан. Его маленькие черные глазки так и загорелись похотью, вызывая у девушки непреодолимое отвращение.

— Что-то не припомню эту прелестную юную леди, — произнес Иоанн с плотоядным выражением лица. — Уж не спрятали ли вы ее в ту ночь подальше от наших глаз, Соммерфилд?

— Нет, милорд. — Смех Гарета был притворно беззаботным. Он поднял вверх их соединенные руки: — Позвольте мне представить вам мою жену, леди Джиллиан из Уэстербрука.

Джиллиан завидовала его спокойствию. У нее неприятно засосало под ложечкой, каждый мускул напрягся, ноги дрожали, ибо этот день вполне мог оказаться последним в ее жизни. Только усилием воли ей удалось унять дрожь в голосе.

— Сир, — только и могла произнести она. Ей претило обращаться к этому человеку вежливо, однако она наклонила голову и сделала реверанс.

Последовало томительное молчание. Король Иоанн сделал резкий вдох, и, едва выпрямившись, Джиллиан заметила, как черты его лица исказились злобой. Оба его советника выглядели ошеломленными и явно чувствовали неловкость. В тот миг она ничуть не сомневалась в том, что король с его низкой и порочной душой был способен на любой, даже самый бесчестный поступок. И только Гарет по-прежнему оставался невозмутимым.

Взгляд Иоанна был прикован к ней, столь же уничтожающе презрительный, как и его тон.

— Леди Джиллиан. — В его устах ее имя звучало как самое худшее из проклятий. — Вы приходите дочерью Эллису из Уэстербрука?

Джиллиан храбро выпрямилась. Несмотря на дрожь во всем теле, она ни за что не станет показывать свой страх или раболепствовать перед этим ненавистным человеком. И

уж тем более она не упадет перед ним на колени, моля о милости и пощаде.

— Да, сир, — ответила она с видом спокойного достоинства.

Король перевел взгляд на Гарета.

— Нам нужно поговорить, — произнес он отрывисто.

— Без сомнения, милорд... после того, как я увижусь со своим сыном.

Джиллиан была поражена его смелостью.

— Ваш сын жив и здоров, — отрезал король.

— Я хочу убедиться в этом сам, — спокойно произнес Гарет.

— Его здесь нет. — Иоанн раздраженно махнул рукой.

— Покорнейше прошу простить меня, ваше величество, но, судя по всему, вы сейчас так заняты другими делами, что не заметили его присутствия. — Гарет обернулся и указал на самую последнюю повозку в процессии, где можно было заметить едва различимую белокурую головку. — Я вижу его вон там, вместе с няней. Позвольте мне снова выразить вам свою признательность за то, что вы разрешили ей сопровождать мальчика.

Его слова не только удивили Джиллиан, но и привели в ужас. О да, язык у него был подвешен как нельзя лучше. Он мог отдавать и брать почти на одном дыхании.

— Клянусь Богом, вы позволяете себе слишком много! — воскликнул Иоанн, оскалив зубы. — Но, поскольку я сегодня в особенно благодушном настроении, я готов удовлетворить вашу просьбу. — Он поднял руку, и Роджер Сеймур отступил в сторону, чтобы передать распоряжение короля одному из рыцарей королевской свиты.

Тут же высокая худощавая женщина почтенного вида пересекла двор, держа за руку маленького мальчика. Едва они оказались рядом, женщина присела в реверансе и, схватив руку Гарета, приникла к ней поцелуем.

— Милорд Соммерфилд! — воскликнула она сияя. — До чего же приятно снова вернуться домой!

— Вы правы, Эдит, — произнес он, едва заметно улыбнувшись в ответ на приветствие. — Вы будете щедро вознаграждены за то, что так хорошо заботились о моем сыне.

Он обращался к женщине, однако ни на минуту не сводил глаз с мальчика, который смотрел на него снизу вверх. Выпустив руку Джиллиан, Гарет сел перед ребенком на корточки, жадно разглядывая его золотистые волосы и пухлые розовые щечки.

— Робби, — произнес он хриплым голосом, положив руки на его узенькие плечи. — Мой мальчик. Мой сын.

Робби, протянув ручонку, коснулся покрытой жесткой щетиной щеки Гарета.

— Папа? — произнес он робко. Гарет не сразу смог заговорить.

— Да, малыш, — произнес он наконец сдавленным голосом. — Да!

И он крепко прижал маленькое крепкое тельце к своей груди. Робби доверчиво положил голову на плечо отца.

— Трогательная встреча, — раздался насмешливый голос короля, — но, на мой взгляд, она слишком затянулась, Соммерфилд. — Он сделал знак одному рыцарю, потом другому: — Джеффри, Роджер... — Тут его взгляд задержался на Джиллиан. — Вы тоже можете пойти с нами, девушка, — обратился он к ней надменным тоном, — поскольку именно вашу судьбу я и намерен сейчас решить.

Гарет подхватил Робби на руки, высоко подняв в воздух. У Джиллиан возникло ощущение, что он собирается ответить отказом. Но тут Эдит предложила самой отвести

малыша в дом.

— Благодарю вас, Эдит. Возможно, повар на кухне найдет для него лакомый кусочек.

Вскоре они впятером — король Иоанн, Гарет, Джеффри Ковингтон, Роджер Сеймур и Джиллиан — удалились в комнату над главным залом. Ковингтон и Сеймур отступили к стене в дальнем углу комнаты. Джиллиан спрятала руки в складках юбки, чтобы скрыть дрожь, между тем как низкорослый, коренастый монарх расположился в кресле, которое услужливо пододвинул ему Ковингтон.

Иоанн не стал тратить времени зря. Его тонкие губы сложились в злобном оскале.

— Вы предатель? — осведомился он, обращаясь к Гарету.

— Нет, ваше величество.

— Тогда почему вы не прикончили ее, как я вам приказал?

У Джиллиан сжалось сердце. Ей казалось, что полкомнаты уплывает у нее из-под ног. Так, значит, это правда. Не то чтобы она сомневалась в словах Гарета, который уверял, что ему поручено было с ней расправиться. Однако едва она услышала, как король с такой холодной жестокостью решает ее судьбу, как земля ушла у нее из-под ног.

Король тем временем продолжал выплескивать свой гнев.

— Почему она до сих пор жива? — Он с презрительным видом ткнул пальцем в сторону Джиллиан. — Потрудитесь объяснить, лорд Соммерфилд, почему я не могу осудить вас как предателя за то, что вы оказались неспособным ее убить?

— Я вовсе не горю желанием увидеть, как ваши войска, милорд, будут осаждать Соммерфилд, но все же умоляю вас меня выслушать.

О да, Гарету нельзя было отказать в уме. Он знал в точности, что нужно сказать, чтобы спасти свою голову от плахи.

— Ну так выкладывайте! — рявкнул король.

— Мне и впрямь удалось проследить путь леди вплоть до того места, где она скрывалась. Я поднялся на борт корабля, чтобы ускорить путешествие, но как раз когда я уже почти добрался до цели, мой корабль попал в страшный шторм. Каким бы странным это вам ни показалось, очнувшись, я не помнил ничего о своем прошлом — ничего, кроме собственного имени. Когда я пришел в себя, леди Джиллиан была рядом. Именно она вернула меня к жизни.

— Стало быть, вы женились на ней из благодарности — только потому, что она спасла вам жизнь? — Иоанн закатил глаза. — Бог ты мой, Соммерфилд, что за несусветная чушь! До меня доходили слухи о том, что вы были ожесточены и подавлены смертью своей жены и стали совершенно равнодушным ко всему, кроме сына. Уж не утратили ли вы заодно с памятью и свой спинной хребет?

Упрек Иоанна таил в себе изрядный привкус яда. Глаза Джиллиан округлились, она с тревогой ждала, что ответит Гарет на колкость короля. Ей не пришлось долго пребывать в недоумении. К ее удивлению, он беззаботно рассмеялся:

— О нет, едва ли, сир. Я увлекся этой девицей. Я хотел ее.

Этого она никак не ожидала от него услышать. Изумленная Джиллиан во все глаза смотрела на Гарета. Говорил он правду или нет? Едва эта мысль промелькнула в ее сознании, как крепкая мужская рука обхватила ее спину. Указательным пальцем другой он провел беззастенчиво вдоль линии ее декольте, после чего опустил его к ложбинке между грудями — нет, еще ниже!

Вот бессовестный негодяй! Джиллиан едва сумела взять себя в руки, ибо соблазн ткнуть

его локтем в живот был слишком велик — и, Бог свидетель, если бы не присутствие короля, она бы наверняка так и поступила! Она стиснула зубы. Заметив это, Гарет лишь усмехнулся и крепче прижал ее к себе.

Иоанн ударил кулаком по украшенному резным орнаментом подлокотнику кресла.

— Так почему же вы просто не затащили ее к себе в постель и не покончили с этим раз и навсегда? Она несет в себе кровь своего отца!

— И мое семя, — добавил Гарет с нарочитой мягкостью. У Джиллиан пошла кругом голова. Едва она успела прийти в себя, как тысячи самых разных мыслей завертелись в ее сознании. Ужас. Недоверие. Где-то в самой глубине души ей оставалось только радоваться, что она вообще сумела удержаться на ногах — без сомнения, только потому, что пальцы Гарета впились почти до боли в ее руку. Ум ее лихорадочно работал. Какого еще черта он задумал? Зачем ему понадобилось делать подобные заявления? Лишь сейчас до ее затуманенного рассудка дошло, почему он предупреждал ее, чтобы она не спорила с ним и не возражала.

Гарет между тем отошел в сторону ухмыляясь. Он окинул взглядом ее фигуру, задержавшись на выпуклостях груди под тканью платья — откровенное нарушение приличий. Несмотря на все свои благие намерения, Джиллиан густо покраснела.

— Она была девственницей, когда я впервые увидел ее, — произнес Гарет почти томно, и улыбка на его лице сделалась шире. — Но так продолжалось недолго, не правда ли, моя прелесть? О да, пока я выздоравливал после кораблекрушения, она каждый вечер охотно приходила в мои объятия.

Лицо Джиллиан сделалось пунцовым. «Да как он посмел?!» — спрашивала она себя в приливе справедливого негодования. Внутри ее закипал гнев. Гарет насмеялся над ней — насмеялся самым жестоким образом, — и она ничего не могла с этим поделать! Он прекрасно понимал, что она не станет его опровергать в присутствии короля. Страх за собственную жизнь вынуждал ее хранить молчание, ибо никто не мог предсказать, как поступит король, если узнает о том, что Гарет солгал и что Джиллиан вовсе не носила под сердцем его ребенка. Боже правый, его ребенка!

Однако Гарет еще не закончил.

— Позволю себе заметить, сир, что вы знаете толк в женской красоте, — продолжал он весело, — и я тоже. Только взгляните на нее, милорд. Она весьма соблазнительна — этаким лакомый кусочек. — Он начал медленно обходить ее по кругу, и все это время на его губах играла та же отвратительная ухмылка. — Что удивительного, что я был не прочь заполучить ее в свою постель? Или, вернее сказать, в ее постель? Я прикасался к ней по своему желанию, — добавил он с отталкивающей откровенностью. — Я хотел ее — и добился своего. И если вы сомневаетесь в моих словах, сир, вам достаточно только взглянуть на нее, чтобы убедиться в моей правдивости и понять, что она делила со мной ложе. Когда я выздоровел, то обнаружил, что еще не готов положить конец таким... таким приятным ночам. Я привез ее сюда, в Соммерфилд, и только тут вспомнил о порученной мне миссии. Но к тому времени я обнаружил, что она ждет ребенка. Едва ли я мог убить ее после этого, — произнес он, пожав плечами.

Джиллиан не верила собственным ушам. Ею овладело удушливое чувство стыда. «И когда только наступит конец этого кошмара?» — спрашивала она себя с болью в душе. О да, он был хитер... настоящий мастер по части обмана, поскольку ложь с такой легкостью срывалась с его уст! За этой ухмылкой, выводившей ее из себя, скрывался человек, которого

она совсем не знала. Что еще хуже, она ощутила присутствие чего-то темного и опасного... Тот самонадеянный насмешник из дома на берегу... нежный и верный друг, который держал ее всю ночь за руку... его как будто никогда не существовало.

Теперь Гарет остановился за ее спиной — так близко, что она могла почувствовать, как поднималась и опускалась его грудь.

— Вы сами понимаете, в каком сложном положении я оказался, сир, — раздался его голос над самой ее головой. — Убить ее сейчас означало бы убить моего собственного ребенка, к чему я был совершенно не готов... и на что никогда бы не согласился. — Он двигался так быстро, что Джиллиан едва не вскрикнула. Рука Гарета внезапно легла ей на живот. Пальцы его были широко растопырены — как будто он заявлял на нее свои права. Как будто она являлась в его глазах не более чем вещью.

Она попыталась высвободиться. На какой-то миг его рука еще крепче сжала ей живот, после чего он резко отпустил ее и встал, слегка расставив ноги.

— Я бы ни за что не допустил, чтобы мой ребенок родился бастардом, сир, — произнес он, и в голосе его проступили стальные нотки. — Поэтому у меня не осталось другого выбора, как только жениться на ней.

— А ее брат? Вам известна его судьба?

— Нет, сир. — О да, конечно, он произнес эти слова с надлежащей долей сожаления в голосе, коварная змея!

Иоанн ничего не ответил. Его мрачный взгляд был обращен на Джиллиан.

— Ваш отец пытался меня убить, — заявил он без обиняков.

«А твой наемник едва не убил меня!» — чуть было не крикнула она.

— Вы знали о готовящемся покушении? Джиллиан отрицательно покачала головой.

— Ваш отец действовал не один. Вы можете назвать имя его сообщника?

— Нет, милорд. — Сердце Джиллиан болезненно забилось при воспоминании о человеке, скрывавшемся за портьерой, однако решимость придала ей сил. Ее отец погиб, защищая того, другого человека. Даже если бы она и знала его имя, то ни за что не призналась бы в этом королю!

— Вам известно, где сейчас находится ваш брат?

Тон короля был почти дружелюбным, однако это не могло ввести в заблуждение Джиллиан. Для Иоанна это служило не более чем способом заручиться ее содействием. Девушка гордо вздернула подбородок.

— Нет, сир. Клифтон покинул Уэстербрук в ту же ночь, что и я, однако он не сопровождал меня. Мой отец полагал, что так будет безопаснее.

Иоанн перевел взгляд на Гарета.

— Она говорит правду?

— Да, сир. Похоже, весь замысел покушения принадлежал исключительно ее отцу вместе с сообщником.

В комнате воцарилась напряженная тишина. До Джиллиан уже доходили слухи о любви короля к украшениям — во время коронации даже его белые перчатки были усыпаны сапфирами. И она охотно в это верила, ибо все пальцы па руках короля были унизаны перстнями с драгоценными камнями — изумрудами, алмазами и сапфирами. Огромный рубин на массивной золотой цепи на его груди сверкал и переливался с каждым движением его пальцев. Он беспрестанно теребил его в руках, так что у Джиллиан возникло сильнейшее желание его остановить, сорвав цепь с бычьей шеи короля. Первым нарушил молчание

Гарет.

— Она принесет вам столько же хлопот, как и ее отец, сир, — произнес он невозмутимо. — Уж я-то сумею с нею справиться, ваше величество. И она не сбежит от меня, даже если для этого придется держать ее под замком.

Ответом на это высокомерное заявление послужил негодующий взгляд Джиллиан.

Иоанн долго рассматривал ее, прищурив глаза и поглаживая свою тщательно подстриженную и умащенную благовониями бороду.

— Мне не хочется отказываться от своей клятвы, что все потомство Эллиса должно быть стерто с лица земли. Но пожалуй, одна молодая женщина и мальчик вряд ли могут представлять для меня угрозу — тем более что ее брат скорее всего уже мертв.

Гарет тотчас был забыт. Слова короля о том, что Клифтона уже нет в живых, пронзили стрелой ее сердце. «Нет! — вырвался у нее безмолвный крик муки. — Нет, Господи, только не это!» — Ей была невыносима сама мысль о том, что Клифтон погиб.

Король Иоанн тем временем перевел взгляд на своих приближенных.

— Джеффри... Роджер... каким будет ваш совет? Ковингтон нахмурился.

— Вполне возможно, сир, — начал он, — что нам следует видеть в спасении девушки знак свыше...

— Клянусь всеми святыми, Джеффри, вы говорите так, словно решили податься в священнослужители! Избавьте меня, пожалуйста, от этой чепухи!

Щеки Джеффри стали пунцовыми.

— Я только хотел сказать, сир, что с нашей стороны вряд ли разумно сейчас причинять вред девушке. А если кто-нибудь из баронов узнает о том, что вы приказали убить дочь Эллиса из Уэстербрука? Они могут...

— Бароны! Боже мой, как бы я хотел, чтобы кто-нибудь избавил меня от них раз и навсегда! Я уступил их требованиям и подписал Великую хартию вольностей, однако это не умерило их недовольства. Они словно змеиное гнездо и не успокоятся до тех пор, пока я не уступлю свою корону. Но я никогда ее не уступлю, вы слышите? Никогда!

По спине Джиллиан забегали мурашки. Обернувшись, она заметила, что стала предметом самого пристального внимания со стороны Роджера Сеймура. Сердце ее тревожно забилось. Сколько времени он за ней наблюдал? Почувствовав на себе ее взгляд, Роджер не улыбнулся и не отвел глаз в сторону. Сердце подскочило в груди девушки, ибо она почти физически ощутила его неприязнь. Однако, к ее удивлению, Сеймур неожиданно принял сторону Джеффри:

— Мы в состоянии справиться с мятежными баронами, сир, однако Джеффри прав. Даже если вы просто бросите ее в темницу, бароны могут воспользоваться этим. Вряд ли нам сейчас стоит лишний раз разжигать страсти. Кроме того, дальнейшее кровопролитие не привлечет людей на вашу сторону.

— Стало быть, вы оба считаете, что лучше ее отпустить, — размышлял вслух король.

Джиллиан затаила дыхание. Сеймур уставился на нее с таким видом, что сердце ее болезненно забилось.

— Да, — произнес он наконец. — Мой вам совет — на время забыть об этом деле и оставить ее на попечении Соммерфилда.

«На время». От этих двух простых слов кровь застыла у нее в жилах. Однако, судя по всему, гнев Иоанна уже пошел на убыль. Он знаком подозвал Гарета:

— Что ж, так тому и быть. Я оставляю ее в вашем распоряжении. — Тут он устремил на

Гарета свои маленькие черные глазки: — Но как быть с теми деньгами, которые вы мне должны? Помнится, вы заняли у меня крупную сумму, когда я в последний раз остановился в Соммерфилде.

Губы Гарета плотно сжались. Джиллиан заметила вспыхнувший огонь негодования в его глазах.

— Многое до сих пор от меня ускользает, однако ту ночь я помню совершенно отчетливо. Я уверен в том, что не должен вам ни единой монеты.

Краешки губ короля опустились, словно у капризного ребенка.

— Что ж, возможно, вы и правы. — Он бросил беглый взгляд на Джеффри. — Мы не станем задерживаться здесь на ночь. Пошлите за мальчиком.

— Зачем, сир? — снова вмешался Гарет. — Он еще совсем маленький и не нуждается в вашей... вашей опеке. Леди Джиллиан больше незачем скрываться. Она здесь, со мной, и я уже дал вам слово, что сумею с ней справиться. Место мальчика рядом с его отцом.

Взгляд Джиллиан тут же переметнулся с Гарета на короля. Иоанн с суровым видом уставился на Гарета:

— Мальчику было хорошо со мной.

— Я не спорю с этим, сир, и очень вам за это признателен.

— Если я оставляю вашего сына с вами, у меня нет никакой уверенности в том, что вы не присоединитесь к восставшим баронам.

— Вы можете быть полностью во мне уверены, — произнес Гарет поспешно. — Даю вам слово. Но если у вас все же остались сомнения, вы можете оставить здесь своих людей, чтобы служить порукой моей покорности.

— Пожалуй, так я и сделаю, — произнес король медленно.

— Я всегда был верен вам, сир, — напомнил ему Гарет. — Умоляю вас, не отвергайте моей просьбы. Я просто делаю то, что служит благу моего сына.

Иоанн поджал губы.

— Что ж, полагаю, вы правы, — произнес он коротко. — Мальчик и в самом деле еще в очень нежном возрасте.

Порешив на том, он поднялся с места, оправив сюрко на своем объемистом брюшке.

— Вы готовы послужить мне по первому зову?

На лице Гарета промелькнуло странное выражение, которое Джиллиан не смогла до конца разобрать. Он отвесил королю низкий поклон.

— По первому зову, — подтвердил он.

Король Иоанн тут же удалился, не удостоив больше Джиллиан взглядом. Джеффри Ковингтон и Роджер Сеймур последовали за ним. После того как дверь с глухим стуком захлопнулась, Джиллиан судорожно сглотнула. Гарет подошел к ней.

— Ты отлично справилась, — пробормотал он.

— И я тоже охотно похвалила бы тебя за твое представление, не будь ты таким отъявленным лжецом! Ты, наверное, с ума сошел, раз состряпал для короля такую невероятную историю. Не может быть, чтобы я носила под сердцем твоего... твоего ребенка!

— Совершенно верно, — с расстановкой произнес Гарет. — Есть лишь один способ, благодаря которому ты можешь зачать ребенка.

— Вот именно, — огрызнулась она. — Как же в таком случае ты собираешься обмануть короля?

Губы его медленно растянулись в улыбке.

— А я и не собираюсь его обманывать, — произнес он очень тихо.

У Джиллиан перехватило дыхание.

— Что ты имеешь в виду?

Густые черные брови слегка приподнялись.

— Да полно тебе, — укорил он ее. — Уж конечно, ты имеешь представление о таких вещах. Но если ты настаиваешь, я буду только рад дать тебе объяснения... Или, что еще лучше, показать...

Он хотел было схватить девушку за руку, но та вырвала ее, отчаянно замотав головой.

— Не прикасайся ко мне! Я не позволю дотрагиваться до себя мужчине, который чуть было меня не убил! Уж скорее пушу к себе в постель ядовитую гадину, чем тебя!

Он неожиданно притянул ее к себе, взял за подбородок и заставил посмотреть себе прямо в глаза.

— В таком случае вам лучше подумать об этом, леди, и немедленно, ибо для вас это единственный способ спасти свою жизнь.

Джиллиан стала белой как полотно. Гарет резко оттолкнул ее, словно сам ее вид был ему невыносим, и затем, не сказав больше ни слова, крупными шагами вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Джиллиан уставилась на дубовую дверь. Ее охватил мучительный страх. Мать Пресвятая Богородица, подумала она про себя, вся дрожа. Что это было... предсказание или угроза?

Она все еще видела это искаженное гневом лицо, пугающее своей безжалостностью. То было лицо незнакомца, человека, которого она прежде не знала... да и знала ли она когда-нибудь Гарета вообще? Однако он был прав, и это доставляло ей наибольшую горечь.

Если бы не его покровительство, она очень скоро оказалась бы в когтях короля.

Джиллиан провела весь остаток дня у себя в комнате, то изнывая от тоски, то кипя гневом из-за высокомерия Гарета. Ее новоиспеченный муженек оказался прирожденным лжецом, и если она увидит его снова только на том свете, то и это будет для нее слишком рано!

Она лежала на постели, пытаясь собраться с мыслями и заново обдумать события этого бурного дня, когда в дверь постучали. Джиллиан вздохнула. Она чуть было не крикнула, что не хочет, чтобы ее тревожили, но тут дверь слегка приоткрылась.

— Миледи?

Это оказалась Линетт. Горничная зашла в комнату.

— Милорд приказал мне передать вам его просьбу спуститься вниз и присутствовать на празднике в главном зале.

Между бровями Джиллиан залегла хмурая складка. Она чуть было не спросила девушку, по какому случаю устроен праздник, но вдруг вспомнила. То был день свадьбы их хозяина... день ее свадьбы. И Гарет отныне являлся ее мужем.

Линетт стала закрывать ставни. Уже совсем было поздно. Небо из стального сделалось почти черным. Снежинки кружились в воздухе, медленно оседая на землю.

Джиллиан хотела было ответить горничной отказом, но подумала, что Гарет мог прийти и привести ее силой. Кроме того, ей казалось несправедливым взваливать бремя на плечи Линетт. Она не боялась Гарета и не станет отсиживаться у себя в комнате, словно какая-нибудь трусиха!

— Не угодно ли вам, чтобы я причесала ваши волосы, миледи?

Помедлив, Джиллиан утвердительно кивнула. Она уселась на скамью под окном, а Линетт встала за ее спиной. Без сомнения, горничная ожидала увидеть сияющую счастьем новобрачную, однако в сердце Джиллиан не было места для радости или ликования. Да и могло ли быть иначе?

Линетт отложила гребень в сторону, ловко разделяя волосы Джиллиан на пряди при помощи одних только пальцев.

— У вас такие чудесные волосы, миледи, — произнесла она мечтательно. — Темные и блестящие как ночь.

Сердце в груди Джиллиан болезненно сжалось. Мысли ее тут же устремились к Селесте. Что там сказал в ту памятную ночь Гарет? «Как будто ты можешь об этом забыть», — поддразнил ее внутренний голос.

«Какие у тебя прекрасные волосы! — произнес он тогда восторженно. — Такие мягкие, теплые и золотистые. Цвета солнца в ясный летний день».

Селеста. Жена Гарета... Да, но теперь она, Джиллиан, была его женой! Это казалось ей совершенно непостижимым. Еще утром она и вообразить себе не могла, что выйдет за него замуж. Кроме того, был еще маленький мальчик Робби. Сын Гарета. Ей пока еще трудно было осознать это до конца, но теперь он был и ее сыном! Стать в один миг женой и матерью...

Она готова была зарыдать. Возможно, с ее стороны это было дурно. Возможно, она просто эгоистка. Да, Робби — славный мальш, но... она представляла все себе совершенно иначе. Джиллиан надеялась, что день ее свадьбы принесет с собой много радости, смеха и

любви, но этого не было и в помине.

— Скажите, Робби очень похож на свою мать? — тихо спросила она у Линетт.

Проворные пальцы Линетт вдруг замерли. Джиллиан бросила взгляд через плечо и не удивилась, заметив на лице девушки замешательство.

— Вам незачем смотреть на меня так, Линетт. Я уже знаю о жене Гарета, Селесте.

— Да, Робби очень похож на леди Селесту, — призналась Линетт. — У него такие же золотистые волосы... я еще всегда говорила, что со стороны они кажутся посыпанными волшебной пудрой. — Пальцы ее снова принялись быстро перебирать волосы Джиллиан. — Он сейчас спит, бедный малыш. Милорд почти весь день не выпускал его из объятий. Хозяин очень горевал после смерти супруги, но сейчас все в замке изменилось к лучшему. С тех пор как он вернулся и Робби тоже здесь, Соммерфилд уже не кажется таким пустым. — И она почти робко добавила: — А теперь у него есть еще и вы, миледи.

Джиллиан не ответила. Чувства Гарета к своему сыну были предельно ясны. То, с каким глубоким волнением он опустился перед мальчиком на колени... то, как Робби прижался к груди отца... одного воспоминания об этом было достаточно, чтобы в ее горле встал болезненный комок. Но его чувства к ней самой были иными, чем предполагала Линетт, — совершенно иными!

— Ну вот, миледи, готово. Надеюсь, вам понравится.

Джиллиан не хотелось разочаровывать девушку, которая так старалась угодить, и потому задержалась на своем отражении в зеркале. Она увидела, что горничная подобрала ее волосы и заплела в длинную косу, уложив венцом вокруг головы.

— По-моему, выглядит очень красиво, Линетт. — Джиллиан улыбнулась с искренним удовольствием. — Благодарю вас.

Затем она направилась в главный зал. Ей было неловко стоять одной в дверном проеме — и это в день ее свадьбы! С некоторым опозданием она спрашивала себя, не намеренно ли Гарет послал за ней Линетт? Возможно, он тем самым хотел подвергнуть ее своего рода испытанию?

Здесь, в зале, царило шумное ликование. Веселая мелодия плыла в воздухе. Глаза Джиллиан окинули взглядом присутствующих, отыскивая среди них Гарета. Наконец она заметила его. Он стоял рядом с возвышением в окружении своих рыцарей — внушительная фигура в сапогах и тунике ярко-зеленого цвета. Материя плотно облегалась его плечи, открывая взору таившуюся в нем недюжинную силу. Несмотря на все ее старания сохранять самообладание, сердце ее бешено заколотилось. Только сейчас, видя его рядом с другими мужчинами, она в полной мере осознала, каким рослым и широкоплечим он был. Гарет от души смеялся и с явным удовольствием беседовал с сэром Годфри. Должно быть, он почувствовал ее присутствие, потому что поднял голову и повернул в ее сторону.

Улыбка тут же исчезла с его лица. Он по-приятельски хлопнул одного из собеседников по плечу, затем развернулся и широкими шагами направился к Джиллиан. Когда Гарет оказался рядом с ней, она заметила, что губы его были плотно сжаты, словно что-то вызвало его недовольство. Он едва удостоил ее взглядом.

— Как раз вовремя, — только и мог сказать он.

На какой-то миг Джиллиан показалось, что он наступил ей прямо на сердце, но затем ей на помощь пришел спасительный гнев. О да, он был тверд, как камень, а она... она оказалась наивной дурочкой! Там, наверху, она позволила себе смягчиться, но сейчас горько пожалела об этом, и место сочувствия заняла ярость. Раз уж он решил выказать ей свое

безразличие, она оплатит ему тем же!

Без единого слова Гарет подхватил ее за локоть и повел к креслу с высокой спинкой в самом центре возвышения. Когда они вместе поднимались по ступенькам, в зале воцарилась тишина. Он не сразу усадил жену, но взял за руку и поднял ее высоко в воздух.

— Леди Соммерфилд, — объявил он коротко. Гром приветственных аплодисментов и радостные возгласы еще разносились эхом по залу, когда Джиллиан заняла свое место.

Гарет решил, что будет лучше послать за ней Линетт, ибо, когда они расстались, леди не скрывала своей враждебности, а у него не было никакого желания вступать с ней в очередную перепалку. Приблизившись к Джиллиан, он, к своему огромному облегчению, убедился, что ее глаза не были красными и опухшими — по крайней мере она не провела целый день в слезах. Откровенно говоря, Гарет до сих пор злился на нее из-за последней размолвки. Она выразила свое отношение к их браку — и к нему самому — в самых недвусмысленных выражениях. Он ни за что не станет разыгрывать из себя влюбленного дурачка, сгорающего от страсти к жене, которая его знать не хочет.

Этот день принял весьма неожиданный для него оборот. В глубине души Гарет понимал, что как только короля известят о его возвращении, он не замедлит нанести визит в замок. Однако никак не мог предположить, что это случится так быстро.

Он не знал, каким образом ему в голову пришло подобное решение, только дело было уже сделано. В ту страшную минуту, когда Маркус объявил о скором прибытии короля, Гарет, глядя в искаженное ужасом лицо Джиллиан, ухватился за первое, что пришло ему в голову. У него не оставалось времени, чтобы как следует все обдумать и взвесить. Разумеется, ему еще многое предстояло узнать о себе самом, но почему-то Гарет был уверен в том, что он человек решительный, склонный действовать под влиянием инстинктов и всегда готовый отстаивать свои убеждения. О нет, никаких сожалений он не испытывал. Более того, когда они вместе стояли перед священником, странное чувство торжества переполняло его грудь. Он хотел ее. Он хотел ее с самого первого дня, когда очнулся в ее постели, и можно ли было найти лучший способ заполучить ее, чем сделав ее своей женой? Однако завоевать ее доверие будет не так-то легко...

Бог свидетель, он не хотел становиться слепым орудием в руках короля, однако сделанного не воротишь. Если он не хотел навлечь на себя беду или пойти на открытое столкновение с королем, никакого другого выбора у него не оставалось. Правда, теперь Гарет вынужден был подчиняться всем требованиям Иоанна, однако тут он попался в свою же ловушку. Ему было крайне неприятно мириться с присутствием двух людей короля — Стивен и Александр сидели тут же, рядом с очагом, — но и это было его собственным выбором. Однако ему следовало соблюдать крайнюю осторожность, так как со стороны короля всегда можно было ожидать новых уловок. То, что Иоанн обманом пытался выманить у него деньги, привело его в неопишемую ярость!

Однако ему все же удалось на время обезопасить Джиллиан, оставив ее при себе. Гарет горячо молил Бога о том, чтобы этот день положил конец мести короля.

И кроме того, ему удалось вернуть сына. Гарет не мог передать словами, что он почувствовал в тот миг, когда после долгой разлуки впервые увидел Робби. Ему показалось, словно внутри его все превратилось в мягкую массу... словно кто-то проник ему в душу, ухватившись за самое сердце. Он не мог ни говорить, ни двигаться, ни даже дышать, не чувствуя ничего, кроме этого маленького тельца, прижатого к груди, не видя ничего, кроме сияния зеленых глаз, которые были лишь отражением его собственных. Чувство вины

вспыхнуло в нем, подобно лесному пожару. Никогда он не забудет угрызений совести, которые терзали в тот миг все его существо, — угрызений совести, вызванных тем, что он провел несколько последних недель, совершенно забыв о своем сыне. Но было еще и другое чувство — чувство стыда, не менее глубокое, чем то, которое он испытывал в присутствии сына, ибо его мысли по пути сюда, в замок, часто обращались к Селесте. К его крайней досаде, он ничего не мог о ней вспомнить — даже когда увидел перед собой Робби.

Может быть, это объяснялось тем, что она умерла? По словам короля, он был ожесточен и подавлен после кончины жены. Значит, он любил ее и горько оплакивал свою утрату. Почему же тогда он ничего о ней не помнил? Гарет бранил себя последними словами, ибо не имел понятия даже о том, как и отчего умерла Селеста, а спросить у кого-нибудь из домашних ему мешала гордость. И все же ему было совестно оттого, что он не чувствовал никакой печали. Никакой боли. Вероятно, теперь, когда он снова оказался дома, воспоминания со временем вернутся к нему...

Впрочем, независимо от того, что именно он помнил о своем прошлом, он не мог слишком долго на нем задерживаться. Ему следовало думать о будущем. А это означало, что ему придется позаботиться о безопасности Джиллиан и Робби. С этой мыслью он снова взглянул на жену.

Как только они заняли свои места, с кухни в зал хлынули толпы слуг. Обед в тот вечер оказался особенно роскошным: жареный каплун, приправленный тмином, огромные блюда с рыбой, свежеспеченный хлеб и богатый выбор сыров. Гарет ел и пил с удовольствием, поскольку недавние злключения лишь обострили его аппетит. День, бесспорно, начался не слишком удачно, однако закончился не так уж плохо, и ничто не мешало Гарету насладиться им сполна.

Служанка предложила ему еще пирога с голубями, однако Гарет отказался. Сытый и довольный, он откинулся на спинку кресла. То, что его взгляд то и дело обращался в сторону жены, отнюдь не являлось простой случайностью. Бледная и спокойная, она сидела неподвижно, не удостоив его ни словом, ни взглядом. Джиллиан почти не притронулась к еде.

Гарет слегка наклонил голову в ее сторону:

— Неужели еда пришла тебе не по вкусу, жена?

Жена. Тон, которым было произнесено это слово, граничил с насмешкой, и его колкость достигла цели. Джиллиан хотела резко возразить, что ей не по вкусу вовсе не еда, а муж, к которому она была прикована против воли!

Ее суровый взгляд был устремлен прямо на него. Должно быть, ее недовольство отразилось и на лице, потому что он наклонился к ней, опираясь о подлокотник кресла, украшенный резными львами, и произнес так, что лишь она одна могла его слышать:

— Можешь дуться, сколько тебе угодно, Джиллиан, но только когда останешься одна. Нельзя, чтобы твое дурное настроение передалось и моим людям. Они полагают, что у них есть причина для радости, и ты должна сделать им одолжение.

Их взгляды сошлись в безмолвном поединке. — И ты тоже?

— Да, и я тоже, — подтвердил он коротко.

— Понимаю, — произнесла Джиллиан медоточивым голосом. — Ты хочешь, чтобы я выглядела счастливой и беззаботной?

— Да, — отрезал он. — До сих пор ты сидела тут рядом, словно каменная статуя. Полагаю, танец был бы как нельзя более к месту...

— Что ж, пожалуй, ты прав.

Улыбка на лице Гарета отражала его удовлетворение. Возможно, она понемногу смягчится. Возможно, ее холодность на самом деле вовсе не была холодностью, а просто самой обычной робостью. И кто знает, быть может, этой ночью его ждет не такой враждебный прием, какой он с полным основанием ожидал встретить. Но она неожиданно вскочила с кресла.

По правде говоря, Джиллиан презирала его в тот миг за высокомерие... и за кажущееся спокойствие, ибо у нее самой неприятно сосало под ложечкой при одной мысли о том, что предстояло ей этой ночью. Сама она предпочитала не думать об этом. Тут ее взгляд упал на Маркуса. Он был очень добр к ней, и Джиллиан понравились его мягкие манеры. Она остановилась перед ним, гнев на Гарета придал ей смелости.

— Прошу вас простить меня за дерзость, сэр Маркус, но не согласились бы вы потанцевать со мной?

От ее внимания не ускользнуло выражение изумления, промелькнувшее на красивом лице Маркуса, однако он тотчас отставил свою кружку с элем в сторону.

— Вы оказываете мне честь, миледи. Я буду только рад вас сопровождать.

С чарующей улыбкой Маркус подал ей руку. Джиллиан вложила в нее свою, и молодой рыцарь увлек ее за собой туда, где уже кружились в танце несколько других пар. Однако вскоре его лицо стало хмурым.

— В чем дело, сэр Маркус? Скажите мне прямо, прошу вас, — предложила она ободряющим тоном. — Вы же знаете, я не кусаюсь.

От его хозяина вполне можно было этого ожидать, не без сарказма решила про себя Джиллиан, но только не от нее.

— Миледи, — ответил Маркус со всей искренностью, — я вовсе не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела или в дела моего господина, однако, зная, что вы приходите дочерью Эллису из Уэстербрука, хочу вас заверить, что мы все рады приветствовать вас здесь.

Ею овладел испуг. Джиллиан едва могла найти в себе силы, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Стало быть, всем уже известно о том, что мой отец собирался убить короля.

— Да, миледи.

Джиллиан почувствовала внезапную острую боль в груди. Если даже ей когда-нибудь удастся покинуть Соммерфилд, не превратится ли она после этого в изгоя?

— Нет, это вовсе не то, о чем вы подумали, миледи, — добавил Маркус поспешно. — Милорд уже сообщил рыцарям о некоторых обстоятельствах вашей жизни — о том, как вы бежали из дома, опасаясь мщениа короля. Я просто хочу заверить вас, миледи, в том, что вы можете на меня положиться. Я предан Гарету — и вам тоже. Я поклялся защищать своего лорда и точно так же готов защищать и вас. То же можно сказать и об остальных рыцарях.

Джиллиан была тронута до глубины души.

— Благодарю вас, Маркус, — произнесла она мягко. — Ваши слова очень много для меня значат. — Она улыбнулась, глядя на него снизу вверх в знак признательности. Маркус тоже улыбнулся в ответ, отчего на его щеках появились симпатичные ямочки.

— Что ж, превосходно, — пробормотал он, и глаза его блеснули. — Ну а теперь, чтобы вы не выглядели такой грустной, миледи...

Он опустил ее так низко к полу, что ее глаза широко раскрылись и она вынуждена была

ухватиться за его плечи, а спустя мгновение она неожиданно для себя рассмеялась...

Гарет, наблюдавший за парой с противоположного конца зала, выпрямился в своем кресле. Ну и плутовка! Ему хотелось стиснуть зубы от досады, направиться прямо к ним и с силой оторвать пальцы Маркуса от ее тонкой талии. Кровь Господня! Эту сторону ее натуры он предвидеть никак не мог — да что там, даже не подозревал о ее существовании! И вот теперь эта девица всю кокетничала с Маркусом, и Маркус, судя по всему, оказался покорен ее чарами, более того, открыто восторгался ею!

Впрочем, он не мог осуждать его за это. Высокая прическа открывала взору ее длинную стройную шею и изящную линию затылка. Пока Джиллиан сидела рядом с ним, он не раз порывался протянуть руку и погладить тонкие и мягкие, как у младенца, локоны, выбившиеся у нее на затылке. Однако хотя эта прическа, по форме напоминавшая королевскую корону, чрезвычайно шла ей, в глубине души Гарет предпочитал видеть ее волосы распущенными — как в то памятное утро, когда они ошеломленно смотрели друг на друга и черные как смоль пряди падали в беспорядке ей на плечи. Ему не терпелось запустить пальцы в их шелковистую массу, привлечь жену к себе и впиться в ее губы поцелуем.

На какой-то миг ее юбки приподнялись, и под ними промелькнули соблазнительные очертания стройных ножек. Даже на расстоянии Гарет мог заметить, что подол ее платья обтрепался, а само оно выглядело поношенным. Он нахмурился. Увы, ее гардероб оказался на удивление скудным. Ему придется позаботиться о его пополнении, так как он не хотел, чтобы его жена выглядела, как какая-нибудь бродяжка. И еще не мешало бы немного ее откормить...

Танец закончился, однако не успел Маркус отступить в сторону, как его место занял еще один кавалер, потом другой, третий... Гарет почувствовал, как в нем закипает негодование. Все они негодяи — все до единого! Тлевший подспудно гнев снова дал о себе знать — гнев, вызванный ее вниманием к его людям при полном безразличии к нему самому!

Однако теперь она принадлежала ему одному. Он был единственным мужчиной, имевшим законное право обладать несравненной красавицей. И он предъявит свои права — теперь уже совсем скоро!

Ее девственность могла оказаться препятствием, однако ему это обстоятельство доставляло огромное удовольствие. Он позаботится о том, чтобы боль была не слишком сильной. Он облегчит себе путь нежными поцелуями и пламенными ласками. Сознание того, что до него она не принадлежала ни одному мужчине, опьяняло Гарета. Он сам нащупал пальцами хрупкую преграду, оберегавшую ее целомудрие, а за последнее время они не расставались ни на миг, если не считать последней ночи. Хотя сама Джиллиан об этом не подозревала, он приказал поставить часового у дверей ее спальни. О да, от одной мысли, что он будет в ее жизни первым мужчиной, кровь закипала в его жилах, отдаваясь приливом жара в чреслах.

Ему не терпелось снова ощутить рядом с собой ее тело — такое маленькое, мягкое и хрупкое, упругое и податливое одновременно. Ночь, проведенная в разлуке с ней, только многократно усилила в нем это желание. Чувственные образы один за другим проплывали в его сознании. Этой ночью она будет полностью обнаженной, как и он сам... Однако уголки губ Гарета тотчас поползли вниз, когда он обнаружил, что предмет его грез одаривает чарующими улыбками сэра Бентли и даже шута — хотя никто из них не был и вполнину так

хорош собой, как сэр Маркус.

— Похоже, общество моих рыцарей доставляет тебе удовольствие, — заметил он любезным тоном, как только она вернулась на место.

— Ты хотел, чтобы я веселилась вместе с твоими людьми, вот я и исполнила твою просьбу.

— На губах Джиллиан играла слабая улыбка. — Впрочем, я должна признать, что их общество действительно доставило мне удовольствие — без сомнения, только потому, что мне столько времени почти не с кем было общаться.

Гарет выругался себе под нос. Она умышленно пренебрегала им, делая вид, будто тех недель, что они провели вместе, вовсе не существовало. Он ехидно приподнял бровь.

— Вы обижаете меня, миледи, — произнес он мягко. — Неужто ты забыла, как мы провели вместе многие недели, не расставаясь ни днем, ни ночью? Ты плакала у меня на груди. Ты засыпала бок о бок со мной, положив щеку мне на плечо. — Он покачал головой. — Жаль, но мне кажется, что теперь твоя память подводит тебя. То, что я сказал королю, было чистой правдой. Ты действительно приходила каждую ночь в мои объятия, пока я выздоравливал. — Он не сводил с нее глаз. — Или я ошибаюсь?

Джиллиан метнула на него суровый взгляд. О да, он выглядел до крайности самодовольным. А почему бы и нет? Он вернулся домой и снова рядом с сыном... тогда как ее собственный дом сровняли с землей. Больше всего ей сейчас хотелось схватить со стола кувшин с вином и выплеснуть ему на колени, чтобы немного охладить его пыл. Может быть, тогда он наконец упадет со своего высокого пьедестала! Она спокойно произнесла:

— Я сделала то, о чем ты меня просил. А теперь не могу ли я удалиться?

Джиллиан уже хотела было встать из-за стола, но тут стальная рука сомкнулась вокруг ее талии.

— Нет, нельзя.

Судя по холодному выражению лица, его недавняя любезность была обманчивой.

Она снова уселась на место, так резко, что почувствовала боль в зубах. Гарет тем временем откинулся на спинку кресла. Поза его казалась небрежной, почти ленивой, он окинул неспешным взглядом толпу в зале.

Ее снова охватил прилив ярости. О да, он был настоящим хозяином замка!

— Похоже, ты чрезвычайно горд собой.

— А почему бы и нет? Я снова дома и даже сумел вернуть себе сына.

— И кроме того, у тебя теперь есть жена.

Его рука тут же накрыла руку Джиллиан, покоившуюся на подлокотнике кресла. Он погладил ей пальцы.

— Не бойся, Джиллиан. Тобой не будут пренебрегать. Это было похоже на скрытую угрозу. Для любого, кто случайно взглянул бы в их сторону, его жест мог показаться обычной нежной лаской между влюбленными. Однако Джиллиан знала его достаточно хорошо, чтобы понять: для него это являлось всего лишь способом лишней раз ее поддразнить. Это не было добродушным подшучиванием, но самой настоящей войной — и он вел свою игру куда успешнее и с куда большим искусством, чем она! Джиллиан вырвала у него руку.

— Наш брак не более чем фикция! — прошипела она.

— Тем не менее это вполне законный брак, — возразил он холодно. — Теперь мы связаны друг с другом как одно существо, и я с нетерпением жду появления на свет нашего

первого ребенка. Кстати, хорошо, что ты мне напомнила... у меня есть кое-какие обязанности, которые мне предстоит выполнить сегодня ночью, если мы хотим зачать этого ребенка.

Вот грубая деревенщина!

— Тебе не следовало лгать королю, — отрезала она.

— Если бы я ему не солгал, тебя бы уже не было в живых. По правде говоря, глубина твоей признательности меня просто поражает. — Он скривил губы, глаза его превратились в две зеленые льдинки. — И полагаю, нам сейчас самая пора приступить к делу.

У нее не было времени обдумать его слова, не было времени возобновить борьбу. Одним стремительным движением он поставил ее на ноги и перекинул через плечо, словно мешок с мукой. Джиллиан так и ахнула, когда весь мир вокруг нее перевернулся с ног на голову. Громкий хохот и непристойные жесты сопровождали их на пути. Гарет передвигался с преувеличенным трудом, словно и впрямь не мог выдержать легкий вес жены.

Ну и скотина! Джиллиан протестующе закричала, требуя, чтобы он немедленно ее отпустил, однако его мускулистая рука удерживала ее стальной хваткой. С нагловатой ухмылкой на губах Гарет вместе с ней покинул зал, а затем уверенной походкой поднялся вверх по длинной узкой лестнице в свою комнату.

Джиллиан все еще кипела негодованием, когда он ногой захлопнул дверь и опустил ее на пол. Она инстинктивно попятилась от него, не останавливаясь до тех пор, пока не наткнулась на что-то, оказавшееся сундуком у изножья кровати. Взгляд ее переметнулся на дверь в форме арки за его спиной, после чего она осмотрела каждый угол комнаты в поисках пути к бегству. От дюжины свечей в подсвечниках, горевших на столе, спальня казалась еще больше, но спрятаться здесь было негде. По правде говоря, с горечью подумала про себя Джиллиан, во всем королевстве не осталось места, где бы она могла спрятаться от него!

Гарет неторопливо прошел к камину. Там стоял маленький круглый стол с подносом, на котором были искусно разложены фрукты, стояли графин с вином и два кубка. А Джиллиан чувствовала себя так, словно весь мир уплывал у нее из-под ног.

Гарет разглядывал ее, слегка приподняв черные брови.

— Хочешь что-нибудь поесть? — осведомился он вежливо. Джиллиан покачала головой. — Тогда, быть может, выпьешь немного вина?

И снова получил в ответ все тот же безмолвный отказ. Гарет пожал плечами.

— Ну как угодно. — Он налил себе щедрую порцию вина и поднес кубок к губам. Кадык задвигался на его шее, когда он проглотил вино. Однако в тот миг все ее внимание было приковано к его рукам, небрежно державшим кубок.

Для нее они всегда таили в себе какое-то особое, почти запретное очарование — сейчас же более чем когда-либо. У него были длинные гибкие пальцы, покрытые бронзовым загаром, — пальцы настоящего мужчины. Мысли Джиллиан пришли в полное смятение. Будут ли эти руки нежными или, напротив, причинят ей боль? Ее охватил страх. Сознает ли он, что для нее эта ночь будет первой? Или его это совсем не заботит? Быть может, все закончится быстро? Нет, подумала она про себя с дрожью, ибо Гарет был из тех людей, которые привыкли наслаждаться своими победами. Эти же самые руки едва не лишили ее жизни... не говоря уже о многом другом. Джиллиан не могла забыть того, что он мог убить ее, даже не задумываясь.

Глаза девушки были плотно зажмурены. Боже, она не в силах этого вынести!

— Джиллиан!

Она открыла глаза. Уголки его губ приподнялись в улыбке — улыбке, от которой ей стало не по себе. Глаза Гарета были прикованы к ней. Чувствуя себя неловко под его пристальным взглядом, она облизнула губы.

— Что? В чем дело?

С намеренной неспешностью он отставил в сторону кубок. Высокомерная улыбка на его лице сделалась еще шире.

— Просто мне только что пришло в голову, — произнес он мягко, — что день нашей свадьбы почти на исходе... а я еще ни разу не поцеловал свою жену.

Джиллиан была не в силах пошевелиться. Последовало затянувшееся молчание, словно перед надвигающейся грозой. Джиллиан первой нарушила его. Ее вздернутый вверх подбородок выражал всю глубину презрения.

— Ты просто глупец, если надеешься, что я сама упаду в твои объятия, — произнесла она, набравшись смелости. — У тебя нет ни стыда, ни совести. Если ты возьмешь меня, то только силой, и никак иначе!

Ее справедливый укор только заставил его рассмеяться. Сколько огня! Сколько пыла! Ему остается лишь направить его в нужное русло, чтобы ее страсть разгорелась так же ярко, как и его собственная.

— Рано или поздно ты уступишь мне, красавица, и я обещаю тебе, что мне не придется прибегать для этого к силе.

Самонадеянный болван! Его смех, равно как и его уверенность в себе лишь укрепили в ней решимость сопротивляться ему до конца.

— О, я так и знала. Я почувствовала в тебе высокомерие еще до того, как ты очнулся в моей хижине, — и оказалась права!

Смех его тут же замер. Он довольно долго присматривался к ней, скрывая свои подлинные чувства за бесстрастным выражением глаз.

— Ах, так значит, ты помнишь об этом? Что ж, у меня сложилось впечатление, что ты забыла о том, что еще произошло в той хижине. — Его многозначительный взгляд упал на ее губы.

Сердце подскочило в груди Джиллиан.

— О нет, милорд, я ничего не забываю, — возразила она надменным тоном, и это было правдой. Ей достаточно было посмотреть на Гарета, чтобы снова оживить в памяти жар его поцелуя на своих губах, тепло его вероломных рук на своем теле.

— А мне кажется, что это не так, — возразил он, впиваясь в нее взглядом. — Ты же знала, что рано или поздно до этого дойдет, Джиллиан.

— Ничего подобного!

— Ты лжешь. В глубине души ты изнывала от беспокойства... сгорала от желания прикоснуться ко мне и почувствовать мое прикосновение. Я видел это в твоих глазах. Я слышал это в каждом ударе твоего сердца. Как бы ты ни пыталась меня обмануть, ты испытывала тогда то же желание, что и я.

По ее телу пробежала легкая дрожь, ибо ей показалось, что он заглянул в самую глубину ее существа. Джиллиан гордо выпрямила спину.

— Животная похоть — вот все, что ты чувствовал тогда! На его лице промелькнуло насмешливое выражение.

— Что ж, наверное, и это тоже, но лишь отчасти, — пробормотал он. — Более того, если бы в тот день на берегу я проявил чуть больше настойчивости... если бы я сам того захотел, вопрос с твоей девственностью был бы решен раз и навсегда. Да, — повторил он, — ты знала, что рано или поздно до этого дойдет, и я твердо решил, что так оно и будет.

Джиллиан вспыхнула. Она и вправду не раз задавалась вопросом, каково ей будет снова ощутить на себе его руку, ласкающую ее соски, как в ту ночь, когда он спал и видел сон. Ее груди тут же показались ей отяжелевшими и раздавшимися, и она чуть было не накрыла их

ладонями, ибо в них появилось уже знакомое ей покаяние и какое-то странное томление. Однако ее воображение или, вернее, ее невинность не позволили ей строить догадки, каково ей будет... на самом деле. Тем не менее его высокомерное заявление привело к тому, что багровая пелена ярости застлала ей глаза. Джиллиан отказывалась потакать его мужскому тщеславию, тем более что она и так уже была сыта им по горло.

— Если бы вы того захотели, милорд, то могли бы попробовать, однако никогда не добились бы успеха! Более того, если я и позволила тебе поцеловать меня тогда, то лишь потому, что не знала, какой ты на самом деле негодяй. И если я и вправду что-то чувствовала тогда, то лишь потому, что была так одинока! — Возможно, эти слова еще долго будут преследовать ее, однако она не собиралась брать назад ни одно из них! Взгляд Гарета сделался жестким.

— Одно предупреждение, Джиллиан. — Голос его был приторно-сладким, как лучшее заморское вино, привозимое из Франции. — Ты сама вступила в поединок, из которого не можешь выйти победительницей. Вероятно, тебе стоит иметь это в виду и отступить, пока еще не поздно.

— Только трусы способны отступить, — произнесла она с чувством. — И только трусы сдаются без борьбы.

Гарет почувствовал, как в нем закипает раздражение. Он разрывался между потребностью встряхнуть ее и укротить ее безрассудную гордость.

— Ты начинаешь испытывать мое терпение, Джиллиан.

— Терпение? — вскричала она, набросившись на него, словно маленькая фурия. — И ты еще смеешь говорить о терпении после того, как стоял перед королем и похвалялся, что... Что ты там ему говорил? Ах да. Ты сказал, что прикасался ко мне по своему желанию и что я охотно приходила каждую ночь в твои объятия. Тебе удалось меня заполучить — но я никогда не буду твоей! И я обещаю вам, милорд, что вы очень скоро убедитесь в том, насколько неохотно я прихожу в ваши объятия — и в вашу постель! У меня есть свой собственный ум, своя воля. И тебе действительно придется запереть меня на замок, если ты хочешь удержать меня здесь!

По правде говоря, с ее стороны это было отчаянной попыткой оттянуть неизбежное, но, Бог свидетель, решила про себя Джиллиан, она ни за что не станет раскаиваться в своей выходке — и уж тем более не превратится в смиренную рабу его похоти!

Его улыбку никак нельзя было назвать приятной.

— Я не остановлюсь и перед этим. Если потребуется, я сумею найти для тебя подходящее занятие, даю тебе слово. — Он беззастенчиво разглядывал ее, и его оценивающий взгляд уже сам по себе являлся неприкрытым оскорблением.

— Так вот почему ты на мне женился! Чтобы разделить со мной ложе? — Ногти Джиллиан впились в ладонь, и глаза так и пылали гневом. — Ответь мне, Гарет. Неужели ты выглядишь таким отталкивающим в постели, что ни одна женщина не захочет стать твоей по собственной воле? Ни одна из них не захочет быть с тобой рядом, и ты был вынужден прибегнуть к обману, чтобы вынудить меня выйти за тебя замуж и таким образом утолить свою похоть!

Едва это язвительное замечание сорвалось с ее губ, как Джиллиан поняла, что на сей раз зашла слишком далеко. С ее стороны это было глупостью, ибо она нанесла весьма ощутимый удар по его мужскому достоинству. Его выдвинутый подбородок застыл, и она всеми фибрами своего существа ощущала бурю, бушевавшую сейчас в его груди.

Гарет покачал головой.

— Ах, Джиллиан, — произнес он мягко, — с вашей стороны это было неразумно, леди, я бы даже сказал, крайне неразумно. — Губы его медленно расплылись в улыбке, от которой все ее тело до самых костей пробрала дрожь. — В любом другом случае я был бы только рад показать тебе, что отступление не обязательно означает поражение. Но поскольку ты усугубляешь свой отказ оскорблением, у меня не остается никакого другого выбора, как только доказать тебе на деле, что ты ошибаешься... тем более что я не совсем забыл, как добиться расположения дамы.

Он сделал один-единственный шаг вперед. Джиллиан в тревоге попятилась назад, пока не наткнулась на сундук у изножья кровати. Страх железным обручем сдавил ей грудь. Ум ее лихорадочно работал... и ее сердце тоже. Он был прав. Сейчас уже слишком поздно отступить. Те гневные слова, которыми они обменялись, уже невозможно было взять обратно. Однако она не могла обманывать себя. Он навсегда останется таким, какой есть, и ничто не могло изменить того, что произошло между ними.

Ничто не могло изгладить ее чувств к нему — даже если бы они могли вернуться в прошлое и начать все заново. Вместе с тем она не собиралась сдаваться без борьбы. Она не собиралась просто так ему уступить!

Едва эта последняя мысль всплыла в ее сознании, Джиллиан бросилась к двери. Страх придал ей решимости, однако ее мольбы не были услышаны. С достойной сожаления легкостью он обхватил ее одной рукой за талию и развернул лицом к себе. Затем сильные руки легли ей на плечи. Она ощущала их тепло даже сквозь тонкую ткань платья. Джиллиан оказалась прямо в плену его взгляда — и увы, в его объятиях!

Его блестящие глаза смотрели на нее сверху вниз, пылая огнем и сверкая в полумраке, словно изумруды.

— Смирись с этим, Джиллиан. Смирись со мной. Ее грудь тяжело вздымалась с каждым вздохом.

— Я не могу! Не могу!

— Нет, можете, леди! Вспомни, мы делили постель много ночей подряд. Сегодня мы разделим также и наши тела.

Внутри ее все готово было рыдать. Неужели он не мог понять? Речь шла не только о ее теле, но и о ее сердце. О ее душе. Она была не из тех женщин, которые способны легко отдаться мужчине. Всю жизнь она придерживалась убеждения, что супругов должны связывать узы любви и что подобная близость между мужчиной и женщиной тоже возможна только по любви...

Совсем не так она представляла себе в мечтах свою первую брачную ночь.

«Однако Гарет был первым мужчиной, который тебя поцеловал, — шепнул ей внутренний голос. — Он твой муж. Ты его жена. Стало быть, нет ничего зазорного в том, что он разделит с тобой ложе».

«Но только не по любви, — тут же возразил ему другой голос. — По любви — никогда!»

Ибо, увы, она оказалась права. Несмотря на то что Джиллиан вела замкнутую жизнь в замке Уэстербрук, ей не составляло труда распознать страсть, так ясно отражавшуюся в его глазах.

И потом у нее уже не осталось времени на раздумья, ибо его губы накрыли ее собственные. На один роковой миг она ощутила в нем пылкое, всепоглощающее желание, которое казалось почти непреодолимым. Он завладел ее губами с настойчивостью, которая

не оставляла места для отказа. Его ласки не были жестокими... но до жестокости требовательными. Джиллиан судорожно вздохнула, ее губы слегка приоткрылись, и он тотчас поспешил этим воспользоваться. Где-то в самом отдаленном уголке сознания Джиллиан промелькнула мысль, что он и в самом деле не забыл, как добиться расположения дамы, ибо вопреки всякой вероятности, вопреки ее собственной воле она почувствовала, как ее тело начинает поддаваться слабости.

Гарет без колебаний предъявил свои права, пытаясь проникнуть в ее рот. Дерзкими движениями он ощупывал ее жаркое, сладкое, как мед, небо, и весь мир вокруг вдруг куда-то исчез. Она вдруг оказалась в самом центре бушующего урагана — вроде того, который привел его к ней.

Охваченная предательским приливом блаженства, она почти не заметила, как его руки на короткое время легли ей на плечи. Одним быстрым плавным движением он спустил платье и рубашку с ее плеч до самых бедер.

В горле у нее встал сдавленный крик, и она оторвала от него губы. Вот негодяй! Ее платье теперь лежало лужицей у ее ног. Она попыталась было нагнуться, чтобы поднять его, однако Гарет вовремя разгадал ее намерение и, схватив ее за запястья, прижал ее руки к бокам.

Его взгляд неторопливо скользил по ней, подмечая каждую мелочь — и да, он явно получал от этого удовольствие! Не осталось ни одной части ее тела, которая осталась бы незатронутой. Джиллиан чувствовала себя полностью обнаженной. У нее вырвался сдавленный возглас досады. Она прекрасно понимала, зачем ему это понадобилось. Он хотел таким образом наказать ее за открытое презрение, за то, что она позволила себе противостоять ему. Все ее тело запылало от смущения. Униженная до глубины души, она могла лишь проклинать собственную беспомощность, ибо он не оставил ей ни малейшей возможности прикрыться.

Однако и это было еще не все. Крепкая сильная рука обхватила ее за спину, прижимая к его торсу. Кончики его пальцев скользили по ее затылку — едва уловимая ласка, от которой по всему ее телу пробежала легкая дрожь. Затем он запустил пальцы в шелковистые локоны. Ему достаточно было лишь несколько раз потянуть за них, чтобы тяжелая масса волос упала ей на спину. Он наклонил голову и прикоснулся губами к ее шее, отчего все ее существо словно пронзила молния.

Ладони Гарета двигались вдоль ее боков, поднимаясь все выше и выше, пока не достигли ее груди. На один короткий миг, показавшийся ей вечностью, он задержался здесь...

Хотел ли он таким образом продлить пытку? Осмелится ли он прикоснуться к ней здесь... или нет? Мурашки забегали у нее по спине. Когда он обхватил рукой одну из ее пышных грудей, взгляд ее против воли обратился вниз. Ее кожа казалась особенно белой на фоне его загорелых пальцев, расставленных широко, чтобы вместить в себя ее выступавшую полноту.

Вид ее собственной кремового цвета груди потряс ее. Казалось, что эти два холмика наливались соками прямо у нее на глазах. Круглые соски заострились и выступили вперед, словно поощряя его к дальнейшим действиям. И ощущение в них было таким странным — они стали тугими и чувствительными. По правде говоря, она сама чувствовала себя как-то странно — словно кто-то посторонний проник в ее тело.

Гарет легко, словно перышком, обвел пальцем один из розовых сосков. Когда он

повторил то же самое снова, его большой палец как бы ненароком задел самый кончик соска, который тут же стал тугим, и от этой точки множество самых разнообразных ощущений распространилось по всему ее телу. К ужасу Джиллиан, ее второй сосок тоже стал твердым, словно в предвкушении той же ласки.

— Ну же, Джиллиан, скажи мне, — прошептал он прямо ей в ухо, — приятно ли тебе или нет?

Говоря это, он повторил то же самое еще раз, затем еще и еще. Насмешка в его голосе ускользнула от ее внимания. Еще ни разу в жизни Джиллиан не доводилось испытывать столь невыразимого блаженства. Она опустила взор, боясь, что он слишком легко сможет прочесть ответ в глубине ее глаз.

Гарет поднял голову, глядя на нее сверху вниз, чтобы насладиться победой. Тихий смех выдавал его торжество.

— Ох, Джиллиан, я не только вижу это, но даже могу это почувствовать.

И действительно, он успел заметить ее удовольствие, каким бы невольным оно ни было. Не важно, что она бранила его последними словами, желая ему поскорее оказаться на другом краю земли. Тело выдавало ее. Тело свидетельствовало совершенно об ином, чем поток обвинений, срывавшихся с ее губ, все еще влажных после его недавнего поцелуя.

Судорожно вздохнув, Джиллиан попыталась было приподнять руку, чтобы оттолкнуть его. Однако он ей помешал, снова прижав руку к ее боку. Ее собственные ощущения пугали ее. Ей вдруг показалось, что она больше не владела собой, что она перестала узнавать саму себя, а ее чувства разлетелись в разные стороны без малейшей надежды их поймать. И почему только она чувствовала себя так? Ведь она не собиралась давать ему то, что он от нее требовал, как будто имел на это право!

Джиллиан не пожелала прислушиваться к внутреннему голосу, нашептывавшему ей, что это действительно было его правом — более того, его долгом, — поскольку теперь он стал ее мужем.

— Перестань! — воскликнула она.

Если Гарет и слышал ее, то не обратил на нее никакого внимания. Его губы снова завладели ее губами, руки крепко прижали ее к его чреслам, так что Джиллиан ощущала каждый дюйм его твердой плоти. Что-то твердое, как камень, задело низ ее живота, приходя в возбуждение и раздаваясь в размерах чуть ли не у нее на глазах... Сердце ее забилось чаще. То была та самая часть его тела, которая так отличалась от ее собственной мягкой податливой плоти и которая скоро должна была стать частью ее самой. Однако сейчас ее ощущения были совершенно иными, чем в хижине на берегу моря.

Его поцелуй был откровенно чувственным и до беззастенчивости дерзким. Сначала он провел языком по линии ее губ, после чего погрузился между ними, словно требуя без слов впустить его. Джиллиан приоткрыла рот. Проникновение его языка казалось эротической имитацией акта, который вскоре должен был последовать. Ей следовало бы выглядеть испуганной и протестовать, однако ею неожиданно овладела сладкая истома. Пульс ее участился, внутри все растаяло. Когда Гарет высоко поднял ее на руки, она инстинктивно ухватилась за его плечи.

Покрывало на постели оказалось мягким и гладким на ощупь. Однако когда Гарет внезапно навис над нею, вся реальность того, что ей предстояло, разом обрушилась на нее. С намеренной неспешностью он поместил руки рядом с ее лицом, а колени — по обе стороны от ее бедер, оседлав ее. Губы его снова расползли все в той же ненавистной ухмылке,

словно он хотел тем самым лишней раз показать свою власть над ней. Джиллиан оставалось лишь горько сожалеть о том, что она являлась не более чем пешкой в руках короля... а теперь и в его руках тоже.

Это порождало в ней внутренний протест. Она не будет его покорной рабой. Ни за что не подчинится ему, словно у нее нет ни ума, ни воли. Все ее существо требовало сопротивления, каким бы тщетным оно ни казалось. Этот Гарет, которого она видела перед собой сейчас, не был тем человеком, который едва не завоевал ее сердце в домике на берегу. Нет, то был совсем другой Гарет, лорд Соммерфилд — властный и высокомерный. В полном отчаянии Джиллиан произнесла:

— Это и есть та самая постель, где ты лишил девственности свою первую жену?

Гарет так и замер на месте, плотно сжав зубы. Казалось, сам воздух вокруг потрескивал от напряжения. Его лицо помрачнело, черты его казались высеченными из гранита, глаза сделались холодными как лед.

— Да, — произнес он беспощадным тоном, скривив губы. — И именно на ней я намерен лишить девственности тебя.

Его губы жадно впились в ее рот с такой всепоглощающей страстью, что у нее не было никакой возможности уклониться от него или избежать его поцелуя. Пальцы обхватили ее голову, держа в плену, словно он хотел тем самым выместить на ней свою ярость. Грудь его давила на нее своей тяжестью так, что у нее перехватило дыхание. Затем он оторвался от ее губ и, не закрывая рта, провел губами по изгибу ее шеи вплоть до небольшой ложбинки между ее грудями. Джиллиан вобрала в грудь побольше воздуха, ибо едва была в состоянии дышать.

Он весь кипел гневом, и она чувствовала это. Его терпение иссякло, а вместе с ним и нежность. Нет, теперь в нем не осталось никакой нежности. Она уже хорошо знала его, чтобы уловить разницу. Это было видно по его напряженным мускулам, по стиснутым зубам, по суровости его черт.

Выпрямившись, Гарет сорвал с себя тунику и отшвырнул в сторону. Голый по пояс, он снова обернулся к ней.

Губы Джиллиан пересохли, она не могла заставить себя отвернуться. Разумеется, ей и раньше приходилось видеть его без одежды, но теперь все обстояло совершенно иначе. Внутри ее все оборвалось, ибо от него веяло скрытой силой и жизненной энергией, с которой нельзя было не считаться. У него были сильные мускулистые руки, курчавая поросль покрывала грудь.

По телу Джиллиан пробежала дрожь, и она стиснула зубы, чтобы ее унять. Сильные мужские руки легли на белую кожу ее бедер, широко раздвинув их. Она ненавидела свою уязвимость. Ей претило лежать перед ним вот так, когда все ее женские секреты были открыты его взору. Ей не приходилось ждать от него снисхождения, поскольку в нем не было места снисхождению! Однако она не станет просить его или умолять о чем бы то ни было, подумала про себя Джиллиан в отчаянии. Что бы ей ни предстояло, она не закричит. И уж конечно, она не позволит ему насладиться той победой, на которую он рассчитывал. Пусть он и подчинил ее своей воле, ему никогда не удастся ее сломить. Эта клятва придавала ей решимости, и когда он снова наклонился к ней, отыскивая ее губы, она резко отдернула голову в сторону. То был страстный отпор, недвусмысленный отказ от его поцелуя... и от него самого.

Подобная жертва не могла обойтись без последствий. Нескрываемая ярость пронизала

все его существо. Будь она неладна за то, что позволила себе им пренебречь! С приглушенным рычанием Гарет обхватил ее щеки твердыми, как сталь, пальцами. Бог свидетель, она будет смотреть ему в лицо, когда он ею овладеет! Но то, что он увидел, заставило ужасное проклятие сорваться с его губ. Он схватил со столика рядом с кроватью подсвечник и поднял его повыше.

— Не надо! — Джиллиан заслонила глаза локтем, пытаясь стереть молчаливое свидетельство, которое до сих пор поблескивало на ее пальцах. — Не смотри на меня!

Ее крик, не то гневный, не то вызывающий, сменился жалобным всхлипыванием... Ибо Гарет уже успел заметить слезы на ее щеках. Беззвучные слезы, которые до сих пор она пыталась держать в узде, чтобы он о них не узнал.

На один оглушительный момент даже ее слезы не способны были унять стук в его висках. Желание, бурлившее в его крови, застилало ему глаза красной пеленой и было почти мучительным. Влечение управляло его телом — влечение, которое затмевало собой все прочие мысли, все соображения здравого смысла. Он чувствовал... а все, что он чувствовал в тот миг, был огонь страсти в его душе, всепоглощающая потребность утолить голод в своих чреслах, сорвав с себя одежду и погрузившись до отказа в ее упругую девственную плоть, пока он не достигнет вершины блаженства.

Следует ли ему остановиться? Сам он этого не хотел. Господи Иисусе, он и не думал, что способен остановиться. Только не сейчас, когда она лежала под ним обнаженная во всей своей красе. Искушение было почти выше того, что мог выдержать на его месте любой мужчина... что он сам мог выдержать. Страсть успела пустить в нем корни, и вытравить ее было не так-то легко.

В глубине его существа бушевала битва — битва, которая шла уже не между ними двумя, но исключительно в его собственной душе. Битва, равной которой ему еще никогда прежде выдерживать не приходилось.

Теперь он почти ненавидел ее — за ее слезы, от которых у него защемило сердце. За угрызания совести, которые она пробудила в нем против воли. За то, что она отвергла его, — более того, осмелилась его обвинять. Он хотел укротить ее нрав, жарким поцелуем заставить ее прикусить свой дерзкий язычок. В следующее мгновение он уже был на ногах.

— Вытри слезы, — произнес он резко. — Я не стану делить ложе с женой, которая меня не хочет. — Гарет уставился на нее, едва сдерживая себя, глаза его сверкали. — Но имей в виду, Джиллиан, король умеет считать — *ion* и, без сомнения, он будет с особым рвением считать каждый день до тех пор, пока ты не произведешь на свет ребенка. Если этого не случится, нам обоим придется несладко.

Схватив тунику, он удалился, оставив ее одну.

Губы Джиллиан все еще дрожали после его властного поцелуя. Внезапно почувствовав мертвящий холод, она заползла под одеяло, не обращая внимания на свою наготу. Отчаяние окутывало ее, подобно погребальному савану.

Возможно, все дело было в бурных событиях минувшего дня, в том внутреннем напряжении и неуверенности, которые она испытывала, однако нахлынувшие на нее чувства вырвались наружу потоком слез.

Довольно скоро за ставнями промелькнула серебристая вспышка молнии, отдаленные раскаты грома достигли ее слуха. Джиллиан повернулась спиной к окну и прижала к груди подушку, однако ей так и не удалось отгородиться от этого звука.

И тут ей неожиданно пришло в голову, что она всего лишь сменила одно место штормов

на другое... и пациента на тюремщика. Да, подумала про себя Джиллиан с горечью, она только что добровольно отдалась... в руки своего палача.

На следующее утро Джиллиан проснулась совершенно разбитой. Довольно долго она смотрела воспаленными глазами на потолок с таким ощущением, словно кто-то высосал из нее вместе с кровью все чувства. Она едва смогла найти в себе достаточно сил, чтобы кое-как выбраться из постели. Воспоминания о минувшей ночи не оставляли ее... но нет, она ни за что не поддастся слабости. Она не станет думать о нем!

Ибо в ту ночь Джиллиан поклялась себе, что никогда больше не позволит ему довести себя до слез. Он считал себя вправе распоряжаться ее жизнью, но она не допустит, чтобы он распоряжался и ее чувствами. Брат Болдрик считал ее сильной женщиной, и она должна оставаться сильной, каким бы трудным это ей ни казалось.

С глубоким вздохом Джиллиан соскользнула с постели. Тут ее взгляд случайно упал на одежду, лежавшую грудой на полу. Она поспешно подобрала ее и набросила на спинку кресла. В это самое мгновение раздался стук в дверь.

Джиллиан поспешно нырнула обратно в постель и натянула одеяло до самого подбородка. Сердце в ее груди бешено забилося. Неужели это опять Гарет? Но нет, подумала она про себя, презрительно фыркнув, он бы не стал утруждать себя стуком.

— Да? — крикнула она.

— Миледи, это я, Линетт. Вода для вашей ванны уже готова. Вы позволите мне войти?

Джиллиан испустила едва сдерживаемый вздох облегчения.

— Да, конечно, — ответила она.

Линетт вошла в сопровождении целой вереницы служанок, несших ведра с горячей водой. Девушки притащили деревянную бадью, наполнили ее водой и удалились, в комнате осталась одна Линетт.

— Уже довольно поздно, Линетт, не так ли?

На пухлых щеках горничной выступили два ярких розовых пятна.

— Милорд сказал, что вы будете очень усталой этим утром, миледи. — Она робко улыбнулась, отчего на ее щеках выступили ямочки. — И что нам не следует будить вас слишком рано.

Судя по улыбке Линетт, у горничной сложилось впечатление, что Гарет провел ночь в своей постели — причем провел ее вместе с ней, Джиллиан. Для Джиллиан было крайне стеснительно вылезать обнаженной из постели, ведь Линетт была убеждена в том, что Гарет и его молодая жена предавались всю ночь плотским удовольствиям, тогда как в действительности они спали раздельно. Ах, черт бы побрал все ее брачные обеты! Где же на самом деле провел ночь Гарет? Джиллиан знала наверняка лишь одно: она не станет спрашивать об этом ни его самого, ни кого-либо из слуг. Поступить так означало бы унижить их обоих. Она внутренне поморщилась. Вряд ли ей доставит удовольствие увидеть его снова, особенно после того, как он минувшей ночью бросился вон из комнаты.

После ванны Джиллиан уселась за стол, чтобы отведать еды с подноса, который оставила ей Линетт. Завтрак оказался простым: хлеб, эль и мягкий, кремowego цвета сыр. Джиллиан ела с аппетитом, поскольку накануне вечером почти не притронулась к ужину. Закончив, она смахнула крошки с юбки, и тут из-за приоткрытой двери до нее донесся какой-то шорох. Думая, что это горничная вернулась за подносом, она крикнула:

— Я уже позавтракала, Линетт.

Однако Линетт так и не появилась. Джиллиан, нахмурившись, бросила взгляд через плечо: она была совершенно уверена в том, что слышала чьи-то шаги. Однако все, что она могла видеть, — это детские пальчики, обхватившие дверной косяк. Не успела Джиллиан сказать хотя бы слово, как за ними показались белокурая головка и пара проказливых глаз.

Джиллиан изумленно моргнула. Она подошла к двери, но не слишком близко, чтобы ненароком не испугать неожиданного гостя.

— Ну, здравствуй, — произнесла она с улыбкой на лице. — Не хочешь ли войти?

К этому времени мальчик уже полностью показался в дверном проеме. Робби сделал несколько шагов вразвалку в глубь комнаты, после чего остановился и с любопытством уставился на Джиллиан. Она слегка склонила голову набок.

— Ты заблудился, Робби?

Мальчик покачал головой. Впрочем, она так и предполагала, поскольку он не выглядел ни испуганным, ни растерянным.

— Ты ищешь няню?

Он снова покачал головой.

— Значит, ты убежал от няни. И опять он покачал головой.

— Что ж, тогда позволь мне высказать еще одну догадку. Ты прячешься от няни?

Робби хихикнул и утвердительно закивал. Его глаза необычного ярко-зеленого оттенка блеснули, а озорная улыбка явно оказалась заразительной, поскольку, несмотря на все усилия Джиллиан, ее собственные губы тоже растянулись в улыбке.

— Она наверняка недоумевает, где ты, Робби. — Джиллиан пыталась выглядеть строгой, однако это у нее плохо получалось. — И уж конечно, будет очень беспокоиться.

— Но ты же сказала, что я могу войти, — тотчас возразил мальчик.

Джиллиан прикусила губу.

— Да, верно. — Ей не хотелось брать свои слова обратно. Это могло стать плохим примером для ребенка. — Ну ладно, заходи, но только ненадолго. А потом мы вместе отправимся на поиски няни и объясним ей, что с тобой все в порядке. — Она подошла к кровати и жестом указала на покрывало: — Хочешь посидеть со мной?

Едва она это сказала, как Робби бросился к ней через всю комнату. Однако кровать была слишком высокой для него, и он не мог забраться на нее без посторонней помощи. Тогда малыш без колебаний протянул ей обе руки, чтобы она его посадила. Джиллиан подхватила его на руки и подняла в воздух.

— Боже мой! — воскликнула она, когда он удобно устроился рядом с ней. — И чем только тебя накормили? Ты такой тяжелый, словно пень от упавшего дуба в лесу!

Ее слова были шуткой лишь отчасти, поскольку мальчик и в самом деле оказался настоящим крепышом. Перед ее мысленным взором тотчас возник образ Гарета, который поднял сына на руки с такой легкостью, как будто тот весил не больше гусиного перышка. Но тут же этот образ померк.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил мальчик.

— Ну, — ответила она как ни в чем не бывало, — я видела, как ты прибыл вчера вместе с королем Иоанном и его свитой. Тогда-то я и узнала, что тебя зовут Робби.

Мальчик выпятил нижнюю губу, брови над маленьким носиком собрались в хмурую складку.

— Мне не нравится король Иоанн, — заявил он. Джиллиан наклонила голову и поманила его пальцем к себе.

— Я открою тебе один секрет, — прошептала она. — Мне он тоже не нравится. Но пусть это останется между нами. Что ты на это скажешь, Робби? Ты умеешь хранить секреты?

— Секрет! — так и ахнул он, после чего радостно захлопал в ладоши. — У меня есть секрет! — Робби радостно хихикнул.

Джиллиан сама с трудом удержалась от смеха, хотя это и вправду могло показаться невероятным — смеяться, когда речь шла о короле! Она поднесла палец к губам:

— У нас есть секрет.

Робби, снова прыснув, сделал то же самое. Сердце Джиллиан было покорено. Бог свидетель, Робби оказался прелестным мальчуганом — пухлые щечки, белая кожа и кудрявые шелковистые волосы золотистого цвета. Линетт уверяла, что ребенок очень похож на свою покойную мать, Селесту... И почти тут же мысли Джиллиан невольно обратились к своему дорогому брату. Правда, Клифтон был гораздо старше Робби, но все же еще мальчиком, едва ли готовым к самостоятельной жизни. Клифтон. Боль раздирала ей душу. Клифтон, где ты?

Яркие зеленые глаза мальчика всмотрелись пристальнее в ее лицо.

— Ты жена моего отца?

— Да, — подтвердила она.

Робби, похоже, задумался над ее словами.

— Если ты замужем за моим папой, — произнес он медленно, — то, значит, ты должна быть моей мамой. — Он не сводил с нее испытующего взгляда. — Скажи, ты и есть моя мама?

Он выглядел таким серьезным, на лице его отражалось столько надежды, что Джиллиан больно было его разочаровывать.

— Нет, — ответила она как можно мягче. — Я Джиллиан. Видишь ли, Робби, когда у кого-нибудь умирает жена, он может жениться вторично. Именно так поступил твой папа, и я... — тут она запнулась, — я его вторая жена. Твоя мама, Селеста, была его первой женой. Сейчас она на небесах, вместе с нашим Господом.

Она заколебалась, не будучи вполне уверенной, что именно он знал и что ему уже говорили о Селесте. Ей казалось странным говорить о женщине, которую она никогда не встречала...

Но не просто о женщине. О жене Гарета. Более того, ей странно было сознавать, что в то время, как она говорила с этим мальчиком о его покойной матери, именно она, Джиллиан, скорее всего останется для Робби единственной матерью, которую ему суждено узнать. Однако вряд ли ребенок в его возрасте мог вместить в себя так много. Даже для нее самой, подумалось ей смутно, это почти слишком.

— Ты помнишь свою мать, Робби? — не сдержавшись, спросила она.

— Нет. А ты?

На какой-то миг Джиллиан была захвачена врасплох. Впрочем, со стороны Робби вопрос мог показаться вполне естественным. Теперь пришла ее очередь отрицательно покачать головой.

— Нет, я никогда не была знакома с твоей матерью, Робби, поскольку я лишь недавно в Соммерфилде, — пояснила она. — Но знаешь, что мне пришло в голову?

— Нет. А что?

— Я чувствую себя здесь одинокой... и мне так нужен друг.

Маленькие пальчики ребенка скользнули в ее ладонь.

— Я готов стать твоим другом, Джиллиан, — ответил он серьезно.

Сердце растаяло в груди Джиллиан.

— Вот как? — Господи, какой же он милый! — Для меня это будет большим счастьем, Робби.

Мальчик весь просиял, глядя на нее снизу вверх.

— Ну а теперь, юный сэръ, я полагаю, нам нужно найти няню. — Она поднялась и протянула ему обе руки. — Пойдем?

До чего же странно, размышляла она про себя впоследствии, что именно Робби дал ей силы, чтобы смело встретить наступающий день... и лорда Sommerfилда. Тем не менее она почувствовала огромное облегчение, услышав, что хозяин отправился на прогулку верхом — осматривать свои владения.

Линетт заметила ее в зале и тут же поспешила к ней. Когда горничная предложила Джиллиан показать замок и прилегавшие к нему земли, та охотно согласилась. Было приятно немного размяться, к тому же на небе не осталось никаких следов недавней грозы. Хотя воздух был по-зимнему холодным и бодрящим, сквозь пушистые белые облачка на землю лился яркий солнечный свет. Накануне у нее почти не было времени, чтобы полюбоваться окрестностями, и Джиллиан снова, уже в который раз, испытала чувство благоговейного трепета. Замок Sommerfилд располагался на высоком холме, окруженный водами глубокого рва. Судя по всему, его поддерживали в отличном состоянии в отсутствие Гарета. Джиллиан и Линетт неторопливо прогуливались по замку и его окрестностям, вплоть до паривших высоко в воздухе оборонительных сооружений на стенах. Отсюда можно было как на ладони видеть реку, которая узкой змейкой несла свои воды через долину, и еще дальше к северу девственные леса Шотландии.

Джиллиан была весьма признательна Линетт за ее общество, поскольку девушка оказалась превосходным проводником. Линетт поведала ей о том, как норманнский предок Гарета, лорд Роберт, построил этот замок на земле, пожалованной ему Вильгельмом Завоевателем в награду за верную службу.

— Значит, Робби назвали в его честь? — осведомилась Джиллиан.

— Наверное, да, — ответила горничная.

Джиллиан поплотнее закуталась в плащ, поскольку воздух здесь, наверху, был довольно холодным. Внезапная острая боль пронзила все ее существо. Ей еще так много предстояло узнать о браке Гарета с Селестой... или же она предпочла бы вовсе об этом не знать?

Линетт вскоре покинула ее, однако Джиллиан решила еще ненадолго задержаться на укреплениях. Несмотря на холод и свист ветра в бойницах, ей здесь нравилось. Внизу во дворе суетились маленькие фигурки, и ветер доносил сюда на высоту чьи-то веселые крики и смех. По правде говоря, ей всегда претило одиночество в хижине на берегу, и как бы мало ей ни хотелось признаваться в том Гарету, в глубине души она была рада снова оказаться среди людей.

Было уже за полдень, когда Джиллиан спустилась наконец по длинной лестнице вниз. Она проследовала через внутренний двор замка, кивком головы приветствуя встречаемых слуг, а некоторых из них даже называя по имени. Линетт уже успела представить ей многих из них, и в голове у нее все еще слегка шумело от обилия лиц и имен. Потребуется некоторое время, чтобы познакомиться со всеми.

Она обогнула повозку, стоящую перед узким дверным проемом, но тут один из мешков

свалился с задка телеги прямо к ее ногам. Джиллиан хотела поднять его, но тут появилась служанка и бросилась к ней:

— Нет, миледи! Позвольте мне. Женщине в вашем положении нельзя таскать такие тяжести.

Служанка кое-как управилась с мешком, швырнув его обратно в повозку. Затем, подбоченившись, обернулась к Джиллиан с широкой улыбкой на губах:

— Милорд уже успел сообщить прислуге о ребенке, миледи. — Не давая Джиллиан вставить ни слова, женщина схватила ее за руку и поспешно добавила: — О, я так рада за вас, миледи! У нас с мужем шестеро малышей, и должна сказать, на свете нет большей радости, чем ребенок. Мы от души желаем вам счастья, миледи!

Сделав реверанс, служанка исчезла за дверью.

Джиллиан пришла в ужас. Выходит, она весь день прогуливалась как ни в чем не бывало среди этих людей, а они все это время были уверены в том, что... О Боже, сможет ли она когда-нибудь снова ходить с высоко поднятой головой?

Тут на нее упала чья-то тень. Джиллиан догадалась, кто стоял за ее спиной, еще до того, как обернулась и увидела его. Без единого слова Гарет подхватил ее под локоть и отвел в сторону, туда, где их никто не мог услышать.

Как только они остановились, Джиллиан в гневе вырвала у него руку. Гарет слегка наклонил голову:

— Полагаю, тебе есть что мне сказать, жена. Джиллиан расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза. Она не помнила, когда еще за всю свою жизнь чувствовала себя такой сердитой.

— Значит, ты все слышал? — спросила она натянутым тоном.

— Да. — Гарет заложил руки за спину. Похоже, он несколько не был сконфужен ее словами.

Джиллиан окинула его взглядом — от густых черных волос, слегка растрепавшихся на ветру, до кончиков покрытых пылью сапог.

— Что ж, — заметила она язвительно, — я вижу, ты по-прежнему высокого мнения о себе. Очевидно, ты считаешь себя лучше других мужчин, раз объявил всем и каждому, что мы ждем ребенка — особенно если учесть, что тебе еще только предстоит оставить во мне свое семя!

— Должен заметить, для того чтобы зачать ребенка, женщина должна разделить ложе с мужчиной.

Глаза Джиллиан сверкнули гневом.

— Тебе нет нужды напоминать мне об этом! Черные брови Гарета слегка приподнялись.

— Почему у тебя такой растерянный вид? Король уверен в том, что ты спала со мной. Что, если он вернется и напомнит тебе об этом? Не станешь же ты поднимать при всех переполох! Тогда король сразу догадается, что на самом деле ты вовсе не ждала от меня ребенка, когда мы поженились. И его люди тоже узнают правду.

Джиллиан вздрогнула. Приближенные короля, Стивен и Александр, оба дюжие и бородатые, стояли рядом с караульным помещением, засунув большие пальцы рук за пояса с оружием.

У Гарета, как всегда, на все был готов ответ. Она могла проклинать его за чересчур бойкий язык, но тут ей пришлось с ним согласиться. И почти тут же ее сердце подскочило от

внезапной мысли.

— А что, если я бесплодна?

Этот вопрос дался ей не без труда, и Гарет сразу насторожился. Откровенно говоря, этого он в расчет не принял... В замешательстве он изобразил равнодушие, которого на самом деле вовсе не чувствовал.

— В таком случае нам с тобой предстоит гореть в аду.

Но ты можешь утешиться тем, что мы по крайней мере попадем туда вместе — как муж и жена.

Его последние слова заставили ее гордо вскинуть подбородок. Гарет намеренно сменил тему разговора. Он был очень доволен, когда по возвращении в Соммерфилд узнал, что она провела весь день среди слуг, чтобы запомнить их имена и обязанности. Когда он увидел ее, она спокойно бродила по двору и улыбалась в ответ на приветствия.

— Я бы хотел вручить тебе ключи от замка. — Брови его слегка приподнялись. — Ты знаешь, как вести домашнее хозяйство?

— Разумеется. После смерти мамы папа передал все обязанности по дому в мои руки.

— А! — отозвался он. — И я не сомневаюсь в том, что эти руки окажутся, ко всему прочему, весьма способными.

Джиллиан покраснела, окружив себя стеной бдительности, как щитом, ибо улыбка, игравшая на его губах, заставила ее сердце забиться сильнее. У нее возникло неприятное ощущение, что, говоря о ее руках, он имел в виду нечто совершенно другое, поскольку глаза его обратились на ее губы... и задержались на них.

Разжав ей ладонь, он вложил в нее ключи, после чего сам сомкнул ее пальцы и еще долго не отпускал их. Она почувствовала, как в ее груди нарастает какое-то странное волнение.

— Увидимся за обедом.

Бросив на нее последний долгий взгляд, он удалился, оставив Джиллиан стоять на месте, так что у нее от волнения сердце подскочило к самому горлу.

Их разговор все еще не выходил у нее из ума, когда она вернулась в свою спальню. «Ах, какой же я была дурочкой!» — в отчаянии призналась себе Джиллиан. Гарет был прав. Едва ли она могла зачать ребенка в одиночку. У нее не оставалось иного выбора, как только примириться с неизбежным.

Она должна разделить с ним ложе.

Этой же ночью.

За обедом Гарет приветствовал ее, подкладывая на ее тарелку мяса и следил за тем, чтобы ее кубок всегда оставался полным. Однако уделял куда больше внимания своим рыцарям, обсуждая с ними события минувшего дня.

И тем не менее Джиллиан чувствовала себя далеко не так спокойно, как ей самой того хотелось. Сидя рядом с ним, она поневоле теряла присутствие духа. Слишком часто его бедро как бы невзначай задевало ее собственное — зримое напоминание о том, что произошло между ними минувшей ночью. Джиллиан не могла забыть вида его широкой могучей груди — этого воплощения жизненной силы и мужественности. Ей не нужно было находиться поблизости от него или даже видеть, чтобы об этом вспомнить. Но увь, она вынуждена была находиться поблизости — и тогда ей казалось совершенно невозможным забыть о том, как он, швырнув ее на кровать, раздвинул ее бедра... беспощадность его

поцелуя... Хотя Джиллиан упорно избегала этой мысли в течение всего дня, она не могла не поражаться тому, что в конце концов он все же остановился и не взял ее силой, как обещал...

Да, он остановился. Он не стал причинять ей боль...

Что, если сегодня ночью он будет не столь великодушен?

От волнения у нее разболелась голова. Она поднесла руку ко лбу, чтобы потереть переносицу, не замечая устремленного на нее пристального взгляда Гарета. Он повернул голову в ее сторону:

— Может быть, ты хочешь удалиться к себе?

В его тоне чувствовалась нескрываемая холодность. Джиллиан казалось, что она угодила в паутину, из которой не было спасения. Она подавила истерический смешок. Что ей следует ему ответить — да или нет? Впрочем, какая разница? В любом случае исход будет тем же самым. Ей было куда труднее оттягивать эту пытку, чем выдержать ее, решила про себя Джиллиан. По ее телу пробежала заметная дрожь.

— Да, — ответила она без всякого выражения.

— В таком случае я позволяю тебе удалиться. Джиллиан тотчас поднялась с места. Однако не успела она сделать и шага, как его голос остановил ее:

— Возможно, ты захочешь меня подождать. — Последовала намеренная пауза. — Я не задержусь здесь долго.

Их глаза встретились, и Джиллиан испытала легкий приступ паники, ибо вид у него был совершенно неумолимый. Глаза его светились непреклонной решимостью, и Джиллиан поняла...

То было предупреждением.

Она опустила глаза и поспешно удалилась, однако Гарет успел заметить уязвленное выражение ее лица. Он поравнялся с ней почти у самого входа и резким движением повернул к себе, так что она оказалась с ним лицом к лицу.

— Почему ты смотришь на меня так? — потребовал он ответа.

— Сам знаешь почему. — Она отвернулась.

Гарет сразу помрачнел. Она стояла, прижав руки к груди и отведя взор в сторону, узкие плечи поникли. То была поза, выражавшая беззащитность перед мукой, поза, заставившая его чувствовать себя так, словно он раздавил ее, как жука, каблуком своего сапога. Раскаяние дрожью пробежало по всему его телу, однако он отказывался ему поддаваться.

Она нанесла чувствительный удар по его гордости, который он не скоро забудет — или простит, если уж на то пошло! Он провел адскую ночь, подпирая стену замка: никто не должен был знать о том, что собственная жена выставила его из спальни в первую брачную ночь! Тогда, в хижине на берегу, он почувствовал ее присутствие прежде, чем узнал ее. Ему очень не хватало ее близости, когда она, сонная, дремала в его объятиях. Ему не хватало запаха ее теплого сонного тела, теплой струйки ее дыхания, касавшейся его щеки. Он чувствовал себя... потерянным без ее мягкой плоти у самого его бока. У него не было никакого желания подавлять ее дух, однако теперь она принадлежала ему и должна была с этим смириться. Он взял ее за подбородок и заглянул в глаза:

— Ты хочешь выставить меня чудовищем. Но я отнюдь не из тех, кто не знает ни жалости, ни сострадания. Я делал только то, что должен был сделать ради спасения жизни моего сына — и твоей жизни тоже.

Джиллиан подняла на него взгляд, одновременно укоризненный и умоляющий.

— Пожалуйста, — пробормотала она, облизнув кончиком языка губы, — если бы только ты мог дать мне немного времени...

Гарет с шумом вобрал в себя воздух, впившись в нее взглядом точно так же, как ему хотелось впитаться в ее тело.

— У нас нет времени, — отрезал он. — А теперь готовься ко сну. Я скоро приду.

С этими словами он покинул ее, а Джиллиан направилась в его спальню.

Как и прежде, спальня была озарена сиянием свечей, а на столике рядом с камином стояли графин с вином и два кубка. Именно туда Джиллиан и направилась в первую очередь. Она налила себе щедрюю порцию вина и опустилась на коврик возле камина, поставив кубок рядом с собой.

Поднеся руки поближе к огню, она уставилась на потрескивающее пламя, после чего потянулась за вином. Вино и впрямь оказалось превосходным, и она отпила еще глоток. Пожалуй, оно куда приятнее на вкус, чем любое из тех, которые ей приходилось пробовать до сих пор, решила Джиллиан, как только чеканное серебро кубка снова коснулось ее губ. По всему ее телу разлилось приятное тепло. После второго кубка у нее затуманились глаза, очертания предметов сделались расплывчатыми, но зато это придало ей смелости, и то, что предстояло ей этой ночью, перестало казаться таким пугающим. Она была далеко не первой женщиной, которая делила ложе с мужчиной, так что с ее стороны просто глупо было так трусить.

Наконец Джиллиан положила обе руки на высокую решетку камина и опустила на них голову. Ею внезапно овладела страшная усталость. Она чувствовала себя такой обессиленной, что даже не могла двинуться с места, и потому решила отдохнуть хотя бы чуть-чуть...

Гарету не сразу удалось извиниться перед собеседниками и выйти из-за стола. У него имелась по крайней мере дюжина неотложных дел, которые необходимо было решить, однако они ждали уже достаточно долго и, уж конечно, могли подождать до завтра. Сейчас же все его мысли были сосредоточены на другом. День выдался долгим и утомительным, к тому же прошлой ночью он почти совсем не спал.

С притворной неохотой Гарет поднялся из-за стола, не желая выглядеть слишком нетерпеливым. Но, само собой разумеется, когда он объявил о том, что хочет отправиться в постель, мысли его были заняты вовсе не ночным отдыхом, а леди, которая ждала его там.

Его рыцари улыбались и понимающе переглядывались, а некоторые откровенно завидовали. Они отлично знали, почему их лорду так не терпелось поскорее пожелать им спокойной ночи и удалиться к себе.

Да, но кого он встретит там? Разгневанную маленькую бунтарку? Быть может, для нее это было всего лишь удобным случаем вновь отвергнуть его? Такой оборот приняли его мысли, когда он поднимался по лестнице, ведущей в спальню. В глубине души Гарет опасался, что ответ вряд ли придется ему по вкусу. В порыве мрачной иронии он даже подумал, что ему следует быть готовым увернуться от удара, когда он откроет дверь, — она наверняка пустит в ход первый же тяжелый предмет, который попадется ей под руку, лишь бы не допустить его в комнату!

Он осторожно приоткрыл дверь, затем переступил через порог. Спальня была тускло освещена, однако несколько свечей все еще догорали в подсвечниках, рассеивая мрак.

Едва Гарет прикрыл за собой дверь, как сердце в его груди замерло. Постель оказалась пуста! О Господи! Гарет уже готов был взорваться. И куда только делась эта девчонка? Зря

он и в самом деле не держал ее под замком!

В камин уже давно никто не подбрасывал дров, и догоравшие угольки в камине распространяли вокруг себя скудное тепло. Тут Гарет заметил ее. Она сидела перед самым камином, положив голову на руки и поджав под себя ноги, окруженные пышными складками юбок. Ее распущенные волосы напоминали сплошной черный поток, окутывая ее со всех сторон и падая густыми волнистыми прядями на пол. Рядом с ее рукой он заметил полупустой кубок. Ему хватило нескольких шагов, чтобы оказаться рядом со столиком. Едва он приподнял графин, как его брови тут же высоко взметнулись вверх. Он перевел взгляд с графина на Джиллиан и затем снова на графин. Гм... Она успела выпить достаточно вина... похоже, даже больше чем достаточно.

Мысли Гарета заходили по кругу, и он зло выругался себе под нос. Вот дьявол! Неужели ей пришлось подкреплять себя вином, чтобы провести с ним ночь? Эта мысль ему претила.

«А чего ты ожидал? — тут же раздался в его мозгу предостерегающий голос. — Ты едва ли мог сойти за нежного любовника. Неужели ты надеялся добиться ее расположения, когда между вами нет ничего, кроме взаимных обид и страха? Это не самое лучшее начало для семейной жизни».

Подумать только, он чуть не... Теперь ему оставалось только проклинать себя последними словами. Увы, как ни горько ему было в том признаваться, не было ничего удивительного в том, что она испытывала сейчас потребность в вине. Накануне он повел себя довольно запальчиво...

«Запальчиво? — поддразнил его все тот же голос, — Да это была настоящая буря!»

Однако Джиллиан удивила его. О да, она сильно его удивила.

Гарет очень сожалел о том, что у него не нашлось достаточно времени, чтобы поговорить с Робби и рассказать ему о переменах в своей жизни. Накануне из-за свадьбы, визита короля и главным образом из-за настойчивых попыток всех и каждого привлечь к себе его внимание у него едва хватало времени на раздумья. А когда перед самым началом праздничного пира он зашел в спальню сына, тот уже крепко спал. Позже он видел, как Джиллиан сидела с мальчиком у камина. Ее рука обнимала его за плечи, а Робби, смеясь, о чем-то рассказывал ей. Судя по всему, между ними уже возникла привязанность, и это явилось для него таким огромным облегчением, что все его прежние тревоги улетучились. Гарет знал, с какой неприязнью Джиллиан относилась к нему самому, и потому сомневался, примет ли она его сына. Однако это беспокойство оказалось напрасным. Совсем недавно она с необычайной мягкостью и состраданием обрабатывала его раны. Он почувствовал в ней доброту уже очень давно — в мягком прикосновении руки, когда лежал беспомощным на постели. Вряд ли такая женщина способна была отвергнуть его сына. И если они уже успели подружиться, то это, бесспорно, хороший знак. К тому времени когда ребенок появится на свет, все должно быть в порядке...

Ах да. Ребенок. Ребенок, которого им только предстояло зачать. Пока что он был доволен ею. Если бы только у него имелось в запасе чуть больше времени, чтобы завоевать ее доверие...

Он сделал глубокий медленный вдох. Совсем недавно она тоже просила его дать ей больше времени. Он отказал ей тогда — и теперь неожиданно для себя пожалел об этом! Иначе он бы сумел так или иначе заручиться ее доверием...

Бог свидетель, он бы никогда не убил ее. Никогда. А ее брат? Что случилось с Клифтоном? О нем до сих пор не было ничего известно. Быть может, когда страсти немного улягутся,

Гарет пошлет кого-нибудь на поиски мальчика. Однако пробуждать в Джиллиан новую надежду пока не стоит.

Приблизившись к камину, он опустил на корточки рядом с Джиллиан, однако не стал к ней прикасаться, а долго смотрел на нее, свесив с колена крепкое запястье. Ее красота всегда поражала его, подобно удару меча в живот, лишая его способности дышать и рассуждать здраво.

Темные шелковистые ресницы дымчатого цвета отбрасывали тень на ее щеки. Вино придало ее губам сочный темно-малиновый оттенок. Одна капелька все еще оставалась на полноватой нижней губе, и отблеск пламени превращал ее в переливающуюся рубиновую бусинку. Рот был слегка приоткрыт, дыхание стало глубоким и ритмичным. Почти благоговейно Гарет провел пальцем по ее нежной щеке, смахнув каплю вина и поднеся палец к губам.

Тут ее глаза внезапно открылись, все еще слегка затуманенные дремотой и вином. Джиллиан зашевелилась.

— Гарет? — пробормотала она.

— Да? — отозвался он хрипло.

Тонкие пальцы Джиллиан коснулись уголка его рта — поразившая его ласка, от которой у него пошла кругом голова.

— Я кормила тебя, — прошептала она.

— Джиллиан... — Он произнес ее имя с несвойственной ему нерешительностью.

Она окинула взглядом черты его лица, словно видела его в первый раз. Сердце его бешено забилося, ибо он не заметил на ее лице ни страха, ни неприязни.

— Когда ты был болен, — теперь голос ее едва можно было расслышать, — я поила тебя... вот так.

Не успел он опомниться, как она наполнила свой рот вином из кубка. Сначала, положив руку ему на грудь, заставила его облокотиться и сама склонилась над ним, так что ее волосы опутали его шелковистой пеленой. Когда ее губы коснулись его, он приоткрыл рот. И как только он это сделал, струйка вина потекла из ее рта в его рот.

И тут его вдруг осенило. Гарет был потрясен и пристыжен сверх всякой меры тем, что она пошла на такие крайности, чтобы спасти его жизнь.

Это было похоже на сон. Господи Иисусе, это и впрямь было как сон... чувственный, сладострастный сон. Желание бурлило в его жилах, и он едва смог сдержать стон. Во всем виновато вино, подумал он. Это оно лишило ее самообладания, заставив выпустить чувства на свободу. И вместе с тем что-то внутри его воспарило на головокружительную высоту.

Не раз его руки судорожно сжимались и разжимались, и он едва удержался от порыва заключить ее в объятия и припасть к ее губам в бесконечно долгом поцелуе. Однако он не поддался этому порыву и не отстранился от нее. Ему вдруг показалось, что он сначала вознесся до небес, а потом рухнул обратно на землю. Соблазн взять то, что она предлагала ему с такой охотой, был слишком силен. Ибо в ней чувствовался некий скрытый огонь — тот самый огонь, который впервые дал о себе знать еще в ту ночь, когда они впервые поцеловались. О, она могла сколько угодно выплескивать на него свою ярость, изображая сопротивление. Однако она поневоле приоткрыла ему то, что пряталось за холодной как лед наружностью.

Она целовала его до тех пор, пока вина совсем не осталось. Лишь тогда оторвала от него свои разгоряченные губы и снова потянулась к кубку, однако Гарет тотчас отставил его в

сторону.

— О нет, — усмехнулся он, — ты и так уже выпила сегодня достаточно вина, Джиллиан.

Ее розовые губы выпятились, лоб наморщился.

Гарет помог ей подняться. Джиллиан нетвердо держалась на ногах. Когда, подхватив ее на руки, он отнес ее в постель, она со вздохом обвила рукой его шею. Какое-то время Гарет стоял неподвижно рядом, не решаясь — видимо, из корыстных побуждений — отпустить ее. Наконец уложил ее на перину. Голова Джиллиан уткнулась в подушку, длинные ресницы касались щек. Гарет присмотрелся к ней внимательнее. Она опять уснула!

Вот чего стоили все его мечты о ночи райского блаженства!

Гарет снял с нее платье и туфли и, не глядя, отшвырнул в сторону. Сгусток жара нарастал в нижней части живота. Гарет тоскливо смотрел на нее. Лунный свет озарял ноги Джиллиан, гладкие и блестящие, словно выточенные из слоновой кости, и ему так хотелось, проснувшись, увидеть эти стройные ноги сплетенными с его собственными. Коралловые соски заострились от прохладного ночного воздуха, словно напрашиваясь на то, чтобы их целовали и ласкали языком. Ему не терпелось нагнуться пониже и обхватить губами эти сочные сладкие плоды, чувствуя, как от одного его прикосновения они становятся жесткими и упругими...

Тут Джиллиан снова зашевелилась, слегка раздвинув колени. Эта поза оставляла средоточие ее женственности открытым и уязвимым, доступным для его всепроникающего взгляда. Он знал, что если ему вздумается протянуть руку и дотронуться до этих нежных розовых складок, липкий жар ее тела останется на кончиках его пальцев...

С губ его сорвался целый поток приглушенных проклятий, и Гарет лишь с большим трудом заставил себя отвернуться. У него стучало в висках, и эта пульсация эхом отдавалась в его чреслах. Ах, каким же он был глупцом, раз позволял ей так мучить себя! Она лежала здесь перед ним совершенно обнаженная и полная той чувственной прелести, которая пробуждала в нем все самые низкие инстинкты. В конце концов, она была его женой перед Богом... однако он до сих пор не мог назвать ее своей.

О, как он презирал себя! Она искушала его сверх всякой меры, почти выше его сил. Однако он сумел совладать с приливом желания, закипавшим в его жилах, хотя это потребовало от него всей силы воли. Хотя ее упрямство и задевало его гордость, он не мог и не хотел ей противиться.

Однако Гарет не собирался овладеть ею вот так. Он хотел, чтобы она отдалась ему сознательно и по собственной воле. Он хотел заставить ее стонать, хотел ощущать всем существом ее близость, чувствовать, как бархатные своды ее лона смыкаются вокруг его мужского естества...

Поэтому ему оставалось только раздеться и улечься в постель рядом. Это очень напоминало их ночи в хижине на берегу, с той лишь разницей, что теперь они оба были обнаженными и Джиллиан стала его женой. Притянув ее поближе, он запустил пальцы в ее волосы и повернул ее лицом к себе. Хотелось всего один раз коснуться напоследок ее губ...

Во сне она поцеловала его в ответ. Во сне она дала ему то, на что никогда бы не согласилась в холодном свете дня.

Гарет вовремя успел отстраниться. Он далеко не чувствовал себя удовлетворенным, но пока ему было довольно и этого.

Джиллиан проснулась с таким чувством, словно в голове у нее слышался лязг мечей. Ей страшно хотелось пить, а пытаться думать для нее было все равно что пробираться через топкое болото. О Господи, до чего же ужасно она себя чувствовала! В уме ее царилла самая настоящая неразбериха, события вчерашнего дня в ее памяти были весьма смутными. Она помнила, как после ужина в зале поднялась наверх, а затем налила себе вина... Боже правый, во всем виновато вино!?

Все еще полусонная, она сунула руки под подушку и перевернулась на бок. Хотя она пыталась быть при этом осторожной, боль в голове терзала неотступно. Джиллиан застонала и открыла глаза. И тут она увидела то, что сейчас меньше всего хотелось бы видеть, — мужа, растянувшегося рядом на постели.

Слова не шли у нее с языка. В бездонных зеленых глубинах его глаз поблескивало ленивое веселье.

— Ну и как миледи себя чувствует утром? — осведомился он.

Его всепонимающая улыбка просто выводила из себя. Без сомнения, он прекрасно знал, как она себя чувствовала, болван!

— У тебя ужасно болит голова, не так ли?

— Да. — Джиллиан смерила его злым взглядом. Она подозревала, что все это только доставляло ему удовольствие, и всей душой ненавидела его за это! Ей вдруг отчаянно захотелось до крови разбить ему нос, как это делали подростки, когда стремились доказать свою зрелость. Наверняка она бы так и поступила, если бы у нее хватило на это сил. Уж тогда бы он не выглядел таким самодовольным! Вместе с тем собственные мысли привели Джиллиан в ужас. Она была далеко не подростком, и ей не требовалось никому доказывать свою зрелость. Еще никогда в жизни она не испытывала такого желания причинить кому-либо боль, как сейчас, лежа рядом с ним в постели. Да он и впрямь сведет ее с ума!

— Нет ли у тебя такого чувства, словно твой живот похож на корабль в бурном море?

— Нет, — огрызнулась она в ответ. — А теперь убирайся.

Глаза ее закрылись. Она не собиралась ни о чем думать, не желала иметь с ним никакого дела, когда он нарочно доставлял ей лишние хлопоты.

— Разумеется, — отозвался Гарет со всей любезностью.

Он обнаженным поднялся с постели, волоча собой одеяло и простыню. Тут же ее обдало холодным зимним воздухом, как океанской волной. Опустив взгляд, она в ужасе уставилась на свое голое тело. Без сомнения, с его стороны это было заранее рассчитанным шагом. Джиллиан совсем растерялась.

Она тут же потянулась за одеялом. Ею овладела тревога. Взгляд ее переметнулся на Гарета. Он все еще стоял возле постели, выжидательно глядя на нее.

— Боже правый, — произнесла она чуть слышно. — Неужели ты... неужели мы...

Сердце в ее груди отчаянно заколотилось. Не в силах продолжать, она думала о минувшей ночи. Если между ними действительно что-то было... вспомнила бы она об этом или нет?

— Нет, — ответил он мягко. — Я хочу, чтобы ты сама участвовала в этом, дорогая.

Джиллиан с трудом сглотнула.

— Но тогда почему я...

— Обнажена?

Она оказалась права. Ему это и впрямь доставляло удовольствие. Он забрал у нее одежду — и это страшно ее смущало, ибо никогда в жизни, за исключением двух последних ночей, она не спала раздетой.

— Да, — дрожащим голосом отозвалась Джиллиан. Зеленые глаза Гарета блеснули, как ей показалось, злорадно.

— Мой замок. Моя постель... Стало быть, последнее слово остается за мной.

Джиллиан насторожилась. Его последние слова пришлись ей не по вкусу.

— Что ты имеешь в виду?

Перина прогнулась под ним, когда он уселся на постель, чуть ли не силой вырвав мех из ее рук.

— Только то, что отныне ты будешь спать в этой постели без одежды, как, впрочем, и я. Иными словами... обнаженной. Возможно, нам даже стоит оставлять нашу одежду за дверью.

Джиллиан так и ахнула. Не может же он говорить такое всерьез!

Смех его был низким, негромким — Гарет был сейчас совершенно не похож на того грозного мужа, который так настаивал на том, чтобы лишить ее девственности в их первую брачную ночь. Едва Джиллиан услышала этот смех, ей показалось, что кто-то схватил ее прямо за сердце.

— Можешь не беспокоиться, жена, — добавил он с восхитительной дерзостью. — Мы будем обнаженными только в постели — если, конечно, ты сама не решишь иначе. — Теперь этот палец поглаживал ее ключицу. — Зимы здесь, в Соммерфилде, могут быть очень холодными, — добавил он самым невинным тоном, — но теперь они станут намного теплее, обещаю тебе.

Джиллиан подозрительно уставилась на него. Ее смущала внезапная перемена в его настроении. Что стояло за его неожиданно хорошим расположением духа?

— Кстати, раз уж мы заговорили об одежде, вам пора вставать, миледи, — продолжал он. — Я уже устал видеть тебя в этом убогом потрепанном платье, да и другое ничем не лучше. Мы отправляемся сегодня на ярмарку в ближайшую деревню, чтобы купить тебе материи на платье.

Не обращая внимания на свою наготу, Гарет шагнул к ставням и широко распахнул их. Джиллиан невольно прикрыла рукой глаза от яркого света. Тупая пульсирующая боль в ее голове упорно не желала проходить. Ей очень не хотелось подниматься с постели, поэтому она только что не лягнула его, когда он снова стащил с нее покрывало. Однако все оказалось напрасно.

И действительно, приняв ванну, Джиллиан почувствовала себя бодрее. Они вместе спустились в зал, где еще находились некоторые опоздавшие к завтраку, и среди них Робби с няней.

Едва мальчик увидел их, глаза его вспыхнули. Он тотчас вскочил с места и бросился к ним на маленьких ножках.

— Папа! — закричал он.

Сильные руки подхватили его и подняли высоко в воздух. Робби запечатлел влажный поцелуй на щеке отца. Гарет рассмеялся со счастливым видом и прижался своим лбом ко лбу сына. Выражение его лица было необычайно мягким.

Странное чувство прокралось в грудь Джиллиан, пока она смотрела на него — на них

обоих. Теперь ей приоткрылась правда. Гарет, как и любой отец, стремился защитить своего дитя и оградить от бед, чего бы ему это ни стоило. Да, подумала она про себя с болью в сердце, он согласился исполнить чудовищный приказ короля лишь по одной-единственной причине.

Ради своего сына.

Гарет был хорошим, любящим отцом. Теперь истина предстала перед ней во всей своей очевидности, и сердце сжалось от боли. Почти против воли она почувствовала себя здесь лишней...

Джиллиан была обязана этому человеку очень многим — и даже самой своей жизнью, хотя, Бог свидетель, она до сих пор не была уверена в том, может ли полностью доверять ему или нет. И что произойдет, когда его семя окажется в ее чреве? А это должно было произойти рано или поздно, и мысль о неизбежности такого исхода вызывала в ней внутреннюю дрожь.

Щеки Джиллиан вспыхнули, и она, извинившись, перешла за стол, пока Гарет ничего не заметил.

Было решено, что они отправятся на ярмарку вместе с Робби и няней. Гарет гордо восседал на гарцующем гнедом жеребце, а его сынишка пристроился в седле перед ним. Джиллиан подали серую кобылку с покорными карими глазами, которая сразу напомнила ей лань в лесу. Няня на деревенской кляче замыкала шествие.

Когда они ехали через открытое поле, Джиллиан бросила беглый взгляд на Гарета.

— Я думала, ты захочешь взять себе того прекрасного гнедого коня, который доставил нас сюда, — заметила она.

— Ах, вот ты о чем! — ответил Гарет невозмутимо. — Нет, тот гнедой больше мне не принадлежит. Я приказал слуге вернуть его в тот самый трактир, где мы его нашли, — и, как и обещал, с щедрой суммой в качестве возмещения.

Джиллиан ничего не ответила, однако осталась довольна. В ближайшей деревне они оставили лошадей в конюшне рядом с площадью. Робби вцепился в руку отца:

— Папа!

— Что, сынок? — Гарет остановился и посмотрел на него сверху вниз.

— У бедной Джиллиан никого нет, — заговорил мальчик с жаром. — Ей так нужен друг! Ты согласен стать ее другом, папа?

Джиллиан заморгала. О нет, подумала она про себя, смущенная до глубины души. Она не осмеливалась взглянуть на Гарета... но и не смотреть на него тоже не могла.

Глаза Гарета блеснули.

— О да. Я буду только рад стать для Джиллиан другом. — Он лишь слегка выделил последнее слово. Малыш не понял намека, однако щеки у Джиллиан тут же вспыхнули густым румянцем. Она снова задалась вопросом, чем была вызвана столь внезапная перемена в его настроении. Если она и казалась со стороны слишком подозрительной, то ничего не могла с собой поделать. Он явно что-то затевал, и Джиллиан не сомневалась, что это «что-то» не сулило ей ничего хорошего.

— Тогда возьми ее за руку, — тут же распорядился Робби.

— Охотно, — пробормотал в ответ Гарет, лукаво улыбаясь. Он перехватил руку Джиллиан, его тонкие загорелые пальцы сплелись с ее собственными. Его рука показалась ей горячей как огонь, однако Джиллиан не могла отдернуть свою руку, чтобы не огорчить маленького мальчика.

Мальш просиял.

Они вместе направились по улице — Робби по правую руку от Гарета, Джиллиан по левую, а няня с охранником следовали за ними.

Ярмарка была шумной и оживленной. Торговцы наперебой кричали им вслед, нахваливая свои товары и соперничая за внимание людей, проходивших мимо их прилавков. Робби как зачарованный устоял на жонглеров. Один из музыкантов позволил ему потрогать струны своей лютни. Мальчик радостно рассмеялся, а Гарет швырнул музыканту монету.

Вскоре они нашли несколько прилавков с тканью, расположенных бок о бок. Джиллиан выбрала несколько локтей плотной шерсти и льняную материю для ночной рубашки. Пока Гарет расплачивался за покупки, она подошла к соседнему прилавку, где ей на глаза попался великолепный голубой шелк. Джиллиан восхищенно провела по нему рукой, наслаждаясь его мягкостью. Из этого шелка вышло бы прекрасное платье, однако цена, запрошенная торговцем, оказалась непомерно высокой, и девушка отрицательно покачала головой.

— Тебе нравится эта ткань? — раздался голос Гарета над самым ее ухом.

— Да, конечно, но...

— Тогда она твоя.

Он повернулся к торговцу, который ухмылялся во весь рот, когда они его покинули, поскольку Гарет приобрел еще несколько локтей дорогой материи в придачу.

Робби вскоре устал, поэтому Гарет отослал его вместе с няней, охранником и покупками домой. Когда они остались одни, Джиллиан невольно подметила, что он уже больше не держал ее за руку. Не то чтобы ее это очень заботило, поспешно заверила себя Джиллиан. По правде говоря, она была только рада избавиться от его хватки.

Гарет остановился, чтобы взглянуть на кожаное седло изящной работы, и теперь всю торговался с купцом. Устав от их препирательств, Джиллиан побрела дальше, окидывая праздным взором выставленные на прилавках товары.

Откуда эта мысль пришла ей в голову, Джиллиан так никогда и не узнала, однако ум ее лихорадочно заработал. Они находились далеко от замка. Здесь не было ни охранников, ни часовых на дозорной башне...

Конюшня находилась совсем близко.

Джиллиан подошла к следующему прилавку, после чего украдкой бросила взгляд на Гарета. Кажется, он ничего не заметил. Затем еще один прилавок... и еще... однако он так и не оглянулся в ее сторону.

Вскоре она оказалась рядом с конюшней. Затаив дыхание, Джиллиан скользнула внутрь и отыскала стойло своей кобылы. Животное, лениво жуя сено, взглянуло на нее бархатными глазами. Девушка потянулась к поводьям, однако они выскользнули у нее из рук.

— Джиллиан!

О проклятие! Это он! Если она останется на месте, ее наверняка обнаружат, поскольку именно сюда он заглянет в первую очередь. С этой первой и единственной мыслью на уме Джиллиан юркнула в соседнее стойло, занятое огромным меринком. Она спряталась в дальнем углу под самым его брюхом, надеясь скрыться от посторонних глаз...

И достаточно большим, чтобы извергнуть изрядное количество помета, запах которого окружил ее со всех сторон, не давая дышать и заставляя слезиться глаза.

Джиллиан затаила дыхание, боясь пошевелиться. Ей едва удалось побороть приступ тошноты. Глаза ее широко раскрылись, когда перед ней предстала пара обутых в сапоги ног.

Они остановились прямо перед ней, и Джиллиан зажмурила глаза.

Сердце Джиллиан отчаянно заколотилось. Она приоткрыла глаза и едва подавила стон, ибо все ее мольбы оказались напрасными. Ноги в сапогах теперь находились прямо перед ней, слегка расставленные в стороны.

— Я не стану повторять одно и то же дважды, Джиллиан. Сейчас же выходи.

Ее вынудил покинуть укрытие скорее зловонный запах, чем не допускавший возражений приказ Гарета. Взгляд ее упал сначала на его ноги, а затем медленно, осторожно поднялся вверх, к его лицу. Он возвышался над ней мрачный, грозный, источавший вокруг себя столько мужской силы и властности, что у нее возникло сильнейшее искушение снова спрятаться в стойле. Он не улыбался и выглядел устрашающе. Без единого слова сильные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья, словно стальные оковы, и она почувствовала, как ее одним рывком Поставили на ноги.

Неожиданно появился конюх с обеими лошадьми, однако Джиллиан не позволили ехать на своей кобыле. Гарет посадил ее впереди себя на гнедого жеребца, да так, что ей пришлось ухватиться за шелковистую гриву животного, чтобы удержаться в седле.

Всю дорогу домой она чувствовала его жесткие руки на своей талии. Они не обменялись больше ни единым словом.

Во дворе замка Гарет помог ей спешиться, поставив на землю так резко, что она пошатнулась. Держа ее за спину, он повел Джиллиан в зал и затем вверх по лестнице. Бросил что-то через плечо слуге, однако Джиллиан не могла расслышать что.

Они молчали и в спальне, недоброе предчувствие комком встало у нее в горле. Джиллиан подошла к камину. Гарет не тронулся с места. Он не стал упрекать ее или осыпать угрозами, а просто смотрел, зловеще поджав губы, и его молчание пугало больше, чем крики ярости. Нет, она ничего не станет ему говорить, решила про себя Джиллиан гордо. Да и что, собственно, она могла ему сказать в свое оправдание?

Тут раздался стук в дверь. Гарет открыл ее, и в комнату вошла целая вереница слуг, несших ведра с горячей дымящейся водой. Один из них приволок деревянную бадью. Вылив воду в бадью, слуги поспешно удалились. Джиллиан вдруг подумала, что вторая половина дня была, пожалуй, довольно странным временем для принятия ванны.

Дверь закрылась. Все еще молча Гарет приблизился к ней и, не поднимая глаз, ухватился пальцами за рукав ее платья. Джиллиан хлопнула его по рукам.

— Я могу сделать это и сама! — воскликнула она. Однако он оставался непреклонным и спустил платье с ее плеч. Джиллиан испуганно отпрянула, когда его железная рука обхватила ее за талию, оторвав от земли. Но он всего-навсего избавил ее от платья, после чего нагнулся, чтобы снять туфли. Когда с этим было покончено, Гарет подобрал все вещи с пола, широкими шагами направился к ставням и вышвырнул их в окно.

Джиллиан скрестила руки на груди, рот ее приоткрылся от изумления.

— Что ты делаешь?

— Твоя одежда приобрела довольно неприятный запах, дорогая, как, впрочем, и ты сама.

— Но теперь у меня осталось только одно платье!

— Жаль, что ты не подумала об этом раньше, прежде чем забраться в кучу навоза. В любом случае скоро у тебя будет предостаточно платьев, — ответил он с издевательской улыбкой, — если только ты умеешь быстро шить.

С этими словами он снова подошел к ней, поднял и без всяких церемоний погрузил в

бадью, да так, что голова Джиллиан оказалась под водой. Она вынырнула, ловя губами воздух и отбросив с глаз прядь мокрых волос.

То, что предстало ее взору, заставило ее сердце уйти в пятки. Одежда Гарета упала к его ногам — один предмет за другим, — и затем она услышала плеск воды: он забрался в бадью. К досаде для Джиллиан, бадья оказалась достаточно большой для обоих, явно рассчитанная на мужчину высокого роста. Откинувшись назад и положив руки на края бадьи, он смело встретил ее ошеломленный взгляд, ответив чем-то вроде плотоядной усмешки.

Нервы Джиллиан были натянуты до предела, так что она едва не завопила. Однако она не собиралась показывать ему, в какое замешательство он ее привел. Это только даст ему повод злорадствовать.

— Убирайся! — закричала она.

Гарет не обратил на ее слова никакого внимания и только внимательнее присмотрелся к ней, вытянув шею.

— Что я должен сделать, — произнес он, словно размышляя вслух, — чтобы ты приняла меня как своего мужа?

Глаза ее вспыхнули гневом.

— Что я должна сделать, чтобы избавиться от тебя навсегда? А теперь оставь меня, Гарет, и дай спокойно вымыться.

— Нет уж, моя прелесть. Помнишь, я как-то говорил тебе, что мужчины и женщины не только моются вместе, — тут его сурово поджатые губы растянулись в улыбке, не сулившей ей ничего хорошего, — но и моют друг друга?

Лицо у Джиллиан вспыхнуло. Разумеется, он не мог говорить этого всерьез. И тем не менее она опасалась, что за его внешней невозмутимостью скрывалась стальная воля. Кроме того, сарказм в его голосе тоже выводил ее из себя. Она попыталась было подняться и вылезти из бадьи, однако рука, обхватившая ее колени, заставила ее снова соскользнуть вниз. Она с громким плеском опустилась обратно в бадью и, к своему ужасу, обнаружила, что упала прямо на него! Ее груди были плотно прижаты к его твердому торсу, соски терлись о густую черную поросль. Ее тело оказалось зажатым у него между ног, так что ее лоно пришлось прямо напротив нижней части его живота, так что она могла ощутить его раздавную плоть у себя между бедрами. Ахнув, она отпрянула, однако не решилась подняться снова.

Глаза его помрачнели.

— Вымой меня, — произнес он низким глухим голосом. Беспомощный взор Джиллиан был прикован к его лицу, сердце в груди бешено колотилось. Улыбка, которая так ее пугала, все так же блуждала на его губах. Джиллиан всем своим существом ощущала в нем непреклонную решимость, и у нее пошла кругом голова. На сей раз он не даст ей никакой отсрочки, подумала она про себя смутно, и все это... все это было лишь прелюдией.

Ей вложили в руку маленький квадратный клочок материи. Она намылила его, после чего неуверенным движением провела им по груди Гарета. Тут сильные пальцы перехватили ее запястье. До крайности смущенная, Джиллиан подняла взгляд на Гарета.

— Медленнее, — произнес он, глядя прямо ей в глаза, и тон его был таким, словно он убеждал ее покончить с этим как можно скорее.

Она вздернула подбородок, однако внутри вся дрожала. Первое робкое прикосновение к его плечу едва не заставило ее отдернуть руку. Каким же он был горячим! Казалось совершенно немыслимым мыть его и не прикасаться... не смотреть на него... Кончики ее

пальцев касались выпуклых мускулов на его плечах и руках, таких крепких и упругих. Затем они скользнули вниз, едва касаясь волос на его груди — они показались слишком жесткими на ощупь. Джиллиан судорожно сглотнула, ибо эта задача отнюдь не показалась ей неприятной. Вода превратила тугие колечки в маленькие мягкие завитки. Более того, это прикосновение обладало почти гипнотической силой. Ей осталось лишь еще раз провести тканью вниз от груди к животу...

На миг Джиллиан замерла в нерешительности. Должна ли она вымыть ту часть тела, которая оставалась скрытой под водой?

— Заканчивай поскорее, дорогая.

С его стороны это было явным, откровенным вызовом. Судя по блеску в его глазах, уступать он не собирался. Его единственным желанием было навязать ей свою волю.

Джиллиан снова сглотнула. Вода плескалась вокруг его бедер. У него был плоский твердый живот, покрытый той же самой черной порослью, что и его грудь. При мысли о том, чтобы вымыть его там, ниже линии воды, Джиллиан залилась краской. Она осмелилась бросить робкий взгляд в ту сторону, и почти тут же у нее перехватило дыхание, а глаза сделались круглыми. Даже несмотря на мутную воду в бадье, она могла отчетливо рассмотреть его мужской орган, словно выкованный из стали... как и сам он был выкован из стали. Он дерзко выступал между его бедер, подобно дроту из тугой, раздавшейся плоти.

Спазмы сжали ей горло, кусок ткани выпал из ее ослабевших пальцев. Однако Гарет успел его перехватить.

— Повернись, — произнес он резко.

Джиллиан повиновалась, однако тут же пожалела об этом, поскольку он прижал ее спиной к себе. Она так и застыла на месте. Теперь она ощущала все его тело — каждый дюйм. Длинные волосатые ноги сомкнулись тисками вокруг ее собственных. Ее ягодицы... она даже помыслить не смела о том, где они сейчас находились! Однако когда он заплел ее волосы в длинную косу и перекинул на грудь, его прикосновение было почти бесстрастным. Снова намочив ткань в воде, он принялся медленными, размеренными движениями намыливать ее спину, а затем изящные плечи.

Затем он оказался перед ней, и Джиллиан, к своему ужасу, обнаружила, что он выпустил из рук ткань. Она собиралась что-то возразить, однако потеряла дар речи. Его скользкие ладони с поразительной беззастенчивостью двигались по ее животу и затем вверх, к груди. Время словно остановилось для нее, когда его пальцы задержались на кончиках ее изнывавших от любовной тоски грудей, которые, казалось, набухали прямо на глазах. У Джиллиан перехватило дыхание. Она с ужасом обнаружила, что хочет, чтобы он коснулся ее здесь... хочет оказаться в кольце его рук.

Его пальцы касались ее набухших сосков. Пока эти длинные загорелые пальцы вели свою соблазнительную игру, Джиллиан не могла отвести от них взора. Прилив блаженства охватил ее, накапливаясь в этих двух тугих розовых бутонах, которые теперь словно сами тянулись к его ладоням. Мускулы ее живота напряглись. Губы Гарета теперь находились у нее на затылке. Она вздрогнула, когда он провел языком по самому верху ее спины, и почти тут же ощутила пульсацию его мужского органа, прижатого к ее ягодицам.

Нет, подумала она про себя, словно в тумане. Это было бы чудовищной ошибкой! Уж конечно, он не овладеет ею прямо здесь, в ванне, при свете дня!

В действительности в самом Гарете в этот миг шла жесточайшая внутренняя борьба. Плечи Джиллиан были такими влажными и блестящими, и желание заключить ее в объятия,

обхватить руками ее бедра и погрузиться в ее тело казалось почти непреодолимым. Лишь огромным усилием воли ему удалось совладать с собой. Он понимал, что подобный поступок мог потрясти его прелестную невинную жену до глубины ее души. Кроме того, это было не самым лучшим способом овладеть девственницей. Но когда-нибудь, пообещал себе Гарет... когда-нибудь он покажет ей, что для мужчины и женщины существует много разных способов — и разных мест — для занятия любовью.

Однако он должен овладеть ею — здесь и сейчас. Если он этого не сделает, то непременно умрет от снедавшей его пылкой страсти.

В одно мгновение он уже был на ногах — и она вместе с ним. Одного льняного полотенца оказалось достаточно, чтобы смахнуть влагу с них обоих. Подхватив руками ее мягкие упругие ягодицы, он поднял ее как можно выше, на один головокружительный миг заключив ее в тиски своих бедер и припав к ее губам обжигающим поцелуем. Его наслаждение оказалось настолько сильным, что ему пришлось стиснуть зубы, чтобы окончательно не потерять самообладание.

Джиллиан могла ощутить непреодолимый голод в его поцелуе, так же как и нарастающую страстную тоску в собственном вероломном теле. Когда он подхватил ее на руки и уложил на постель, она невольно вцепилась в его плечи.

Гарет лег на постели рядом с нею. Его глаза не казались более холодными, они пылали огнем. Взяв ее за подбородок, он повернул ее лицом к себе, снова и снова осыпая поцелуями, пока кровь в ее жилах не превратилась в раскаленную лаву. Его рука между тем двигалась по холмикам ее груди, оставляя за собой на коже огненный отпечаток. За рукой последовали его губы, опустившиеся к соску. Эта загорелая рука являла собой яркий контраст с ее бледной кожей. Джиллиан не могла заставить себя отвернуться, когда он обхватил один из мягких пышных холмиков рукой и беззастенчиво завладел его коралловой вершиной. Кончиком языка он заставил набухший сосок затвердеть, после чего взял его в рот и начал сосать. Джиллиан сделала резкий вдох, ибо ей еще никогда в жизни не приходилось испытывать столь сильных ощущений. Ее руки обхватили его затылок, удерживая его голову, пока он ласкал языком, теребя и облизывая, сначала один сосок, потом другой. Все это время его пальцы продолжали вести ту же возбуждающую игру, рисуя круги на ее коже.

Она едва не вскрикнула, когда он оставил в покое ее груди, чтобы запечатлеть поцелуем на впадинке посередине ее живота, подбирая при этом языком капельки воды. Джиллиан прерывисто задыхалась. Ее собственные ощущения казались ей чуждыми, словно она перестала узнавать саму себя. Она чувствовала пульсацию в нижней части живота... странное беспокойство в запретном месте между бедер, требовавшее немедленного утоления. Она словно искала чего-то... хотя сама не знала, чего именно.

Однако Гарет это знал. Его пальцы легко скользили по ее животу. Она так и ахнула от смущения, когда эти пальцы с безошибочной точностью отыскивали путь сквозь поросль густых черных волос. Его ладонь дерзко и властно накрыла ее лоно.

— Гарет... — только и могла растерянно пробормотать Джиллиан. Она попыталась сдвинуть ноги, однако ничто не могло заставить его отступить. Лежа сверху, он как-то странно рассмеялся. Его дыхание касалось ее уха.

— Оставайся со мной, моя прелесть... и, обещаю тебе, я не уведу тебя в сторону.

Потрясающе интимным жестом его пальцы проникли в ее лоно, слегка касаясь складок розовой податливой кожи, которая словно расцветала от его прикосновения. Один из пальцев погрузился еще глубже, отыскав тот скрытый комочек плоти, о существовании

которого она сама не подозревала. Он вертел им из стороны в сторону и описывал круги, поддразнивал и проникал в нее все глубже и глубже — о, эта бессмысленная, порочная пытка, которую она была почти рада терпеть бесконечно!

Внезапно Джиллиан почувствовала острую боль внизу живота и слабо вскрикнула.

Гарет приподнял голову. Над его верхней губой выступили мелкие блестящие капельки пота. Слишком поздно ему пришлось в голову, что... Он поспешно схватил полотенце и подсунил ей под бедра:

— Крови быть не должно. Иначе все поймут, что никакого ребенка пока нет и в помине.

Он услышал, как у нее перехватило дыхание, и затем приподнялся на локтях, направляя свою крайнюю плоть во влажную, черную как смоль поросль. На один короткий миг остановился, отметив для себя хрупкий барьер, охранявший ее девственность, однако уже в следующее мгновение начал прорываться сквозь него. Наконец он оказался полностью внутри ее — его меч был вложен в жаркие бархатистые ножны.

Лишь тогда она ощутила в полной мере его силу, величину, пыл его страсти. После мимолетного сопротивления ее тело уступило его напору. Острый приступ боли пронзил ее, но теперь его мужской орган уже полностью проник в ее тело — словно стал частью ее существа, подумала про себя Джиллиан с горечью.

Она уперлась в его плечи, отчаянно пытаясь вывернуться. Из ее горла вырвался сдавленный крик:

— Гарет! Нет!

Гарет даже не пошевелился. Боже правый, он не мог этого сделать! Сердце его бешено колотилось, и ему едва удавалось сдерживать себя. Ее сопротивление только еще больше усложнило задачу, поскольку он чувствовал, как страсть закипала в его венах, разнося вместе с кровью жар по всему телу.

— Тише, дорогая, — донесся до нее его хриплый шепот. — Боль будет длиться лишь мгновение, клянусь.

Он сплел ее пальцы со своими и покрывал поцелуями до тех пор, пока жесткая линия ее рта не смягчилась и слабый водоворот дыхания не смешался с его собственным. Джиллиан задрожала всем телом, внезапно испугавшись собственных чувств, ибо он заставил ее усомниться в себе. До сих пор она была твердо уверена в том, что не хочет этого — и никогда не захочет...

— Гарет, нет. Нет...

— Да, — прошептал он у самых ее губ. — Боже мой, да! Гарет больше не в состоянии был сдерживать себя. Он так долго ждал этого мгновения. Он желал ее так давно и так сильно, что просто не мог отказать себе в этом блаженстве. Слегка отстранившись, он полностью покинул ее тело, после чего снова погрузился в жаркое бархатистое лоно.

Губы Джиллиан слегка приоткрылись, однако она так и не смогла издать ни звука. Его мужская сила внушала ей благоговейный трепет, его тело обдавало ее жаром. Она не представляла себе, как вместить в себя его восставшую, готовую к наступлению плоть, не будучи разорванной на части, однако уже в следующее мгновение ее тело подалось, сомкнувшись вокруг его железного копья так, словно было создано специально для него. Действительно ли она ощутила пульсацию его сердца там, где его мужской орган лежал глубоко внутри ее... или ей это только почудилось? Джиллиан полностью находилась в его власти, не в силах перевести дух.

— Посмотри на меня.

Его мрачный шепот не допускал никаких возражений. Черты Гарета были искажены гримасой напряжения, глаза ярко блестели, на шее выступили вены. Лишь тогда Джиллиан поняла, насколько сильным было его желание и чего ему стоило держать себя в узде.

Гарет опустил голову.

— Не сопротивляйся мне, Джиллиан. Обещаю, я не сделаю тебе ничего плохого. Только не сопротивляйся, потому что я не могу остановиться. Помоги мне Бог, не могу!

Голос его вдруг стал резким и прерывистым. Едва она его услышала, как что-то не выдержало внутри ее. Находясь в путах его пылкого, страстного взгляда, она приоткрыла губы, и ее рот тут же заполнил его язык.

Первая пронизывающая боль быстро отступила. Она затаила дыхание, почувствовав, как орудие его мужской силы медленно скользнуло внутрь, затем снова и снова. Его руки обхватили ее ягодицы, приподнимая ее и прижимая к нему теснее в том месте, где их тела соединялись. Ритм движений его бедер участился, и внутри ее вспыхнуло пламя, снедая ее и захватывая целиком. Эти бурные выпады, гибкая грация его тела... Джиллиан чувствовала себя в каком-то адском огне. Забыв обо всем на свете, она запустила пальцы в темные волосы на его затылке и выгнула спину, словно чего-то ища...

По его телу пробежала дрожь. Ощущение от ее пальцев у него на затылке, ее чуть приоткрытые нежные губы, то, как у нее захватывало дух каждый раз, когда он медленными размеренными движениями проникал в ее лоно... все это оказалось выше его сил. Внутри его бушевал настоящий ураган. С бездумной, неистовой силой он проникал в нес с каждым разом все глубже и глубже. Ее стон стал последней каплей, переполнившей чашу. Он тут же ринулся вперед, извергая семя и разражаясь огнем снова и снова у входа в ее чрево.

Когда все было кончено, Джиллиан спрятала лицо у него на плече. Из груди Гарета вырвался низкий раскатистый смех. Независимо от того, захочет ли она в том признаться или нет — а он сильно подозревал, что нет, — ее тело выдало ее с головой. Он понимал, что ему удалось ей угодить...

Джиллиан очень сердилась на Гарета за то, что тот заставил ее спуститься вниз к вечерней трапезе. Она не сомневалась в том, что его отсутствие не осталось незамеченным — наверняка все кругом понимали, что они провели вторую половину дня в его спальне. Что еще хуже, ему достаточно было просто прикоснуться к ней, чтобы она растаяла от счастья в его объятиях. Ей невольно вспомнились слова, которые он сказал ей в ночь их свадьбы: «Отступление не обязательно означает поражение».

Однако Джиллиан вовсе не была в этом уверена. Она уступила ему слишком легко и теперь проклинала себя за слабость. Меньше всего ей хотелось сознавать себя пешкой в чужих руках. Возможно, с ее стороны это и было ошибкой, однако она пыталась спасти последние остатки своей гордости, убеждая себя в том, что у нее просто не было возможности бороться с таким человеком и одержать победу. Он просто не дал ей выбора. Однако тем самым спас ей жизнь.

За ужином Робби забрался на колени к отцу. С блестящими от волнения глазами мальчик взглянул в сторону Джиллиан и, весь просияв, потянул Гарета за тунику:

— А у меня есть секрет!

Гарет поставил кубок с вином на стол, взгляд его сразу смягчился.

— Вот как? Не хочешь ли ты поделиться своим секретом со мной?

Джиллиан внутренне сжалась от страха. О нет! Неужели мальчик осмелится отзываться неуважительно о короле? Несмотря на заверения Маркуса, что все рыцари Гарета были

глубоко преданы хозяину, от этой мысли ей стало не по себе.

Робби скрестил руки на своей маленькой груди и метнул на отца сердитый взгляд.

— Нет. Если я скажу тебе, то мой секрет перестанет быть секретом. И тебе не следует спрашивать меня об этом, папа.

Брови Гарета высоко приподнялись, однако он кивнул головой в знак согласия.

— Ты прав, сынок. Мне не следовало задавать тебе подобных вопросов, но твой ответ пришелся мне по душе. Человек чести никогда не выдает секретов, которые он поклялся хранить, — а я очень хочу, чтобы ты стал человеком чести. Человеком с верным сердцем, который никогда не лжет, не хитрит и не причиняет вреда тем, кто слабее его.

Да, но являлся ли сам Гарет человеком чести? Но насколько его слова соответствовали его поступкам? Ведь он готов был причинить вред ей — не говоря уже о Клифтоне, который был всего лишь мальчиком, хотя и старше его собственного сына. Ей не хотелось даже думать о том, что Клифтон мог погибнуть от его руки. Гарет уверял, будто ничего не помнит о столь гнусном деянии. Действительно ли он так изменился? Или же остался прежним? Пожалуй, ей лучше всего было спросить себя: что за человек он был теперь?

Спустя некоторое время Гарет поднялся из-за стола, увлекая за собой Джиллиан к выходу из зала.

— Сегодня ночью я должен сменить караульного на восточной башне.

Джиллиан нахмурилась.

— Зачем? Неужели тебе не хватает людей?

— Нет, — ответил он. — Но теперь, когда я вернулся, я намерен нести службу наравне с моими рыцарями. — Гарет помедлил. — Не могла бы ты, перед тем как удалиться к себе, принести мне что-нибудь перекусить?

Пожалуй, ей стоило бы отказаться, размышляла про себя Джиллиан позже, поднимаясь по продуваемой сквозняками лестнице на восточную башню. Яростный ветер трепал полы ее плаща и бил ей в лицо, когда она ступила на узкую огороженную площадку. Тем не менее она не могла не восхищаться готовностью Гарета нести службу бок о бок со своими людьми. В ее голове до сих пор звучали его недавние слова, обращенные к Робби, и Джиллиан вынуждена была признать, что они сами по себе говорили многое о характере этого мужчины. И опять она задалась вопросом, являлся ли Гарет из Соммсрфилда человеком с верным сердцем?

В плаще из плотной шерсти, обернутом вокруг широких плеч, Гарет стоял возле бойницы, всматриваясь в ночь. На небе не было видно ни луны, ни звезд — оно казалось безбрежным морем из ночного мрака. Зарядил мелкий, частый дождик, и вокруг стен башни вился туман.

Услышав на лестнице звуки ее шагов, он обернулся.

— А! — произнес он весело. — Я уже боялся, что ты совсем обо мне забыла.

— А я боюсь, что оказалась не настолько удачливой, — отозвалась Джиллиан, подражая его тону.

Когда она передала ему еду и эль, их пальцы соприкоснулись, и Джиллиан почувствовала, как жар его тела пронизал ее, подобно удару молнии. Она поспешно отвернулась, собираясь уходить.

— Как? Неужели ты не хочешь остаться со мной, жена?

— А как же дождь? — отозвалась она жалобно.

Белые зубы Гарета блеснули в темноте. Он распахнул полы своего плаща:

— Я буду только рад тебя согреть.

— Нет, боюсь, мне придется отказаться. — На губах Джиллиан промелькнула улыбка — улыбка, от которой она не могла удержаться.

— Ах вот как! Так, значит, позже... в нашей постели. Улыбка сразу исчезла с губ Джиллиан. Будь он трижды неладен — и это как раз в тот момент, когда она уже готова была сменить свой гнев на милость!

Гордо расправив плечи, она решительной походкой направилась к лестнице.

— Неужели ты уже меня покидаешь?

Джиллиан поджала губы. Боже, до чего же он самонадеян! Она не собиралась достаивать его ответом.

— Здесь холодно и сыро, — крикнул он ей вслед. — Ты не боишься, что я могу растаять?

Джиллиан резко обернулась и смерила его сердитым взглядом:

— О, если бы мне и впрямь так повезло!

Звуки его заливистого смеха преследовали ее весь путь вниз по лестнице.

Дожди, которые докучали им всю вторую половину января, скоро уступили место холодным зимним ветрам, дувшим с севера. Многие обитатели Соммерфилда благодарили Бога за то, что были избавлены от долгой суровой зимы, однако в течение почти целого месяца окрестности замка были припорошены снегом. Люди старались собираться поближе к очагу или сбивались в кучки, ища тепло везде, где только возможно.

К счастью, за последнее время морозы ослабли и небо очистилось. В тот чудесный зимний день лучи солнца разогнали утренний слой легких облаков, заливая мир внизу своим золотистым сиянием. После всего долгого вынужденного затворничества большинство обитателей замка высыпали наружу, чтобы вволю насладиться солнечным светом.

Целая толпа рыцарей и оруженосцев — среди них сэра Маркуса и сэра Бентли — сидели возле арсенала, затачивая лезвия своих палашей и вертя их в руках то так, то этак: лучи солнца играли на их стальной поверхности. Однако все дружно вскочили на ноги, едва завидев проходившую мимо Джиллиан.

— Как, неужели вы собираетесь сражаться со мной, благородные господа? — Ее рука взметнулась к груди, глаза широко раскрылись от притворного ужаса. — В таком случае мне остается только молить вас о пощаде, ибо я всего лишь беззащитная женщина.

Рыцари и оруженосцы разом затаили дыхание при виде чарующей улыбки, с которой хозяйка замка обратилась к ним. С непокрытой головой и каскадом пышных, черных как смоль волос, ниспадавших ей на плечи поверх плаща, она представляла собой самое прелестное зрелище.

— Не хотите ли остаться с нами и посмотреть, как мы упражняемся с оружием, миледи? — крикнул ей кто-то из толпы.

Джиллиан заколебалась, испытывая сильное искушение ответить вежливым отказом. Но затем случайно заметила краем глаза Гарета. Он находился в дальнем углу двора и беседовал с каменщиком, однако то и дело бросал взгляды в ее сторону. Даже на расстоянии она могла заметить на его лбу хмурую складку. Его явное недовольство только подхлестнуло в пей желание продлить его насколько возможно. Неужели он намеревался следить за каждым ее шагом, словно она была одним из соколов в клетках, которых все время обучения держали на привязи, а потом возвращали хозяину только для того, чтобы они никогда больше не узнали свободы? Она присела в низком реверансе:

— Рада сделать вам одолжение, господа.

Сэр Бентли перевел взгляд на сэра Маркуса, слегка приподняв бровь:

— Мы будем первыми.

Сэр Маркус с шаловливой улыбкой на губах описал мечом круг в воздухе.

— Принимаю вызов. — Он обернулся к Джиллиан: — Вы сами назовете победителя, миледи.

Кто-то побежал за креслом для Джиллиан. Они вместе выбрали место для схватки. Короткий поклон в ее сторону — и оба рыцаря подняли вверх свои мечи и щиты: поединок начался. Каждый горел желанием доказать свою силу и ловкость. Они то обходили друг друга по кругу, то наносили и парировали удары, двигаясь взад-вперед, из стороны в сторону, прикидывая в уме слабые стороны противника. Но так как оба оказались примерно равными по росту, ширине плеч и весу, схватка возобновлялась снова и снова. Пригнувшись

низко к земле, Маркус одним молниеносным движением развернулся к Бентли. Сталь в его руке вспыхнула серебром, когда он нанес очередной удар. Бентли высоко подпрыгнул, чтобы избежать смертоносного лезвия. Тут Джиллиан почувствовала, что не в силах больше этого выдержать.

— Довольно, прошу вас! — воскликнула она, прижав ладони к порозовевшим щекам. — Мужчины могут находить это забавным, но, клянусь, каждый раз, когда вы скрещиваете мечи, у меня сердце замирает в груди!

— Они просто режутся, как мальчишки, — крикнул кто-то из задних рядов. — Если вы хотите увидеть настоящее фехтование, миледи, вам надо взглянуть на его светлость!

Маркус и Бентли прекратили поединок, ткнув лезвия мечей в замерзшую землю. Они в упор рассматривали друг друга, делая вид, будто обижены этим вмешательством.

— А кто, по-вашему, научил нас всему тому, что мы умеем? — бросил через плечо Маркус с улыбкой на губах. — Недаром мы считались самыми способными его учениками!

— Да, — вторил ему Бентли. — Мы оба брали уроки у лучшего из лучших!

Краем глаза Джиллиан уловила среди собравшихся какое-то движение. Кто-то еще присоединился к кругу рыцарей. Бросив взгляд в дальний угол двора, она убедилась, что Гарета там уже не было, — и ей не нужно было объяснять, куда он исчез. Поднявшись с кресла, она направилась через двор туда, где стояли Маркус и Бентли, на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы она могла встать между ними. Одарив каждого из них по очереди сердечной улыбкой, Джиллиан наклонила голову и вложила свои тонкие изящные пальцы в их руки в латных рукавицах.

— Я должна похвалить вас за ваше мастерство и объявляю вас обоих победителями. И конечно, с вашей стороны очень любезно ставить искусство господина выше своего собственного. Однако вы наверняка преувеличиваете способности моего мужа в обращении с мечом.

— О нет, что вы, миледи! — запротестовал кто-то. — Неужели вы не знаете, каким образом милорд сумел заполучить большую часть своего состояния?

— Полагаю, оно досталось ему от отца и деда.

— Да, и это тоже, — ответил с усмешкой сэр Годфри и пригладил бороду. — Но, кроме того, хозяин участвовал во многих турнирах, переезжая с одного на другой. Ах, какие призы ему доставались, какие баснословные выкупы! Никто не мог с ним сравниться, разве что сам Уильям Маршалл в его молодые годы!

— Да он мог напасть на дюжину вооруженных людей сразу и уложить их в один прием! — подхватил кто-то другой.

Тонкие черные брови Джиллиан поползли вверх.

— В самом деле? Это отчасти объясняет его высокомерие.

Появился Гарет и не спеша направился к ней.

— Нет, не высокомерие, леди! — крикнул он. — Я предпочитаю называть это уверенностью в себе.

Их взгляды скрестились в безмолвном поединке. Нежные губы Джиллиан сжались в жесткую линию. Она ничего не могла ему возразить, поскольку, без сомнения, и этого качества ему тоже было не занимать!

Остановившись прямо перед ней, Гарет поднял руку и произнес, обращаясь к своим людям:

— Говоря по справедливости, я боюсь, что многие из этих деяний все еще ускользают

из моей памяти. Так что прошу вас, друзья, никаких больше рассказов о моих славных подвигах, не то моя жена решит, что она вышла замуж не за человека, а за божество. — Он предложил ей руку. — Пойдем, любовь моя?

Гарет даже не подумал замедлить шаг, когда увлек ее за собой со двора в главный зал. Джиллиан вынуждена была бежать за ним трусцой, чтобы не отставать, ибо там, где ему хватало одного шага, ей приходилось делать два. Они не остановились в зале, но продолжили путь вверх по лестнице в спальню. Он чуть ли не втолкнул ее в комнату, после чего прикрыл дверь. Джиллиан между тем сняла с себя плащ и положила его на кресло, чувствуя на себе его пронизывающий взгляд, подобный острию кинжала. Она намеренно сделала вид, будто смахивает что-то с корсажа платья, и затем, шурша юбками, развернулась в его сторону, словно только сейчас заметила за своей спиной его присутствие. Гарет стоял, скрестив руки на груди. Она с самым невинным видом подняла голову.

— Что-нибудь не так, милорд? Ответа не последовало.

— Ну, милорд? Неужели вам нечего мне сказать?

Он по-прежнему хранил молчание, не спуская с нее, однако, сурового взгляда.

— Можете говорить, если вам так угодно, сэра. — За внешней беспечностью ее тона скрывалась едва уловимая насмешка. — Я жадно прислушиваюсь к каждому вашему слову.

Его неодобрение казалось совершенно очевидным.

— Думаю, вы и сами знаете, в чем дело, миледи. Вы отвлекаете двух моих самых лучших рыцарей, одаривая их чарующими улыбками, взмахивая ресницами и осыпая похвалами. — Он презрительно фыркнул. — Оба они распустили хвосты, словно два павлина!

По правде говоря, Джиллиан и сама не знала, что на нее нашло.

— Я просто проходила мимо, направляясь в главный зал, — заметила она. — Я остановилась переговорить с рыцарями и затем задержалась, чтобы полюбоваться их рыцарским искусством. Хотя надо признать, что и помимо этого там было чем любоваться. — Последовала короткая пауза. — Сэр Маркус очень красив, не правда ли? А у сэра Бентли такая обезоруживающая улыбка. Пожалуй, я сама не знаю, кто из них двоих нравится мне больше.

Глаза Гарета вспыхнули.

— Другим мужчинам лучше не привлекать к себе твоего внимания, моя прелесть.

«Это уже становится весьма забавным», — подумала про себя Джиллиан.

— Ты уже дал мне понять, что в моих интересах как можно скорее обзавестись ребенком, но ты ни слова не сказал о том, что этот ребенок непременно должен быть твоим.

Гарет выругался себе под нос. Вот маленькая плутовка! То, что она одаривала Маркуса и Бентли притягательным теплом своей улыбки, пробуждало в нем чувство, которое нельзя было назвать иначе, чем ревностью. С ними она могла смеяться, кокетничать, но с ним — никогда, и для него это сознание было хуже жала в плоти. Она упорно избегала его. Его просто выводило из себя то, что до сих пор она ни разу не притронулась к нему по собственной воле. Он хотел ощутить ее ласку на своей коже, ее горячие губы, касавшиеся его обнаженной груди, чтобы затем скользнуть вниз по его животу, пробуя мягким влажным язычком на ощупь его бархатистую плоть...

Гарет снова выругался про себя, ибо его мысли не только приняли совершенно непредвиденный оборот, но и оказали сильнейшее воздействие именно на ту часть его тела, о которой он только что вспоминал. Он неловко переминался с ноги на ногу, чувствуя, как

ткань его одежды туго натянулась от возбуждения. Да, подумал он про себя мрачно, ему действительно хотелось, чтобы она сама обратила к нему свои губы для поцелуя, не заставляя его разжигать огонь, который, как он уже знал, скрывался за ее внешней холодностью. Ему хотелось, чтобы она хотя бы один раз пришла к нему сама...

Нет, не один раз. Всегда.

Его понемногу охватывала ярость. Днем она избегала его, ночью держалась отчужденно. Она по-прежнему отвергала его, хотя и не напрямую. Не раз она делала вид, что спит, а когда он прижимал ее к себе, то чувствовал ее напряжение. Однако ему стоило только пощекотать кончики ее груди, чтобы они сразу стали острыми и упругими, ибо это место было у нее наиболее чувствительным... или погладить заветную ложбинку между бедрами, чтобы его пальцы покрылись влагой — очевидным доказательством ее возбуждения. И даже когда он проникал в нее так глубоко, что каждый его вздох становился ее собственным, она всячески старалась скрыть удовольствие, подавляя стоны до тех пор, пока губы ее не начинали кровоточить... лишь для того, чтобы провести весь остаток ночи, свернувшись, словно котенок, в его объятиях. Если бы не то затруднительное положение, в котором они оба оказались по милости короля Иоанна, ему было бы совершенно безразлично, как скоро она понесет во чреве, так как теперь это служило ему удобным предлогом для того, чтобы делить с ней ложе, и как можно чаще. Однако его мужская гордость была задета.

— Некоторые мужчины имеют обыкновение делить жен с первым встречным, — отрезал он. — Но у меня такой привычки нет.

Джиллиан наслаждалась своей победой, какой бы незначительной она ни казалась.

— Не может быть! Неужели вы ревнуете меня, милорд?

— Ни в коей мере, — солгал он, и так убедительно, что все ее приподнятое настроение куда-то исчезло. — Но хотя я и не ревнив, у меня властный характер. И если бы я действительно верил, что ты мне изменила...

— А почему ты так уверен в том, что я тебе не изменила? И сэр Маркус, и сэр Бентли очень красивы и на редкость галантны.

На сей раз настала его очередь улыбнуться.

— Да, это правда. И тем не менее я не думаю, что ты способна предать собственного мужа.

Он произнес это таким убежденным тоном! Вместе с тем внезапный блеск в его глазах дал ей некоторую передышку.

— Почему? — осведомилась Джиллиан холодно.

— Потому, что я знаю тебя, жена.

— Ба! — воскликнула она. — Ты ничего не...

— Нет, знаю. — Его недавняя досада уступила место ленивому безразличию. — Ты та самая женщина, которая спасла мне жизнь, когда я лежал беспомощным в постели. Ты кормила меня из собственного рта...

Джиллиан пришла в ужас. Откуда он мог об этом знать, лежа в лихорадочном бреду?

— Ты... ты негодай! — вспыхнула она. — Откуда тебе это известно?

Гарет запрокинул голову и рассмеялся, как и подобало отъявленному плуту вроде него!

— Ты сама сказала мне, Джиллиан. Более того, ты показала, как именно ты это делала, в ту ночь, когда... — Его глаза держали ее в западне, дьявольская усмешка играла на губах. — В ту ночь, когда ты напилась допьяна, любовь моя.

Щеки Джиллиан горели огнем. Она мысленно поклялась себе, что отныне никогда больше не станет пить так много!

Гарет приблизился к ней с видом хищника, готового напасть на свою жертву. Джиллиан сделала шаг назад лишь для того, чтобы упереться в стену рядом с кроватью. Она мысленно проклинала себя за глупость, ибо в конечном счете ее отступление только сыграло ему на руку!

С намеренной неспешностью он уперся ладонями в стену рядом с ее головой. Сердце Джиллиан бешено забилося. Она поняла, что попала в ловушку. Его грудь прижимала ее всей тяжестью к стене, ее ноги оказались зажатыми между его собственными.

— Мне вдруг пришло в голову, что в последнее время я пренебрегал тобой и потому тебе было так приятно общество моих рыцарей — в особенности Маркуса и Бентли.

Она тяжело дышала.

— Гарет...

Его губы находились так близко, что она ощущала его дыхание.

— Маркус и Бентли могут сколько угодно мечтать затащить тебя в свою постель, но ты принадлежишь мне, и только мне одному.

И он впился губами в ее рот. Несмотря на то что в глубине души она приходила в ужас от подобного предположения, от этого поцелуя у нее подкашивались колени... Затем он оторвался от нее, чуть дыша.

— Раздень меня.

— Нет! — У нее просто не хватит на это смелости... или?

Его взгляд блуждал по ее лицу, зорко подмечая каждую черту.

— Однажды ты уже сняла с меня всю одежду. Почему же ты не хочешь сделать то же самое сейчас?

Она тщетно пыталась его оттолкнуть.

— Это совсем другое дело. Тогда ты был совершенно беспомощен.

В его изумрудных глазах блеснул огонек.

— Ты можешь связать меня, — предложил Гарет лукавым тоном. — Тогда я снова стану беспомощным, как дитя.

Джиллиан невольно сглотнула. Его запах окружал ее со всех сторон — запах кожи, шерсти и слабый мужской аромат мускуса, присущий лишь ему одному. Почти болезненный жар, возникнув в самой глубине ее существа, распространился по всему ее телу до самых кончиков пальцев. Ему достаточно было лишь взглянуть на нее, чтобы снова заставить ее с особой остротой ощутить его присутствие. Но снять с него одежду... провести ладонями по очертаниям его гладких, словно вытесанных из камня мускулов, закаленных после долгих часов упражнений с оружием и на ристалище... О да, искушение было велико, даже слишком велико! Однако она опасалась, что у нее не хватит смелости для подобного шага.

В его глазах появилось странное выражение, от которого ее охватил трепет. Всякий раз, когда он заявлял свои права на нее, она могла бы поклясться, что им двигал не долг, а совсем иное чувство... нечто сродни голоду. Было ли это похотью? Ее сердце яростно противилось подобной мысли. Однако временами Джиллиан казалось, что он просто не мог ею пресытиться.

У нее не было никакой возможности отговорить его от задуманного. Она уже успела в этом убедиться. Никогда прежде Джиллиан не мечтала испытать подобное блаженство в руках мужчины... в его руках. Для нее это и впрямь стало чем-то вроде соблазна — полного

угрозы и неотразимой притягательной силы.

Она ждала кулаки, словно не знала, на что решиться... словно душа ее разрывалась на части, как оно, впрочем, и было в действительности. Ей так хотелось избавиться от волнения, которое закипало в ее груди всякий раз, стоило ей увидеть Гарета. Джиллиан пришлось напомнить себе о том, что он женился на ней лишь затем, чтобы спасти ее от когтей разгневанного короля... возможно даже из чувства вины или признательности за то, что она спасла его жизнь. В любом случае он сделал это не потому, что питал к ней нежную привязанность. И Бог свидетель, она сама опасалась своего влечения к нему... опасалась того, что эта неизъяснимая тоска уступит место другому чувству, куда более глубокому и сильному. Она не могла так рисковать, зная, что он никогда не ответит ей тем же! Любить, так и не познав ответной любви, как она сможет вытерпеть подобную муку?! Для нее это наверняка станет полным крушением всех тех надежд и грез, которые она так долго и бережно лелеяла. О да, ей следовало как можно тщательнее оберегать свое сердце!

Опустив глаза, Джиллиан отвернулась. Это движение открыло его взору линию ее шеи, такой длинной и изящной. Не тратя зря времени, он упивался ее красотой, прикинув губами к чувствительному месту у нее под подбородком, и его поцелуи были для нее сладкой мукой.

— Гарет, — произнесла она слабым голосом. — Гарет, прошу тебя!

Он приподнял голову. Его сильные теплые руки обвили ее талию.

— Да, — произнес он, и глаза его потемнели. — Да, именно этого я и хочу, леди. Угодить вам.

Дальше Джиллиан помнила лишь, как ее перенесли на кровать, избавив от одежды. Гарет сбросил сапоги, стянул через голову тунику и швырнул ее сверху. Ей казалось чистым бесстыдством смотреть на него вот так, при свете дня, однако она не могла оторвать от него взгляда. У нее вдруг пересохло в горле. Его тело было словно изваяно из камня рукой искусного мастера — настоящее тело воина, с крепкими, отливающими матовым блеском руками и плечами. Едва он снял узкие штаны, как ее взору предстал во всей красе символ его мужского достоинства, свободный и ничем не стесненный, разрастающийся в размерах прямо перед ее округлившимися от изумления глазами. От одного его вида сердце ее забилось чаще.

Она оказалась в его объятиях, их губы слились в пылком, страстном поцелуе, который отнял у нее всякое желание сопротивляться. Одно его крепкое бедро находилось между ее собственными, пока он выражал горячими поцелуями свой восторг.

Он свел ее груди вместе. Ее соски тут же затвердели, розовые и круглые, словно два соблазнительных плода, только и ждущих, чтобы их кто-нибудь сорвал. Контраст между темно-розовой серединой и бледной кожей вокруг казался особенно восхитительным. Он легко коснулся губами кончика каждой из них, наслаждаясь тем, как она ахнула, не в силах скрыть своего восторга. Затем Джиллиан услышала его низкий прерывистый шепот.

— У тебя такие восхитительные груди, моя прелесть. Цвета утренней зари. — С этими словами он медленно провел языком по одному ее соску, оставив его разбухшим и блестящим от влаги. — Мне еще никогда не приходилось видеть ничего прекраснее.

Ее пальцы покоились у него на затылке.

— Возможно, ты просто об этом не помнишь, — задыхаясь, произнесла она.

— Нет. Я помню только тебя.

Его слова вызвали в ней трепет, который она даже не пыталась скрыть. О да, она понимала, что в его жизни, без сомнения, были и другие женщины. Он был почти на десять

лет старше ее, не говоря уже о его потрясающей внешности и недюжинной силе. Всего этого было вполне достаточно, чтобы вскружить немало женских голов. Предательская боль на миг сжала ей сердце. Не столько при мысли о Гарете рядом с другими женщинами, но рядом с Селестой...

Едва она успела выбросить эту мысль из головы, как его губы накрыли сначала один тугой сосок, затем другой, и один вид этих губ казался ей чрезвычайно возбуждающим. Он долго ласкал ее соски, и отзвуки его ласк проникали в самую глубь ее существа.

Однако это было еще не все. Гарет провел губами по шелковистой коже вдоль ложбинки на ее животе, одновременно запустив пальцы в треугольник мягких, черных как смоль волос, увенчивавший ее лоно. Неожиданно он задвигался, оказавшись между ее колен, заставив ее широко раздвинуть их из-за ширины своих плеч. Его ладони обхватили ее полные ягодицы, приподнимая се... У Джиллиан пошла кругом голова. Глаза ее широко раскрылись при вида его черной головы. Она вцепилась пальцами в его волосы, слегка потянув за них:

— Гарет...

Нет, лихорадочно размышляла про себя Джиллиан. Это невозможно. Неужели он осмелится поцеловать ее здесь?

Он сделал нечто большее, чем просто поцеловал ее.

Его большие пальцы раздвинули лепестки, прикрывавшие шелковистую сердцевину. Первое прикосновение его языка потрясло все ее существо, словно ее пронзила молния. Второе подействовало на нее еще сильнее. Горячие языки пламени распространились по ее телу, и она ухватилась за его голову, за покрытые бронзовым загаром плечи. Остановить его было невозможно. Он был властным. Настойчивым. Кончик его языка с ошеломляющей дерзостью проник между скользкими, влажными складками, беззастенчивый и чувственный, завладевая своей добычей, щекоча ей кожу, все время кружа вокруг скрытой внутри жемчужины... однако ни разу не дотронувшись до нее.

С губ ее сорвался стон. Этот звук, казалось, распалил его еще больше. Бедрa ее приподнялись, словно желая положить конец этой утонченной пытке. И когда это наконец произошло, ослепительная вспышка восторга озарила все внутри ее, из ее недр выступила жаркая влага. Джиллиан словно в тумане слышала собственные всхлипывания, раздававшиеся снова и снова.

Кровь кипела в жилах Гарета, охватившее его желание отдавалось болезненной пульсацией в чреслах, когда он вытянулся рядом с ней во весь рост. Те же гибкие загорелые пальцы обратили ее лицо к нему. Глаза Джиллиан открылись, подернутые дымкой.

В голове у него шумело, шепот прозвучал почти неистово:

— Тебе это понравилось, дорогая? Я сумел тебе угодить?

Кончики ее пальцев остановились на шершавой поверхности его щеки.

— Да, — отозвалась она слабым, неуверенным голосом и затем снова: — Да!

Едва Джиллиан поняла, в чем только что призналась, как глаза ее сделались круглыми. Она бы наверняка спрятала голову в подушку от стыда, если бы не его пальцы в ее волосах.

Между ними уже не осталось места для робости. Только не сейчас, когда его близость казалась ей почти невыносимой. Именно такой он втайне и мечтал ее увидеть.

Он завладел ее рукой, все это время не спуская с нее взгляда. Один за другим он сомкнул ее пальцы вокруг своего мужского органа. Ее ладонь оказалась под его собственной, и до его слуха донесся ее прерывистый вздох. Однако когда он ослабил хватку, она не убрала руки. Его глаза были крепко зажмурены, живот напрягся. Ощущение от ее пальцев,

обхвативших бархатистую плоть, оказалось именно таким, каким он себе его и представлял. По телу его пробежал трепет, его охватило сильнейшее возбуждение, превосходящее всякий здравый смысл, руки сжались в кулаки, пока он боролся с искушением запустить пальцы в ее волосы. Опустить ее голову ниже... еще ниже, чтобы ее шелковистые пряди ласкали кожу у него на бедрах... чтобы восставший символ его мужского достоинства коснулся ее жаркого, влажного неба...

Тут его глаза внезапно раскрылись, так и впившись в нее взглядом.

— Прикоснись ко мне, — произнес он хриплым голосом. — Попробуй меня на ощупь.

Ей казалось странным, что его едва слышная прерывистая мольба сделала ее такой дерзкой... что ощущение его близости придало ей столько смелости. Сердце подскочило в ее груди чуть ли не до самого горла, когда ее пальцы сомкнулись еще крепче вокруг его плоти, до такой степени раздавшейся, что у нее перехватило дыхание. Пожалуй, подумала Джиллиан про себя с чувством почти благоговейного трепета, если бы даже ей пришлось в голову пустить в ход вторую руку, она все равно не смогла бы обхватить его целиком...

Его плоть оказалась такой горячей, что буквально обжигала ей кожу. Затем она сжала его мужской орган в руке, проводя по нему пальцами то вверх, то вниз, словно движимая каким-то эротическим чутьем, которого она сама до конца понять не могла. Под действием его горящих, словно в лихорадке, глаз ритм ее движений начал постепенно учащаться.

— Боже правый! — пробормотал Гарет, когда по проществу нескольких долгих томительных мгновений оторвал ее руку от своей разгоряченной плоти. — И где только ты всему этому научилась? Может быть, у меня и впрямь есть причины ревновать к Маркусу или Бентли?

Он оказался сверху. Жесткая поросль на его торсе щекотала ей грудь, мускулистые ноги раздвинули ее собственные. Джиллиан ахнула, почувствовав опаляющее прикосновение его главного орудия, требовавшего входа. Его взгляд словно пронзил ее насквозь... и в то же самое мгновение Гарет проник в ее тело. Она громко вскрикнула, оказавшись распластанной на постели и заполненной до отказа его раздавшейся плотью. Он приподнялся над ней на локтях. Глаза его сверкали от еле сдерживаемого желания.

— Помоги мне Бог, я просто не могу действовать медленно и осторожно, — голос его был низким и прерывистым, — ибо ты слишком соблазнительна, любовь моя. Так неотразимо соблазнительна...

Его слова разожгли в ней огонь. Возбуждение судорогой пробежало по ее телу. Охваченная приливом блаженства, Джиллиан могла сдерживать себя не более чем он сам. Не было ли это наслаждение само по себе порочным, греховным? Этого она не знала, да ее это и не заботило. Ибо в тот миг она напрочь забыла обо всем — и о Селесте, и о мире за пределами этой спальни. Лишь один Гарет имел для нее значение. Отчаянная потребность слиться с ним в одно существо, быть с ним близкой, как только могут быть близки между собой мужчина и женщина...

Ее пальцы скользнули вниз по тугим узлам его мускулов. Она со стоном обхватила руками его голову, сведя его губы со своими, прильнув к нему бедрами в беззвучной, бессознательной отдаче. И он дал ей то, что она так искала. Снова и снова его жало проникало в самые глубины ее медвяного сосуда, сила его выпадов была такова, что ей пришлось ухватиться за его плечи. И с каждым новым движением она поднималась все выше и выше к небесам... Голова Джиллиан упала на подушку, и она даже не отдавала себе отчета в том, что слабые жалобные стоны, раздававшиеся в воздухе, принадлежали ей самой.

Гарет стиснул зубы, губы его находились у самого основания ее шеи. Выпады его были яростными, неистовыми. Гулкий стук его сердца, казалось, отдавался эхом в ее собственной груди. Гарет пытался сдержаться, укротить бурю, бушевавшую в его чреслах, продлив тем самым утонченное наслаждение. Он как мог стремился оттянуть неизбежную развязку, но слепые первозданные инстинкты взяли верх. Ее колыхавшиеся, словно волны, бедра, тот восторг, который, как он знал, его ожидал, манили его. Дыхание его сделалось частым и прерывистым. Боже правый, он весь кипел изнутри. Еще... еще немного...!!!!

— Гарет, — прошептала она. — Гарет... Гарет!

Беспрестанное повторение ею нараспев его имени привело к тому, что он не выдержал. Он ринулся стремглав к вершине наслаждения, достигая ее снова и снова.

Когда все осталось позади, он перевернулся на бок, крепко прижав к себе Джиллиан. Так они лежали рядом, обессиленные, дрожащие, и прошло немало времени, прежде чем кто-либо из них смог пошевелиться. Джиллиан первой нарушила молчание.

— Гарет? — произнесла она медленно.

Он поцеловал ей ладонь, после чего положил ее на темную поросль своей груди.

— Что, моя прелесть?

Щеки Джиллиан сделались пунцовыми, и она оказалась едва в состоянии выдавить из себя слова:

— Было ли это... похотью?

Гарет рассмеялся низким хриплым смехом. Этот звук вибрировал в самой глубине его груди. Он заставил ее посмотреть ему прямо в глаза. Его губы сложились в самую настоящую улыбку, зеленые глаза блестели так, что она почувствовала себя совершенно покоренной.

— Об этом лучше судить тебе самой, моя дорогая Джиллиан. То, что может казаться похотью одному, для другого может значить нечто совершенно иное.

Гарет поцеловал ее в кончик носа и неспешно поднялся с постели. Джиллиан нахмурилась и потянулась за одеялом, чтобы прикрыть наготу. Она подавила зевок. Несмотря на ранний час, ей не хотелось покидать так быстро удобную постель.

Его ответ, по сути, ничем ей не помог. Но если это действительно было похотью, решила про себя Джиллиан как в тумане, тогда она обречена вечно гореть в аду.

Ибо — помоги ей Бог! — для нее это стало поистине райским блаженством.

За те несколько недель, что прошли со времени ее первого приезда в Соммерфилд, Джиллиан успела сильно привязаться к Робби. С того самого дня, когда мальчик случайно заглянул к ней в комнату, он завладел частицей ее сердца. Со временем он стал проводить больше времени с Джиллиан, чем со своей няней. Не раз он семенил за нею следом, пока она занималась домашними делами. Иногда во второй половине дня, когда Джиллиан вместе с Линетт сидели вместе наверху за шитьем или вышиванием, Робби играл с довольным видом у их ног. Когда они отправлялись на прогулку, его короткая пухлая ручонка почти всегда находилась в ее руке.

Робби был прелестным ребенком, с изумрудными глазами под длинными ресницами, с золотистыми волосами. Когда он улыбался ей, глядя на нее снизу вверх, внутри у нее что-то словно таяло. Ему очень нравилось, когда Джиллиан брала его на руки и рассказывала разные захватывающие истории о минувших днях, те самые, которые она когда-то мечтала рассказать своей собственной милой дочурке, — в глубине души она до сих пор надеялась, что это рано или поздно произойдет. И самой Джиллиан это очень нравилось, ибо ей еще никогда прежде не приходилось испытывать ничего подобного — ощущать крохотное тепло тельце ребенка, уютно свернувшееся рядом с ее собственным, так нуждающееся в нежности, тепле и заботе. Он слушал ее с неизменным вниманием и частенько засыпал у нее на коленях, однако она редко укладывала его в постель. Она баюкала его и пела ему колыбельные, точно так же, как мечтала баюкать свое родное любимое дитя. Такими мгновениями Джиллиан дорожила больше всего... ибо, несмотря ни на что, временами неопределенность ее будущего вызывала в ней приступы болезненного страха. Она просто не в состоянии была отрешиться от обуревавших ее сомнений. По всей видимости, Гарет и впрямь был человеком чести — как он однажды сказал Робби, человеком с верным сердцем... И все же она не могла отделаться от мрачного предчувствия. Однажды он уже согласился найти и убить ее — и Клифтона тоже... Может ли она полностью довериться ему? Сумеет ли он ее защитить? Или же с ее стороны надеяться на это было глупостью? Воспоминание о мести короля преследовало ее. Этот неотступный, глубоко укоренившийся страх не давал ей покоя. Боже, как же она его ненавидела! Сумеет ли она когда-нибудь от него избавиться? Она боялась, что нет, и эта мысль внушала ей ужас.

Зима между тем сменилась оттепелью. Теплые дни и дожди вернули мерзлую почву к жизни. Повсюду вокруг замка из-под земли пробивались первые ростки, и теперь земля уже не казалась такой однообразно бурой и неприветливой. Мир постепенно снова начал покрываться пышной сочной зеленью.

Под самым окном спальни стояла маленькая деревянная скамейка. Однажды Джиллиан случайно заметила, как Гарет крупными шагами вошел во внутренний двор, где находился Робби с няней. Едва мальчик заметил отца, как со всех ног бросился к нему. Гарет подхватил сына на руки и, высоко подняв, сказал ему что-то на ухо, одной рукой нежно обхватив затылок Робби. То было безмолвное, но красноречивое подтверждение любви между отцом и сыном, и внезапно боль железным обручем сдавила грудь Джиллиан. Когда Гарет смотрел на мальчика, не видел ли он в нем Селесту? Не пробуждал ли вид сына в нем с новой силой тоску по покойной жене?

Гарет поставил мальчика на ноги. Робби подобрал длинную тонкую ветку и принялся

размахивать ею, словно мечом, со свистом рассекая воздух. Губы Джиллиан сложились в слабую улыбку, едва она вспомнила тот далекий день на берегу — о Господи, как же давно это было! — когда Гарет предавался почти той же самой забаве.

Робби сделал вид, будто нанес удар, ткнув отца в бедро. Ветка сломалась, Гарет рухнул на землю, растянувшись на спине и притворяясь тяжело раненным. Даже отсюда Джиллиан могла заметить победную улыбку на лице Робби. Мальчик подошел поближе, однако Гарет по-прежнему лежал совершенно неподвижно. Наконец Робби приставил палец к его груди. Гарет тут же вскочил с места, схватив сына и крепко прижав к себе. Радостный визг Робби был далеко слышен.

Горькое воспоминание охватило Джиллиан, навеяв грусть. Она вдруг увидела перед собой своего отца и Клифтона, точно так же игравших возле стен Уэстербрука, изображая двух рыцарей в сражении. Глаза Джиллиан наполнились слезами, сердце обливалось кровью. Это воспоминание причиняло ей невероятные муки. Отец и сын. Сын и отец. Теперь им уже никогда не суждено воссоединиться. Болезненный страх сжал ей сердце, ибо она опасалась, что ей самой уже никогда не суждено увидеться с любимым братом...

Джиллиан уткнула голову в колени и зарыдала. Она сама не знала почему, но в последнее время ее чувства слишком часто лежали на поверхности. И как раз в этот миг печали Гарет переступил порог спальни. Его пронизательный взгляд тут же подметил и ее удрученную позу, и то, как она испуганно подняла голову, поспешно смахнув слезы.

Но увы, было уже слишком поздно. Гарет подошел к ней. Взяв ее за подбородок, он заглянул в красные, опухшие от слез глаза. Губы ее дрожали.

— Почему ты плакала?

— Я думала о Клифтоне, — тихо ответила Джиллиан. Без единого слова Гарет поставил ее на ноги и обнял.

Он просто прижимал ее к себе, глядя по темным волосам. Взгляд его тоже омрачился грустью, однако нежность и сострадание побудили Джиллиан к признанию. Дыхание ее стало прерывистым.

— Иногда мне кажется, что у меня просто не хватит сил это вынести. Я не знаю, где сейчас мой брат... здоров ли он... и жив ли вообще...

Ее всхлипывания раздирали ему душу. Больше всего на свете ему хотелось бы ее утешить, но увы, он не мог этого сделать. Он продолжал гладить ее по голове.

— Джиллиан, — пробормотал он, — возможно, это прозвучит жестоко, но Клифтон может находиться сейчас где угодно. Не исключено, что слуга твоего отца, которому было поручено оберегать мальчика, стал жертвой преступления. Хорошо, если мое предположение не оправдается. Но мы должны быть готовы к самому худшему — что его судьба навсегда останется нам неизвестной...

— Не говори так! — С пылающими глазами Джиллиан высвободилась из его объятий. Эти слова глубоко ранили ее. — У тебя просто не хватает смелости сказать мне прямо, что ты...

Гарет не дал ей договорить. Он схватил жену за плечи и встряхнул.

— Перестань, Джиллиан, ради всего святого, ни слова больше! Я не желаю этого слышать!

Затем он выпустил ее так внезапно, что она покачнулась. Заложив руки за спину, он отошел к камину и стал смотреть на огонь — суровый и неподвижный, с плотно сжатыми губами, превратившимися в тонкую угрюмую линию. Она почти физически ощутила горечь

и негодование, бурлившие внутри его.

Джиллиан почувствовала раскаяние. Неудивительно, что Гарет был так зол на нее! Она постоянно его в чем-то подозревала, сомневалась в нем, обвиняла без причины. Однако теперь настала пора взглянуть в лицо правде. Действительно ли она опасалась его так же, как, например, короля? Возможно, порой подобная мысль и приходила ей в голову, но справедливость требовала ответить на этот вопрос отрицательно. Причинял ли он ей когда-нибудь хоть малейший вред? «Нет!» — с неожиданной горячностью отозвалось эхо в ее сердце. О да, он мог быть властным и настойчивым, как в тот день, когда заставил ее выйти за него замуж. Не раз он сердился на нее — как, впрочем, и она на него! Отношения между ними всегда оставались бурными и изменчивыми. Но виной всему был не он, а то сложное положение, в котором они оба оказались против своей воли.

Сама того не замечая, Джиллиан бросилась к нему. Робко коснулась широкого плеча. Он насторожился. Джиллиан едва не расплакалась. Взяв себя в руки, еле слышно проговорила:

— Прости меня, Гарет. Просто... просто я чувствую себя такой беспомощной. — Она судорожно сглотнула. — Клифтон еще так мал, и я очень боюсь, что ты прав. Что, если с Алуином и впрямь случилась беда и он уже не в состоянии защитить моего брата? Я не знаю, что мне делать... и все-таки нельзя бездействовать! Пока остается только ждать и строить догадки. Иногда мне даже кажется, что стоит попытаться найти его самой...

Тут Гарет круто повернулся к ней:

— Боже упаси! Ни в коем случае! Неужели ты считаешь, что я настолько бессердечен и так мало дорожу собственной женой? Это слишком опасно и вряд ли по силам женщине.

Его забота потрясла ее, и по ее телу пробежала какая-то странная дрожь. Но не успела она вставить слово, как Гарет снова заговорил:

— К тому же в этом нет нужды. Я уже это сделал. Верно ли она его поняла? Джиллиан ожидала услышать от него нечто совершенно иное.

— Что? — слабым голосом переспросила она. — Неужели ты уже отрядил своего человека на поиски Клифтона?

— Двух.

Губы ее приоткрылись.

— Почему же ты мне ничего не сказал?

— Потому что не хотел волновать тебя еще больше, — грубовато ответил он. — Не вздумай сказать об этом хотя бы слово кому бы то ни было, Джиллиан. Слишком рискованно. Король Иоанн предпочел оставить нас в покое, но если он узнает, что мы разыскиваем Клифтона, это может плохо для нас кончиться.

Мрачное предсказание, заставившее Джиллиан побелеть как полотно. Гарет буркнул себе что-то под нос и схватил ее в объятия.

Пальцы Джиллиан, холодные как лед, вцепились в его тупику. Прильнув к нему дрожащим телом, она отчаянно боролась со слезами. Гарет крепче прижался подбородком к ее голове. Он был подавлен настолько, что не мог произнести ни слова. За последние несколько месяцев Джиллиан проявила такую твердость и силу духа, на какую были способны лишь немногие мужчины, и ему не хотелось обременять ее еще больше. Только не сейчас, когда она выглядела такой маленькой и незащищенной. По правде говоря, он питал лишь слабую надежду найти Клифтона... Вряд ли он найдет мальчика живым.

По обыкновению Джиллиан проводила каждое утро с Робби. В то утро, однако, она

чувствовала себя настолько разбитой, что у нее едва хватило сил подняться с постели. Но Робби умолял погулять с ним, и у Джиллиан просто не хватило духу отказать малышу.

Они остановились у розового сада, расположенного позади часовни, и низко нагнулись, чтобы полюбоваться кустами. Всего лишь месяц назад они вдвоем осматривали голые колючие стебли, и Робби уже готов был оплакивать их гибель. Джиллиан в ответ рассмеялась и объяснила мальчику, что, несмотря на пронизывающий зимний холод, розы скоро расцветут снова, наполняя воздух нежным ароматом. Робби быстро протянул пухлую ручонку к стеблям и тотчас же уколол себе палец. Мальчик захныкал, и Джиллиан долго утешала его, прижав к груди.

Джиллиан указала Робби на стебли, которые, как ему казалось, никак не могли уцелеть.

— Взгляни-ка, малыш. — Подбоченившись, она кивнула на куст: — Видишь эти листики? Очень скоро ты увидишь на ветках первые бутоны.

Глаза Робби округлились от удивления, и он так вертелся, смотря на них то так, то этак, что едва не полетел вверх тормашками. Рассмеявшись, Джиллиан поддержала его. Скоро интерес мальчика к кустам иссяк, и он вприпрыжку помчался прочь поиграть на зеленой траве.

Джиллиан любовалась им издали. Но вдруг произошло нечто странное. Мгла на миг заволочла ей глаза, она ощутила неприятный горький привкус во рту. Затем пошатнулась и тяжело опустилась на землю. Ее бросило в жар, однако тело покрылось холодным липким потом. Сердце заколотилось так, словно ей пришлось бегать вверх и вниз по лестнице по крайней мере дюжину раз. Она едва заметила, как вернулся Робби. Она чувствовала под собой влажную землю, однако не могла объяснить, что произошло.

— Джиллиан?

Джиллиан ничего не ответила. Солнце и небо вращались перед ее глазами в безумном круговороте. Она собиралась успокоить мальчика, однако была не в состоянии ни двигаться, ни говорить.

— Джиллиан! — закричал Робби.

Она не могла его рассмотреть сквозь серый туман, окутывавший ее со всех сторон, однако слышала испуг в его голосе. Боже правый, что случилось? Откуда эта слабость и головокружение? Стиснув зубы, Джиллиан попробовала подняться.

— Вставай, Джиллиан! — Робби потянул ее за рукав, явно понимая, что с ней что-то было неладно. — Джиллиан! Пожалуйста, вставай!

Боже, неужели она вот-вот заболеет? Ее рука безвольно упала на землю.

— Робби... — проговорила она слабым голосом. — Со мной все будет в порядке. Только погоди немного...

Однако мальчик уже исчез. Через секунду-другую Робби уже дергал что было сил за рукав своего отца.

— Папа! — закричал он. — Папа, пойдем со мной! Гарет как раз беседовал с охранниками у караульного помещения.

— Сейчас, сынок. — Он рассеянно кивнул, дав себе слово при случае напомнить ребенку, что невежливо перебивать старших, когда те заняты разговором.

— Скорее, папа! — не отступал Робби. — Ты должен пойти со мной!

Гарет взглянул на сына. Слезы струились из глаз мальчика. Отец опустился перед ним на одно колено.

— Робби, в чем дело, сынок?

Робби всхлипывал так отчаянно, что Гарет с трудом мог разобрать его слова:

— Она не может подняться, папа. Не может!

— Кто, Робби? Джиллиан? — Эта догадка пришла ему в голову еще прежде, чем ребенок затряс головой. Гарет видел сына вместе с Джиллиан. Сердце в его груди подскочило. — Где? Где она? Покажи мне, мальчик.

Робби тут же пустился бежать со всех ног в сторону часовни, Гарет — за ним.

Едва увидев Джиллиан на земле в розовом саду, он выругался себе под нос. Она лежала неподвижно на боку, подтянув колени к груди, лицо ее сделалось пепельно-бледным.

— Джиллиан! — окликнул он ее настойчиво. — Джиллиан!

Веки Джиллиан дрогнули. Расстроенное лицо Гарета было перед ее глазами. Его голос доносился до нее словно сквозь густой слой тумана:

— Джиллиан! Ты слышишь меня?

Тут она почувствовала на себе его руки и что было силы оттолкнула его.

— Со мной все в порядке, — пробормотала она. — Перестань суетиться надо мной!

Губы Гарета сжались, однако он убрал руки.

— Ты в состоянии встать?

Джиллиан кивнула и, глубоко вздохнув, с трудом поднялась на ноги. Гарет помог ей выпрямиться, после чего отпустил ее. К ее досаде, едва она встала на ноги, как к горлу тут же снова подступил приступ дурноты, и у нее подкосились колени. Она наверняка упала бы, если бы Гарет вовремя ее не поддержал. Довольно с него ее глупого упрямства! К счастью, как раз в этот миг во дворе появилась няня Робби, и Гарет кивком приказал ей увести ребенка.

Джиллиан не помнила, как ее внесли в дом. Гарет на руках отнес ее в спальню.

Он уже собирался уложить Джиллиан на перину, когда ее охватил неожиданный приступ дурноты. Она схватилась за живот:

— Меня сейчас стошнит!

Так оно и произошло. Очень скоро Джиллиан оказалась сидящей в самой неприглядной позе на полу, прислонившись спиной к постели. Юбки на ее бедрах задрались, ибо Гарет успел как раз вовремя сунуть ей между ног ночной горшок.

Когда он снова уложил ее в постель, она была совершенно обессиленной и дрожащей. Он поднес к ее губам чашку, приказав сначала прополоскать хорошенько рот, после чего выплюнуть воду. Джиллиан повиновалась и затем, изможденная, снова опустилась на перину. Гарет остался стоять рядом, вытирая ее лицо салфеткой, смоченной в холодной воде. Взгляд его, как всегда, притягивал ее подобно магниту. Джиллиан повернула голову в его сторону. Ба, да он еще и улыбался, негодник! Еще никогда в жизни она не чувствовала себя так ужасно, да ему, похоже, это доставляло удовольствие!

— Ох! — вырвалось у нее. — Неужели тебе нравится видеть меня такой?

Он погладил ее по щеке:

— Ты знаешь, почему тебе так нездоровится?

Да, в глубине души она это знала — знала, однако боялась в это поверить. Боялась признаться Гарету — а вдруг он начнет злорадствовать? И похоже, ее опасения были не напрасны, ибо на его губах играла все та же несносная самодовольная улыбка.

— Ты носишь под сердцем ребенка, Джиллиан, — произнес он мягко.

Ее растерянный вид рассмешил его.

— Да, я знаю, — отозвалась она раздраженно. — Но откуда тебе об этом известно?

— У тебя не было месячных с тех пор, как мы вернулись сюда, в Соммерфилд, — ответил он тихо. — Я знаю. Я все это время следил за тобой.

Его бесстыдство потрясло ее до глубины души.

— Полагаю, ты забеременела почти сразу. — В его глазах блеснул огонек. — Возможно, уже тогда, когда мы в первый раз были вместе. — Он положил руку на ее живот. — Думаю, с тех пор прошло почти три месяца.

— Три месяца!

— В твоем теле произошли кое-какие перемены, — произнес он просто. — Разве ты сама не заметила?

— Перемены? — Сердце ее бешено колотилось. Где-то в самой глубине души она понимала его правоту.

— Боюсь, мне не удастся выразить свою мысль более деликатно. — Он намеренно сделал паузу, брови его поползли вверх. — Твои груди, любимая. В последнее время они сделались слишком... полными. — Он изогнул губы в улыбке. — Они натягивают ткань твоего платья... впрочем, весьма соблазнительно, позволю себе добавить.

Джиллиан густо покраснела и прикрыла грудь руками. Это обстоятельство и впрямь не ускользнуло от ее внимания, однако ей казалось, что она просто расплнела. Ей даже пришлось распустить платье в нескольких местах. Однако она понятия не имела о том, что он тоже это заметил. А другие?

Длинные пальцы обхватили ее запястья, оторвав руки от груди. В намерениях Гарета невозможно было ошибиться. Сквозь ткань ее платья он обвел по кругу языком сначала один зрелый сосок, затем другой. Когда он снова поднял голову, улыбка его была откровенно проказливой.

— И еще, любовь моя... я уже заметил, что ты стала куда более полной на ощупь в моем рту... и более восприимчивой, не так ли?

Джиллиан пролепетала в ответ что-то невнятное. Он был прав. Ее соски и впрямь стали более чувствительными, чем обычно, — и притом давно! Иногда ее груди даже начинали болеть, чего никогда не случалось с ней прежде. Однако она даже не подозревала, что все эти признаки обычно шли рука об руку с беременностью. Возможно, ей и следовало об этом знать, однако она была в таких вопросах полной невеждой.

— Не смотри на меня так, ты, самонадеянный болван! Ты похвалялся тем, что я жду от тебя ребенка, когда мое чрево было еще пустым, и вот теперь я уже на третьем месяце!.. Почему только тебе все дается так легко? И откуда тебе столько известно о беременных женщинах?

— На самом деле мне это далось не так легко. По сути, я потерял часть своей жизни, поскольку помню лишь половину из того, что должен помнить. — Он шлепнул себя по лбу. — Что же касается вопроса, откуда мне столько известно о беременных женщинах... — Тут он осекся, улыбка тут же исчезла с его лица.

Джиллиан в упор смотрела на него.

— Ах да, конечно, — произнесла она слабым голосом. — Для тебя это не новость. Ты ведь был рядом с Селестой, когда она носила под сердцем Робби.

— Нет, — отозвался он глухим голосом. — Не только Робби.

Она присмотрелась к нему внимательнее. На его лице застыло какое-то странное выражение, и в ее уме промелькнуло смутное подозрение.

— Как так, Гарет? Неужели был еще ребенок? Медленно, чуть дыша, она выпрямилась

на постели.

Он, похоже, не обратил на это никакого внимания. Казалось, он находился сейчас в другом времени... в другом месте...

— Да, — через силу ответил он. — Селеста была беременна, когда умерла.

У Джиллиан перехватило дыхание.

— Боже мой, Гарет! Мне так жаль! Я... я ничего не знала.

— Как ты могла об этом знать? — Голос его стал низким, почти хриплым. — Я сам вспомнил об этом лишь недавно.

Джиллиан в упор смотрела на него. Ужасная мысль сжала ей сердце.

— Она умерла во время родов?

— Нет. — Каждое слово давалось ему с явным трудом. — Она была как ты, я думаю... прошло уже несколько месяцев. Кажется, дело было зимой. Она тяжело заболела... Я помню густую пелену, повисшую в комнате... запах больного тела... помню, как держал ее за руку в последний раз. Ее слабые пальцы, сжимавшие мои собственные...

На лице его промелькнуло выражение муки. Гарет на миг зажмурился, потом снова открыл глаза.

— Больше я ничего не помню, — закончил он, качая головой.

Джиллиан почувствовала ноющую боль в груди. О Боже, как это печально! В горле у нее встал комок от еле сдерживаемых слез. Она оплакивала его утрату... и свою утрату тоже.

— Ты любил ее? — Его молчание разрывало ей душу на части. Джиллиан отвела взор, чувствуя, как сжимается сердце. — Извини меня, — пробормотала она дрогнувшим голосом. — Мне не следовало спрашивать об этом.

— Не знаю, — ответил Гарет мягко. Ее взгляд снова устремился на него. — Что?

— Я не могу сказать, что любил ее, — произнес он низким голосом, на лице его была написана глубокая печаль, — но и отрицать этого тоже не могу. Если бы ты не сказала мне о том, что я видел во сне женщину с золотистыми волосами... и если бы мне не говорили о том, что у Робби такие же светлые волосы, мне бы это даже не пришло в голову. Я пытался вспомнить ее, однако не могу представить себе ни лица, ни фигуры. Когда я думаю о ней, то не вижу перед собой ничего, кроме пустоты. — Он помолчал. — Иногда воспоминания приходят в мгновение ока — как тогда, в хижине на берегу, — и я вижу все перед собой с полной уверенностью. Иногда они просачиваются медленно, словно сквозь приоткрытую дверь. Но когда речь идет о Селесте, в моей памяти не осталось ничего, что бы могло оживить мои дни с пей, — повторил он и снова замолчал. — Чему быть, того не миновать, — добавил он наконец. — Я уже смирился с тем, что многое из моего прошлого навсегда останется потерянным — и ты тоже должна с этим смириться, дорогая.

Джиллиан смотрела на него, охваченная приливом сладковатой горечи. Солгал он ей или нет? Может быть, просто щадил ее? Но почему? Уж конечно, не потому, что любил ее... Неожиданно слова, которые она так долго таила в себе, вырвались наружу:

— Гарет... и все же внутренний голос подсказывает мне, что тебе, должно быть, очень тягостно жить здесь, в Соммерфилде, без нее.

— Почему? — спросил он.

— Ты сам знаешь почему, — произнесла она с болью в голосе. — Твоя жена...

Тут он остановил ее, приложив пальцы к ее пухлым губам.

— Ты, — закончил он за нее. — Ты моя жена, Джиллиан. — Он заключил ее в объятия и крепко прижал к себе, снова превратившись во всевластного хозяина замка. — А теперь

иди сюда, жена...

Джиллиан прильнула к нему — спрятала лицо на его широкой могучей груди и подавила приглушенное всхлипывание. Вероятно, Гарет почувствовал, какая буря бушевала сейчас в ее душе: он опустился рядом с ней на постель и долго оставался в такой позе, подложив одну руку под голову, а другой, свободной, играя ее локонами. Время от времени он подхватывал выбившийся из прически локон и подносил его к губам.

Вероятно, она задремала, ибо, когда проснулась, дневной свет уже начал меркнуть, а углы спальни постепенно погружались в тень.

Гарет куда-то ушел.

Он не предавался с ней любви в ту ночь, и Джиллиан остро переживала утрату, проклиная себя за сомнения, которые до сих пор переполняли ее грудь. Ибо она не могла прогнать от себя мысль о... Селесте.

Не в пример прекрасному погожему дню накануне следующее утро выдалось холодным и пасмурным, дул сильный пронизывающий ветер. Гарет поднялся на рассвете, чтобы лично наблюдать за полевыми работами. Джиллиан осторожно встала с постели несколько часов спустя. По крайней мере днем ее уже не мучили приступы дурноты, за что она была весьма признательна судьбе.

Уже близился вечер, когда они услышали у ворот призывный звук горна. Джиллиан бросила беглый взгляд в сторону караульного помещения, думая, что это всадники вернулись с охоты. Она уже собиралась отвернуться, когда несколько мужчин спешили во дворе. Двое из вновь прибывших отделились от остальных и направились прямо к главному залу. У нее душа ушла в пятки. Если она не ошибалась, то были лорд Джеффри Ковингтон и лорд Роджер Сеймур.

Ее догадка подтвердилась спустя час, когда Гарет крупными шагами вошел в ее комнату.

— У нас гости, — объявил он с порога. — Ковингтон и Сеймур.

— Я так и поняла. — Тонкие изящные брови приподнялись. — Они останутся здесь на ночь?

— Да. — Широко расставив ноги, он остановился перед ней — внушительная фигура в рубашке, кожаной накидке и облегающих штанах, подчеркивавших стройные мускулистые ноги.

Он был таким высоким, что ей пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть ему прямо в лицо.

— Должна признаться, мне любопытно знать, кого они ищут — тебя или меня?

Он встретил на себе ее взгляд со смелостью, которая превзошла даже ее собственные ожидания.

— Король вызывает меня к себе, — ответил он коротко. — Утром я еду вместе с двумя нашими гостями, чтобы присоединиться к нему в Винчестере, где и останусь вплоть до дальнейших распоряжений.

Винчестер был тем самым замком, где отец Иоанна, Генрих II, держал в заточении свою супругу Алиенору в течение шестнадцати долгих лет. Джиллиан быстро удалось подавить пробежавшую по телу дрожь. Ее место заняла жгучая ненависть.

— Что ж, — отозвалась она холодно, — интересно, кого он прикажет тебе убить на этот раз?

Сильные руки схватили ее за плечи, и у нее перехватило дыхание. В зеленых глазах вспыхнул огонь, и он выругался себе под нос.

— Черт побери, Джиллиан, до чего же ты упряма и своенравна! Я уже начинаю думать, что ты не стоишь тех хлопот, на которые я пошел ради тебя!

Ее раздирали самые противоречивые чувства. Какая-то часть ее существа порывалась броситься в его объятия, ища в них тепла и защиты, которые мог дать ей только он один. Однако другая ее часть готова была накинуться на него с кулаками и выместить на нем всю свою ярость за то, что он позволил двоим негодьям находиться под одной крышей с ней. И именно это последнее стремление взяло верх. Ее ледяное презрение уязвило его и еще больше распалило ее.

— Отпусти меня, Гарет!

Однако он крепко держал ее. Блестящие зеленые глаза окинули ее гневным взглядом.

— Не раньше чем мы с вами пойдем друг друга, миледи. Ну а теперь ужин ждет нас в главном зале. Мы спустимся туда вместе...

— Я ни за что не сяду за один стол с людьми короля! Улыбка на его лице показалась ей натянутой.

— Ты сядешь за стол хоть с самим дьяволом, если я так решу!

Их взгляды сошлись в безмолвном поединке. Губы Джиллиан слегка приоткрылись. Выражение его прищуренных зеленых глаз отбило у нее всякое желание с ним спорить, однако не могло погасить ее сопротивления. Гарет нахмурился.

— Будь с ними вежлива, — проворчал он. — Это все, о чем я тебя прошу.

С этими словами он подхватил ее под локоть и чуть ли не силой вытолкнул из комнаты. Пока они шли по коридору, Джиллиан все еще кипела негодованием. Пожалуй, он был прав. Ей действительно придется сидеть за одним столом с дьяволом — и притом не с одним, а с тремя!

Оба гостя поднялись, как только они переступили порог зала. Джиллиан вежливо поздоровалась с ними. Роджер Сеймур окинул ее беззастенчивым взглядом с ног до головы.

— Вы хорошо прячете вашего ребенка, мадам. Когда вы ожидаете его появления на свет?

Джиллиан оцепенела. Она понимала, что он рассчитывал поймать ее в ловушку. Это было так же верно, как и то, что этот человек был отъявленным негодяем. Недаром же он состоял на службе у короля Иоанна!

Она сразу почувствовала, как насторожился рядом Гарет. Краем глаза заметила, что тот собирался что-то сказать, но тут ответ сам с неожиданной легкостью сорвался у нее с языка.

— В середине сентября, — произнесла она невозмутимо. В действительности, если Гарет был прав, это должно было случиться почти на месяц позже...

Ужин прошел в принужденной, натянутой обстановке. У Джиллиан неприятно сосало под ложечкой, так что она едва в состоянии была есть.

Во время еды Джефффри Ковингтон наклонился к ней поближе.

— Миледи, — произнес он, — почему у меня такое чувство, словно мы с вами где-то уже встречались?

Джиллиан взглянула на него. Ковингтон был красивым мужчиной с темно-русыми волосами; в его глазах она не заметила ничего похожего на злобу или неискренность. Тут она припомнила, что не кто иной, как Ковингтон, убедил короля отказаться от планов мести. Она бы ни за что на свете не доверилась этому человеку — в конце концов, он являлся одним из приближенных короля! И тем не менее, если бы за ужином присутствовал один Джефффри Ковингтон, она бы чувствовала себя куда свободнее.

— Я не могу вам ответить, сэръ, — отозвалась она, покачав головой. — Я никогда не была при дворе. Более того, я никогда не видела собственными глазами короля до тех пор, пока он не прибыл сюда, в Соммерфилд.

— Ах, вот оно что! — ответил Ковингтон. — Тогда, наверное, я ошибся.

Он обращался к ней еще несколько раз за время ужина. Разумеется, Джиллиан была не из тех, кто способен потерять голову из-за красивого лица и обворожительной улыбки, однако ей оказалось не так уж трудно быть любезной с человеком, у которого такие приятные манеры. Что же до Роджера Сеймура... он не понравился ей с первого взгляда.

Этот человек поневоле внушал ей страх. Его черные глаза наводили на мысль о злобном диком псе, мечущемся по двору из стороны в сторону. Однажды она уже видела, как в Уэстербруке точно такой же пес едва не загрыз до смерти крестьянина. Чтобы отбить его нападение, понадобились усилия двух вооруженных людей с мечами. Несчастный был весь в крови, а его рука так и осталась изувеченной.

В течение всей трапезы Гарет то и дело прикасался к ней. Один раз он даже положил ее руку себе на бедро и сплел ее пальцы со своими. Джиллиан стиснула зубы — она еще не забыла их неприятного разговора наверху. Более того, подобный жест выглядел уж слишком интимным в присутствии посторонних. Хотел ли он тем самым поддразнить ее? Или делал это исключительно ради Ковингтона и Сеймура? Без сомнения, и то и другое отчасти было верно. Она улыбалась гостям для видимости, внутри же кипела негодованием.

К тому времени как на стол подали последний поднос, нервы Джиллиан были до такой степени взвинчены, что у нее разболелась голова и ей отчаянно захотелось закричать. Ее самым большим желанием сейчас было как можно скорее скрыться у себя в комнате. Робби тоже присутствовал за ужином. Когда собравшиеся за столом стали постепенно расходиться, Джиллиан пробормотала, что ей нужно уложить мальчика в постель, поскольку его няня уже получила позволение удалиться к себе.

Взяв Робби за руку, Джиллиан направилась вместе с ним в коридор, но внезапно остановилась, когда заметила впереди, всего в нескольких шагах от них, очертания двух фигур — мужской и женской. Со своего места она не могла различить их лиц, однако видела, что мужчина прижал женщину к стене, задрал ее юбки и припав к ее губам жадным поцелуем. Она тут же перевела взгляд на Робби, который еще не успел заметить пару.

— Пойдем, — произнесла она поспешно. — Мы пойдем другим коридором.

Она собиралась повернуться и на цыпочках проследовать обратно к залу. Но тут до нее донесся слабый стон, и стон этот определенно не был выражением восторга.

— Нет! — прерывистым голосом молила женщина, слова с трудом давались ей из-за слез. — Прошу вас, нет!

Джиллиан снова бросила взгляд через плечо, и глаза ее округлились. Да это же Линетт! Линетт тоже заметила ее.

— Миледи! — закричала она.

Джиллиан не стала задумываться, а сразу перешла к действиям. Метнувшись вперед, она схватила мужчину за волосы и дернула что было сил. Голова насильника запрокинулась, и он дико взвыл во весь голос. Им оказался не кто иной, как Роджер Сеймур. Когда Сеймур развернулся, чтобы взглянуть в лицо нападавшему, он замахнулся локтем и угодил им прямо в грудь Джиллиан, отчего та упала прямо на холодный пол.

Все дальнейшее происходило словно в тумане. Робби бросился ей на выручку, вцепившись зубами в ногу Сеймура. Тот грязно выругался. Выражение его изумленных глаз при виде маленького обидчика доставило Джиллиан ни с чем не сравнимое удовлетворение. Однако он тут же схватил Робби за ворот и грубо отшвырнул его в сторону. Мальчик упал на пол рядом с Джиллиан. Она крепко прижала малыша к себе, сжав в объятиях и заслоняя его своим телом. С блестящими от негодования глазами она через силу выпрямилась и, вскинув голову, смело встретила взгляд разъяренного Сеймура. Лицо его исказилось злобой, он оскалил зубы, словно дикий пес, с которым она его недавно сравнила.

— Клянусь Иисусом Христом, я еще проучу тебя, сучка! — выругался он и, сжав мясистый кулак, замахнулся для удара.

Тут кто-то перехватил его руку и заломил за спину. Чьи-то пальцы, словно тиски, сжали ему запястье, и эта хватка была такой безжалостной, что глаза у Сеймура полезли на лоб от боли.

— Вам предложили гостеприимство в моем доме, Сеймур. Но если вы только посмеете прикоснуться к моей жене или сыну — да что там, даже к самой последней горничной моей жены! — я не только откажу вам в приеме, но и вынужден буду вас убить.

Рядом с Гаретом стояли сэр Маркус и Ковингтон. Гарет говорил, не повышая голоса, однако во всем его облике чувствовалась неприкрытая угроза.

Сеймур был отпущен на свободу. Джиллиан понимала, что стоит тому сделать хотя бы одно неверное движение, как Гарет тут же приведет свою угрозу в исполнение.

Линетт так и не двинулась с места, прижимаясь к стене, рот ее приоткрылся от ужаса. Тут Маркус принял Робби из рук Джиллиан, после чего осторожно подхватил под локоть Линетт и увел ее прочь.

Воцарилось неловкое молчание, которое первым нарушил Джефффри. Он неестественно рассмеялся:

— Что ж, Сеймур, похоже, вы встретили в этих двоих достойных соперников.

Сеймур метнул на него свирепый взгляд и обратился к Гарету. Вес еще потирая запястье, он кивнул головой в сторону Джиллиан.

— Вы поедете завтра с нами под знаменами короля, Соммерфилд, так что я согласен на время забыть об этом происшествии. По правде говоря, я сомневаюсь, что девица того стоит! — С глумливой усмешкой он кивнул вслед Линетт. — Что до вашей жены, то я готов поклясться, что она такая же предательница, как и ее изменник отец! Поскольку вы теперь один из нас, я удивлен тем, что вам удалось прожить рядом с ней так долго. И как только она не перерезала вам горло посреди ночи!

Гарет ответил на последнее замечание с подобающей случаю ленивой улыбкой:

— Я ни о чем не сожалею, Сеймур. Осмелюсь заметить, что она вполне довольна мною как мужем, а я вполне доволен ею как женой. — Он привлек к себе Джиллиан: — Пожалуй, вам самому не мешает подыскать себе такую женщину, как она.

Джиллиан тут же словно оцетинилась. Была ли она довольна им как мужем? Что ж, вполне возможно, но... С тонкой улыбкой на губах Гарет поклонился:

— Я желаю вам обоим спокойной ночи, господа. Увидимся утром.

С этими словами он почти силой увлек за собой Джиллиан в спальню, остановившись лишь для того, чтобы поставить у дверей Сеймура двух часовых. Едва оказавшись в комнате, Джиллиан приподняла брови:

— Часовые, милорд? И к тому же двое? Неужели вы ему не доверяете?

— Нет, — отрезал Гарет, окинув ее хмурым взглядом с ног до головы. — Он не причинил тебе вреда?

— Ах, наконец-то ему пришло в голову спросить меня об этом! Какое это имеет значение, если завтра утром ты все равно уезжаешь вместе с ним?

Глаза его прищурились.

— Отвечай мне, Джиллиан.

— Нет. — Теперь настала ее очередь быть с ним резкой.

Сложив руки на широкой груди, он снова окинул ее долгим испытующим взглядом.

— Ты проводишь меня завтра утром?

— Провожать тебя? Вместе с людьми короля? — В ее голосе звенел горький упрек,

который она не в силах была скрыть. Без единого слова Гарет развернул ее лицом к себе.

— Думаешь, я заодно с королем? — спросил он, не скрывая своего неудовольствия.

— Не думаю, а знаю! Ты один из них, как о том и говорил Сеймур! Не далее как завтра утром ты поедешь под его знаменами...

— А чего еще ты от меня хочешь? Чтобы я ответил ему отказом, а потом он обрушил свой гнев на нас обоих?

— Да, пожалуй, в твоих словах есть смысл, — вынужденно согласилась Джиллиан. — И тем не менее я невольно задаюсь вопросом, не останешься ли ты навсегда его покорным слугой. — В глубине души она понимала, что это несправедливый упрек, однако ничего не могла с собой поделать. — Похоже, что ты, как и Сеймур с Ковингтоном, не более чем один из королевских при...

— Не говори так, — процедил Гарет сквозь зубы. — Ради всего святого, Джиллиан, не смей...

Однако она посмела.

— Да! — набросилась она на него, забыв об осторожности. — Ты один из королевских...

Тут его губы обрушились на нее. Жаркие, требовательные, они заглушили обидные слова, готовые сорваться с языка. Она почувствовала себя совершенно невесомой, когда его сильные руки подхватили ее и перенесли на постель. Его тяжелое тело последовало за ее собственным. Джиллиан отвернула голову в сторону и тихо охнула, когда его губы скользнули вниз по ее изящной шее, задержавшись на миг возле пульсирующей жилки. Затем Гарет снова приник к ее губам, требуя с присущей ему властью и настойчивостью поцелуя, в котором она уже готова была ему отказать, и поцелуй этот оказался таким всепоглощающим, что у Джиллиан вырвался стон отчаяния. И почему с ним всегда было так? Ему стоило только прикоснуться к ней, чтобы полностью подчинить себе, заставив весь мир вокруг нее раствориться в небытии, и разжечь в ней огонь страсти, который распространялся по ее жилам, подобно лесному пожару. И он сам это знал... да, знал! Ибо лишь когда ее губы затрепетали в ответ под его собственными, он наконец приподнял голову и посмотрел горящими от возбуждения глазами. Джиллиан вздохнула, и вздох ее был низким и прерывистым.

— Зачем тебе это нужно? — спросила она дрожащим голосом и с трепещущим сердцем. — Ты уже сделал свое дело, получив то, что хотел. Твое семя осталось в моем чреве. Я ношу под сердцем твоего ребенка, Гарет. Твоего, и ничьего больше! Так что теперь тебе нет нужды...

Его глаза потемнели.

— Нет нужды, говоришь? Хочешь знать почему? — Голос его был полон проникновенной силы. — Когда-то — не так давно — мое тело пылало жаром. Но теперь этим жаром стала ты, Джиллиан. Он бушует во мне, проникая в самую душу. Я бы остался с тобой, если бы мог, но я не могу. Пожалуйста, не отвергай меня, ибо я хочу сохранить этот миг в своем сердце на все те долгие одинокие ночи, которые мне придется провести в разлуке с тобой.

Его пламенный взгляд сковал ее волю точно так же, как его крепкие руки, обнимавшие ее стройную фигуру. По всему ее телу пробежали мурашки. В нем не было ни высокомерия, ни решимости, но только пылкое, жаждущее утоления желание, которое заставило его глаза вспыхнуть изумрудным огнем.

Джиллиан оказалась бессильной против всего этого. Против него. Против своей собственной страстной тоски. Со сдавленным криком она обвила руками его шею. Недавняя вспышка гнева была тут же позабыта. Все исчезло у нее из памяти — король, его люди, — все, кроме отчаянной потребности, которая нарастала в ней, подобно приливной волне. Она наслаждалась поцелуем Гарета, силой его объятий. Их одежда оказалась сброшенной на пол. Он приподнялся над Джиллиан, одним своим видом подчиняя себе, и она с особой, болезненной остротой ощутила его близость. Он обладал мрачным величием, недюжинной силой и почти кошачьей грацией. Ее ладони скользнули вниз, по лоснящимся очертаниям его мускулистых рук и бугристых плеч, таких тугих и гибких под гладкой упругой кожей. Затем ее маленькая рука скользнула еще ниже... вплоть до твердого, как сталь, орудия его мужской силы.

Ее обдало жаром, едва она прикоснулась к нему здесь. Он сделал резкий вдох и закрыл глаза. Она слышала биение его сердца совсем рядом с ее собственным. Охваченная тем же страстным порывом, Джиллиан услышала его прерывистый шепот:

— Возьми меня. Впусти меня в свое тело...

Джиллиан просто не могла отказать — ни ему, ни себе.

Затаив дыхание, поражаясь собственной смелости, она обхватила своими изящными пальчиками его плоть и направила ее между влажными, черными как смоль завитками прямо к своему шелковистому лону.

Когда он вошел в нее, ни у одного из них не хватило духа отвести глаза в сторону. Зрелище было волнующим, чувственным и довело их обоих до полного исступления. Гарет содрогнулся, гримаса удовольствия исказила его лицо, когда он одним движением погрузился в глубь ее тела и затем отстранился, чтобы проникнуть в нее еще и еще раз... Его шепот щекотал ей щеку:

— Помни об этом, моя прелесть. Помни обо мне...

Она застонала, когда он сделал очередной выпад, снова погрузившись в нее. Он делал это снова и снова, хотел добраться до самых заветных глубин ее существа. Пальцы Джиллиан вцепились в его плечи, багровое пламя страсти застилало ей глаза.

— Гарет! — услышала она собственный шепот, который вскоре перешел в крик: — Гарет!

Вспыхнувший в ней восторг распространился по всему ее телу, полный такой силы, что с губ ее снова и снова срывались крики. Пульсирующий поток вырвался наружу из глубин, наполняя Джиллиан жгучим огнем.

Однако это еще не было концом той памятной ночи. То было лишь самое начало...

Незадолго до рассвета, совершенно изможденная, она погрузилась в глубокий сон. Ей показалось, что она едва успела сомкнуть веки, как в комнате послышался какой-то шорох. Ощувив с особой остротой отсутствие Гарета, она тут же широко раскрыла глаза. Он стоял рядом с камином, такой же высокий и сильный, как всегда, уже одетый к предстоящему путешествию. Подвесив к поясу меч, он обернулся к ней и встретил ее взгляд.

Несколько шагов — и он оказался рядом с постелью. Лицо его было бесстрастно. Он посмотрел на нее сверху вниз.

— Я должен ехать, — только и мог сказать он.

Как показалось Джиллиан, ему не терпелось пуститься в путь. На нее навалилась тоска. Свинцовая тяжесть сдавила грудь, горечь растекалась по жилам, словно медленно действующий яд. Если бы в этой самой постели перед ним лежала Селеста, неужели он бы

повел себя столь же равнодушно и бесстрастно? О нет! Он бы крепко прижал ее к себе и постарался задержать свой отъезд, насколько возможно. Даже воздух, наполнявший ее легкие, причинял ей нестерпимые муки.

— Что ж, тогда уезжай! — крикнула она. — Король давно тебя ждет.

И отвернулась, уткнувшись в подушку.

Лицо Гарета помрачнело, и он негромко выругался:

— Черт возьми, Джиллиан!

Он взял ее за подбородок и заглянул в глаза. Джиллиан попыталась ударить его по руке, однако он не собирался ее отпускать. Только желваки на щеках и огонь в глазах выдавали его гнев. В горле у нее обжигающим комком встали слезы — слезы, готовые брызнуть. Она поспешно заморгала, боясь, что он увидит их.

Он находился так близко, что она ощущала тепло его тела, еще недавно согревавшего ее. Как же ей хотелось обнять его и прильнуть к груди, умоляя остаться!

— Уезжай, — с трудом выдавила Джиллиан. — Умоляю тебя, Гарет, уезжай поскорее!

Странное выражение появилось в его глазах — этому она не могла подобрать названия. меховые покрывала были отброшены в сторону, его губы обожгли ее, словно клеймом... и на прощание один короткий поцелуй на гладкой поверхности ее живота.

— Береги себя... и моего ребенка.

Затем раздался звон шпор, стук каблуков, щелчок задвижки на двери... и затем все стихло.

Это оказалось выше ее сил. Сердце ее сжалось от боли и отчаяния. Что она наделала? Горячая слеза скользнула вниз по щеке, и Джиллиан вдруг разрыдалась горько и безутешно.

Слишком поздно она пожалела о своем безрассудстве и о своей глупой гордости. Натянув на себя платье, не обращая внимания на растрепанные волосы и изумленные взоры встречающих, она поспешила во двор замка.

Увы, мужа там уже не было.

— Как по-твоему, Гарет любил Селесту? — спросила Джиллиан у Линетт спустя несколько недель после отъезда Гарета, сидя вместе с ней на скамье у окна спальни. Этот вопрос все время был у Джиллиан на уме...

как и сам Гарет все время был у нее на уме. Она отложила вышивание в сторону и внимательнее присмотрелась к горничной.

Линетт смутилась. Джиллиан заметила в ее широко раскрытых карих глазах легкую настороженность.

— Миледи, — ответила девушка застенчиво после некоторого колебания, — не лучше ли вам спросить об этом его светлость?

Джиллиан сложила руки на коленях.

— Его здесь нет, Линетт. Кроме того, он не помнит своих чувств к ней. — Ей не оставалось ничего другого, как только честно признаться во всем горничной. — Но ты ведь знаешь, не правда ли, Линетт?

Девушка в замешательстве поджала губы. Джиллиан положила ей руку на плечо.

— Пожалуйста, будь со мной откровенна, Линетт. Я должна это знать.

— Да, — ответила Линетт медленно. — Он любил ее, и она тоже любила его.

Голос Джиллиан звучал едва слышно:

— И что, эта любовь возникла до или после свадьбы? Глаза Линетт округлились.

— Миледи...

— Просто расскажи мне все как есть, Линетт. Прошу тебя.

Линетт на миг потупилась и снова посмотрела на свою госпожу.

— Она возникла еще до свадьбы. — Горничная помедлила. — Отец леди Селесты как раз собирался объявить о ее помолвке с другим мужчиной, когда ее встретил милорд. Уже через месяц они поженились.

Грудь Джиллиан пронзила острая боль. Не важно, что она ожидала услышать в ответ нечто подобное — она почему-то догадывалась об этом с самого начала. Все равно слова, произнесенные вслух, терзали ей душу.

— Гарет однажды вспомнил, что леди Селеста умерла от какой-то болезни, — тихо сказала Джиллиан. — И что она ждала тогда ребенка.

На лицо Линетт словно набежала тень.

— Да, — ответила она как можно мягче. — Это случилось зимой, почти два года тому назад. Она и Робби оба заболели и были очень плохи — такие бледные, изможденные. Их постоянно мучили кашель и одышка. Леди Селеста очень боялась, что Робби не выживет, ведь он был тогда еще таким маленьким. К великому горю, она сама скончалась вместе с ребенком, которого носила под сердцем.

Джиллиан на миг притихла.

— А Гарет?

— Он не был болен.

Неужели Линетт умышленно неверно истолковала ее слова? Или просто щадила ее чувства? Но в таком случае не были ли ее собственные чувства слишком очевидными?

— Я не об этом, — поспешно проговорила Джиллиан. Лишь ценой огромного усилия ей удалось держать себя в руках. — Как он чувствовал себя после смерти леди Селесты? — Она

заколебалась. — Когда король Иоанн был здесь, он упоминал о том, что Гарет был жесточен и подавлен кончиной жены.

— Нет, — ответила Линетт твердо, — он не ожесточился. Возможно, он действительно чувствовал себя подавленным и временами становился раздражительным, но жестоким он не был никогда. И... мне бы не хотелось причинять вам боль, миледи, но мы все знали, как глубоко он переживал смерть леди Селесты. Его глаза всегда оставались такими пустыми, кроме тех минут, когда господин находился рядом с Робби.

Джиллиан печально улыбнулась:

— Она была очень красива, не так ли?

— Да, миледи. В ней все было прекрасно — и лицо, и фигура, и сердце. Все, кто ее знал, души в ней не чаяли. Она была очень доброй, мягкой и нежной, — тут Линетт неожиданно опустилась на колени, — как и вы, миледи. Вы тоже такая добрая, мягкая и нежная. Все слуги в замке Соммерфилд уже успели полюбить вас, как они когда-то любили леди Селесту... и милорд тоже. Глаза Джиллиан затуманились.

— Ах, Линетт! — только и могла произнести она в ответ, и голос ее дрогнул. — Ты даже представить себе не можешь, до чего мне приятно это слышать!

Под влиянием внутреннего порыва она обняла горничную. Глаза Линетт тоже подозрительно заблестели, когда они наконец разомкнули объятия. Обе рассмеялись слегка смущенно и занялись делами. Джиллиан готова была разрыдаться от отчаяния. Она не хотела разочаровывать Линетт и потому не сказала ей ни слова, однако то, что говорила ей горничная о Гарете, было неправдой. Гарет так и не полюбил ее, и она опасалась, что этого не произойдет никогда...

Настроение ее в тот вечер было как никогда печальным. Когда Джиллиан расчесывала перед сном волосы, она подобрала одну длинную черную прядь, и та струйкой легла ей на ладонь. Волосы ее оставались по-прежнему мягкими, блестящими и живыми, ибо беременность почти не нанесла ущерба ее здоровью, если не считать нескольких дней перед отъездом Гарета. Но почти тут же в горле у нее встал болезненный комок, едва она вспомнила, с каким неистовством, почти с отчаянием он предавался с ней любви в ту последнюю памятную ночь, и снова услышала над самым своим ухом его полный пылкой страсти шепот.

«Пожалуйста, не отвергай меня, — сказал он ей тогда, — ибо я хочу сохранить этот миг в своем сердце на вес те долгие одинокие ночи, которые мне придется провести в разлуке с тобой... Помни об этом, моя прелесть. Помни обо мне...»

Но так ли это на самом деле? — спрашивала себя Джиллиан удрученно. Ведь он любил Селесту, любил всем сердцем, как никогда не любил ее. И она невольно задавалась вопросом, что произойдет, если он вспомнит свою жизнь с Селестой. Она пыталась сделать вид, будто для нее это не имело значения, но в действительности это было далеко не так. Не грех ли завидовать Селесте — с ее золотистыми волосами и мягкой, любящей натурой? Джиллиан не могла и не хотела обманывать себя. У Гарета имелись все основания любить Селесту.

Нестерпимая мука охватила все ее существо. Он дал ей свое имя. Свое семя. Но вполне возможно, что его сердце так и останется для нее навсегда закрытым, вместе с его воспоминаниями о Селесте. И за этой мыслью сразу же последовала другая, пронзившая ей грудь, подобно вонзенному кинжалу. Не может ли случиться так, что он будет любить их дитя меньше, чем своего сына от Селесты? В конце концов, Робби был ребенком, зачатый по

любви, тогда как их ребенок был зачат по необходимости.

На следующее утро подушка Джиллиан все еще оставалась влажной от слез.

Долгие теплые летние дни сменяли друг друга, однако Гарет так и не вернулся. Всем сердцем она надеялась как можно скорее снова увидеть мужа. Каждый день по утрам и вечерам молилась о благополучном возвращении Гарета, ибо не доверяла ни королю Иоанну, ни его приспешникам.

Только Робби сделал ее разлуку с мужем не такой нестерпимой, поскольку отнимал у нее много времени и сил. Жизнерадостный звонкий смех мальчика неизменно поднимал ей настроение. Именно с Робби она поделилась своей радостью, когда почувствовала первое шевеление младенца в своем чреве, ибо ее будущее дитя с каждым новым днем росло и набиралось сил, делая полными ее живот и груди. Робби играл с глиняными шариками на полу, однако вскоре вскарабкался на скамью у окна и уселся рядом с Джиллиан. Она привлекла мальчика к себе, и тот уютно прижался к ее боку. Она приложила его ладонь к своему животу, накрыв короткую пухлую ручонку своею. Словно угадав ее желание, младенец в ней начал брыкаться как раз под этим самым местом — сначала чуть заметно, потом сильнее. Почувствовав это, Робби ахнул и испуганно отдернул руку.

— Не бойся, — произнесла Джиллиан, тихо рассмеявшись. Робби выпрямился и со смешанным чувством любопытства и недоверия уставился на ее живот.

— Что там?

— Ребенок, который растет во мне, — объяснила ему Джиллиан, — и который приходится тебе братиком или сестричкой.

— Так вот почему ты так располнела?

Джиллиан снова рассмеялась, ибо понимала, что в его словах не было ничего похожего на неуважение или желание обидеть.

— Да, наверное. Но он должен вырасти еще больше, прежде чем появится на свет.

Робби склонил голову набок.

— А как он выйдет наружу?

Линетт тоже находилась вместе с ними в комнате. На какой-то миг Джиллиан выглядела настолько ошеломленной, что не в состоянии была произнести ни слова. Она перевела ничего не выражающий взгляд на Линетт, чьи глаза стали такими же огромными, как и ее собственные. Но затем плечи Линетт начали сотрясаться от беззвучного смеха.

Робби все еще ждал ответа.

— Как младенец выйдет наружу? — снова спросил он. Джиллиан прикусила губу.

— Робби...

— А папа это знает?

Джиллиан снова посмотрела в сторону Линетт, глаза которой так и искрились весельем. Брови горничной слегка приподнялись, словно она тоже ожидала ее ответа.

— Да, — отозвалась она слабым голосом. Робби с самым невозмутимым видом уставился на нее.

— Может быть, он объяснит мне все, когда вернется. — Почти тут же его детские губки выпятились вперед. — Но погоди. Как этот ребенок попал в твой живот?

Джиллиан пришла в полный ужас. Она не сомневалась в том, что ее лицо сделалось пунцовым, и теперь сожалела о том, что вообще завела этот разговор.

— Он что, заполз туда?

Джиллиан захотелось провалиться сквозь землю.

— Я... я не могу ответить тебе, Робби. Но думаю, ты прав. Такие вопросы сыну лучше всего обсуждать с отцом.

— Кажется, и ты не знаешь. — Робби скрестил руки на своей маленькой груди и кивнул. — Наверное, тебе тоже не мешает спросить об этом папу.

— Да, наверное, — отозвалась Джиллиан чуть слышно.

— Может быть, он даже покажет тебе...

Джиллиан не знала, смеяться или плакать. В самом деле, подумалось ей смутно, он уже ей это показал...

— Знаешь, он научил меня ездить верхом на пони, — похвастался Робби.

— Твой отец... человек больших познаний и... незаурядных способностей, — задыхаясь, произнесла в ответ Джиллиан.

Плечи Линетт, когда та покинула комнату, все еще сотрясались от еле сдерживаемого смеха. В одном Джиллиан была совершенно уверена: она ни за что не станет задерживаться в комнате, если Робби вздумает задавать подобные вопросы Гарету в ее присутствии!

Как-то раз несколько дней спустя, посреди ночи, в ее дверь постучали. Открыв дверь, Джиллиан обнаружила на пороге няню Робби и самого мальчика рядом с ней.

— Извините меня за вторжение, миледи, — произнесла няня поспешно, — но малыш очень беспокоится и отказывается ложиться спать до тех пор, пока не увидит вас. Я очень сожалею о том, что вас потревожила, однако он на этом настаивал. Джиллиан широко раскрыла дверь.

— Ничего страшного не случилось, няня. Робби может провести остаток ночи со мной, — тут она перевела взгляд на мальчика, — если только вы не против, мой маленький лорд.

В ответе не было необходимости, поскольку Робби уже успел юркнуть в комнату, вцепившись в ее ночную рубашку и уткнувшись лицом в ее колени.

Она пожелала няне спокойной ночи, после чего закрыла дверь и усадила его на постель, притворно охнув:

— Ба, какой же ты стал тяжелый! Ты так вырос, что, боюсь, твой папа не узнает тебя при встрече.

На губах Робби промелькнуло слабое подобие улыбки, но почти тут же она исчезла. Глаза его выглядели покрасневшими и опухшими, по-видимому, мальчик недавно плакал. Джиллиан забралась в постель и накрыла их обоих одеялом. Она понимала, что с ним что-то неладно, но решила, что будет лучше, если он сам ей обо всем расскажет.

Она крепко прижала Робби к себе, чмокнув в лоб, и мальчик уютно пристроился у нее под боком. Его пухлая щека покоилась у нее на руке, пальцы сжались в кулачок поверх ее округлившегося живота.

Ей не пришлось долго ждать.

— Джиллиан, — шепотом спросил он, — ты надолго здесь, в Соммерфилде?

Его вопрос застал Джиллиан врасплох. С тех пор как они с Гаретом поженились, с тех пор как она узнала о своей беременности, она предполагала, что останется после рождения ребенка здесь — до конца своих дней. Но теперь ее охватил страх. Как только опасность со стороны короля Иоанна минует — Джиллиан претила сама мысль о том, что этого может никогда не случиться, — что ждет ее тогда? Неужели Гарет захочет выгнать ее из замка, избавившись от нее, а заодно и от собственного ребенка?

Нет! Нет! Этот ответ вырвался из самых заветных глубин ее души. Да, ей неприятно

было сознавать, что Гарет находился на службе у короля, однако она не могла осуждать его за это. Отправившись за ней и Клифтоном много месяцев тому назад, он хотел лишь защитить своего сына. Взяв ее в жены, он хотел лишь защитить ее. Она никогда не узнает о том, каким человеком он был. По правде говоря, он сам мог никогда не узнать о том, каким человеком был когда-то. Но зато она знала очень хорошо, каким он стал теперь. В каждом своем поступке, в каждом слове, в каждом жесте он оставался человеком чести, достойным всяческого уважения. Человеком глубоких чувств, заботливым и внимательным. Да, только чувство долга впервые привело его к ней. И то же самое чувство долга связало его с ней навсегда — долга мужа и отца. Он был не из тех людей, которые пренебрегают своими обязанностями. Возможно, он никогда не полюбит ее, как любил Селесту, но ни за что не бросит ее в беде.

А она ни за что не бросит его. Ибо теперь вопрос доверия, который не давал ей покоя с тех самых пор, когда она выхаживала его в домике на берегу, наконец-то был решен окончательно и бесповоротно. Она доверила ему свою жизнь, и до сих пор он ревностно оберегал ее.

Он был ее мужем. Ее сердцем. И если бы только в один прекрасный день он полюбил ее так же, как когда-то Селесту... и как любила его она сама!

Однако Робби все еще ждал ее ответа. Она пригладила волосы у него на лбу.

— Навсегда, — прошептала она, смахнув слезу, пока мальчик не заметил. — Я останусь здесь навсегда, Робби.

— Ты не покинешь меня, как моя мама? — Голосок его показался ей слабым и дрожащим, и Джиллиан замерла.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, Робби? Неужели кто-то сказал тебе подобную глупость?

— Да, — признался он жалобно.

— И кто же?

— Седрик, сын каретника. Я сказал ему то, что сказала мне ты... что моей матерью была леди Селеста и **что она** сейчас на небесах, вместе с нашим Господом. Но он в ответ только рассмеялся и заявил, что моя мать покинула меня потому, что совсем меня не любила.

— Это неправда, Робби! — Джиллиан уселась в постели, слегка повернувшись, чтобы заглянуть ему в глаза. Она пыталась подобрать нужные слова для ответа. — Седрик ошибается. Твоей мамой действительно была леди Селеста. Она носила тебя вот здесь, — тут она приложила его маленькую ручку к своему животу, — как я сейчас ношу под сердцем этого младенца. Твоя мама была первой женой твоего отца. Я уже говорила тебе об этом, разве не помнишь?

Робби кивнул, не спуская с нее, однако, печальных глаз.

— Твоя мама не покинула тебя. — Голос ее звенел убежденностью. — Она не собиралась тебя бросать. Просто она была очень больна и... и умерла. Она ушла от тебя не по своей воле. И тебе нет нужды говорить об этом Седрику, потому что я поговорю с ним сама.

Она так надеялась утешить его, успокоить. Однако вид у него по-прежнему оставался удрученным. Ее руки обвили его плечи.

— Робби, Робби, ты понял меня?

— Да, — ответил он.

— Тогда в чем же дело, дорогой? Он смахнул слезу, катившуюся вниз по его щеке.

— У меня по-прежнему нет мамы, — произнес мальчик своим дрожащим голосом, — и никогда не будет, если только... если только ты не согласишься стать моей мамой. — Он подвинулся к ней поближе, устремив на нее испытующий взгляд огромных зеленых, как у отца, глаз. — Я... я могу называть тебя мамой?

Джиллиан смотрела на него. «Робби, — подумала она про себя, не в силах совладать с волнением. — Мой дорогой, милый мальчик...»

Она вспомнила тот день, когда малыш впервые вошел к пей в комнату, спрашивая, не она ли его мама, и тут что-то оборвалось в ее груди. Да, Робби не был ее сыном, ее плотью и кровью. Она не могла чувствовать, как он шевелится у нее под сердцем, и все равно она не могла бы любить его больше. Она любила его за его звонкий смех и добрый мягкий нрав. За ту радость, которая охватывала ее всякий раз, когда она прижимала его к своей груди. За тот ни с чем не сравнимый восторг, который он привнес в ее жизнь. Она любила его потому, что он был сыном Гарета...

И ее сыном тоже.

Тут она почувствовала в душе острые уколы совести. Ее ревность к Селесте сразу показалась ей чем-то низким и мелочным — ведь той уже никогда не суждено прижать это мягкое крепкое тельце к своей груди. Селесте и так слишком многого не дано было увидеть. То, как ее сын, взяв в руки палку, упражняется вместе с Гаретом в фехтовании — зрелище, которое неизменно вызывало у Джиллиан улыбку. То, как он понемногу становится высоким и статным, даже в свои юные годы...

Сердце сжалось в ее груди, по щекам потекли слезы. Она протянула руки к Робби, крепко прижав его к себе. Ее пальцы нежно поглаживали его щеки.

— Робби, — произнесла она дрожащим голосом, — ты уверен, что хочешь именно этого? Называть меня мамой? — Она чуть отстранилась и заглянула ему в глаза.

— Да, — не раздумывая ответил Робби.

Приятное ощущение тепла разлилось по всему ее телу.

— Я буду этому очень рада, Робби. Если тебе нравится называть меня так, то мне это понравится еще больше!

Джиллиан крепко обняла мальчика и долго не отпускала от себя, уткнувшись подбородком в золотистое облачко его волос. Наконец она отстранилась от него и шутливо погрозила пальцем:

— Ну а теперь, юный сэръ, вам пора спать. В глазах Робби вспыхнули искорки.

— Хорошо... мама! — С озорным смешком он отскочил на противоположную сторону кровати.

Джиллиан подхватила его и рассмеялась сквозь слезы. Он прикорнул рядом с ней, теплый и довольный.

На следующее утро они оба проснулись позднее обычного.

— Папа дома! — радостно закричал Робби, врываясь в главный зал с внутреннего двора замка.

Джиллиан только что вернулась из кладовой. Глаза ее округлились от испуга, она всплеснула руками.

— Скажи мне, Линетт, нет ли у меня грязи на лице? А на подбородке? — Она подвязала волосы лентой, чтобы не мешали во время работы. Без сомнения, вид у нее сейчас был совсем как у девчонки!

— Волосы! — засуетилась она. — Я должна расчесать волосы! — Джиллиан опустила глаза на свои юбки и так и ахнула. — Боже, до чего же я грязная! Мне нужно принять ванну...

Линетт только рассмеялась в ответ. Она смахнула паутину с ее юбок, после чего выпрямилась и с улыбкой произнесла:

— Вы выглядите чудесно, миледи, поверьте. К тому же у вас уже нет на это времени. — Она приподняла брови и кивнула, давая понять, что они находились в комнате не одни.

Джиллиан тут же повернулась, и сердце подпрыгнуло в ее груди.

Гарет стоял в дверях с Робби на руках — живой, невредимый и ошеломляюще красивый. Глаза их встретились и не могли оторваться друг от друга. Затем он медленно опустил на пол Робби и приблизился к ней, по-прежнему не сводя с нее взгляда.

И Джиллиан тоже не в силах была оторвать от него глаз. Весь мир мог обрушиться вокруг нее, и тем не менее в нем остались бы они двое. Она бы ни за что не двинулась с места, даже если бы из-под ее туфель вырвались языки адского пламени. Он стоял перед ней — так близко, что ей стоило только протянуть руку, чтобы дотронуться до него. О Боже, как же ей этого хотелось! Провести пальцами по щетине на его подбородке, так приятно щекотавшей ей ладонь, по его гладким губам...

— А ты, я вижу, поправился, — проговорила она, разглядывая его высокую мощную фигуру. Широкая грудь и плечи натягивали ткань его туники так, что на ней не осталось ни единой морщинки.

Уголки его губ слегка приподнялись, и он осмотрел ее с головы до ног.

— Как и ты, моя прелесть. Джиллиан так и вспыхнула румянцем.

— Да, наверное... в некоторых местах.

Рука ее взметнулась к талии. С тех пор как они в последний раз видели друг друга, прошло почти три месяца. Джиллиан знала, что выглядит теперь совсем иначе, чем в тот день, когда он ее покинул.

— Робби говорит, что я располнела.

— Нет, вряд ли, — усмехнулся в ответ Гарет. — Ты еще прекраснее, чем когда бы то ни было.

Его взгляд бродил по ее лицу с нетерпением, почти с алчностью, заставив ее сразу воспрянуть духом. Затем глаза его остановились на ее губах, отчего розовый румянец на ее щеках стал пунцовым, а сердце бешено заколотилось.

Его тонкие сильные пальцы подхватили ее под локоть, и они вместе направились в главный зал, куда уже начали понемногу собираться рыцари Гарета, узнавшие о возвращении хозяина. Пока слуги подавали на стол мясо и эль, они беседовали обо всем, что произошло в его отсутствие. Его люди горели нетерпением узнать последние новости из внешнего мира. Но когда один из рыцарей поинтересовался, чем занят сейчас король, внутри у Гарета словно погас свет и он внезапно стал печальным и задумчивым. Люди за столом притихли, вопросительно глядя на хозяина.

— Ветры недовольства дуют над страной, и притом сильнее, чем когда бы то ни было. Я боюсь за Англию. Я боюсь за Соммерфилд, — задушевно произнес Гарет. — До сих пор я старался не принимать ничью сторону — не идти на поводу у короля и не поддерживать мятежников. Однако теперь я задаюсь вопросом... не ошибся ли я?

— Вы сделали то, что должны были сделать, — ответил сэра Годфри. — Боже правый, ведь он же держал в руках жизнь вашего сына! Вы не могли помешать ему взять маленького

Робби в заложники. Иначе королевские войска сровняли бы Соммерфилд с землей!

Гарет поднял руку.

— Мне приятно слышать от вас эти слова, ибо, должен вам признаться, король подверг меня суровому испытанию. За несколько недель я изъездил едва ли не каждый холм и долину в Англии по меньшей мере по три раза. Король, видите ли, пожелал, чтобы я втерся в доверие к баронам, дабы снова привлечь их на его сторону. — Он помрачнел. — Нелегкая задача, смею вас заверить. По правде говоря, нередко мне едва удавалось унести вовремя ноги, ибо среди баронов есть немало таких, кто до сих пор смотрит на меня с подозрением, поскольку я не присутствовал на встрече в Раннимиде — и, возможно, зря. После того как Великая хартия вольностей потерпела поражение, ряды повстанцев заметно поредели, но теперь оставшиеся совершают набеги на владения короля, и я боюсь, как бы они не разорвали наше бедное королевство на части. Они не могут договориться между собой, что давно уже следовало бы сделать, и вместо этого погрязли в междоусобных распрях. К тому же сейчас для Англии появилась еще одна угроза...

— Из Франции, — тихо закончил за него сэр Маркус.

— Да, — подтвердил Гарет, и было видно, что каждое слово давалось ему с трудом. — Королю удалось заручиться благоволением папы. Иоанн пообещал ему, что когда с мятежными баронами будет покончено, он немедленно поведет свою армию в Святую землю. Теперь повстанцы оказались в немилости у церковных властей. Сражаясь против Иоанна, они превратили папу в своего врага. Просто глупцы, — заявил Гарет без обиняков, — все до единого, и только эта глупость заставила их обратиться к принцу Людовику Французскому, чтобы тот помог им нанести поражение королю Иоанну. Однако единственное желание Людовика — самому завладеть Англией! Более того, он уже захватил несколько замков в юго-восточной оконечности королевства, однако даже не подумал вернуть их баронам, умолявшим его о содействии. Вместо этого Людовик передал их своим собственным приспешникам!

Среди собравшихся пронесся протестующий ропот. Люди переглядывались между собой, не скрывая своего изумления и негодования.

— Я должен быть с вами откровенным. Король капризен и непредсказуем. Он доверил большую часть своего состояния монастырям, разбросанным по всей стране. Однако теперь он возит повсюду за собой в своем кортеже золото и драгоценности. — Гарет сделал паузу, окинув взглядом собравшихся за столом. — Если король Иоанн сумеет взять верх над баронами и принцем Людовиком, мы все проиграем. Но если победа окажется на стороне принца Людовика, мы все равно проиграем. Я не хочу делать вид, будто всегда принимал только верные решения. Однако нам всем сейчас предстоит сделать выбор, и я свой уже сделал. — Голос его выдавал глубокую убежденность в своей правоте. — Я больше не покину Соммерфилд. Я и так уже слишком долго отсутствовал. Король уже конфисковал замки и имущество многих из повстанцев, и я не намерен помогать ему в этом. Сейчас каждый сам за себя. Я не намерен уступать Соммерфилд ни королю Иоанну, ни Людовику Французскому, ни кому бы то ни было. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить мой дом, мои земли, мою семью и моих людей. Я не осужу вас и не стану вас останавливать, если вы решите принять сторону короля или повстанцев. Каким бы ни был ваш выбор, вы всегда вольны меня покинуть.

В зале воцарилась тишина. Джиллиан затаила дыхание.

Маркус первым поднялся с места, за ним Годфри и Бентли, и вскоре уже все рыцари

вскочили на ноги, высоко подняв свои мечи. Раздались дружные возгласы:

— Мы с вами, милорд!

— С вами до конца, милорд!

То было трогательное, волнующее зрелище. Слезы обожгли глаза Джиллиан, слезы гордости за мужа. Сколько же мужества требовалось от Гарета, чтобы проявить подобное смирение в присутствии своих людей!

Немного времени спустя они поднялись по ступенькам лестницы в спальню. Едва оказавшись там, Гарет сразу направился к камину. Он стоял там довольно долго, повернувшись к Джиллиан спиной и не говоря ни слова. Почувствовав напряжение в его позе, она нахмурилась.

— Гарет, — произнесла она наконец, — что случилось?

Плечи его казались сгорбленными, затем как-то неестественно поникли. Он обернулся, оказавшись к ней лицом к лицу, и в глубине его глаз отражались боль и неуверенность. В уголках губ залегли скорбные складки.

— Я был в Корнуолле, — произнес он тихо, — на морском побережье. Я остановился возле сельской церкви, чтобы отдать дань памяти могиле брата Болдрика.

— И что, ты это сделал? — Ей стало страшно.

— Нет. Никакой могилы там не оказалось.

— Что?! — воскликнула она. Гарет покачал головой.

— Я говорил с отцом Эйданом. По его словам, после нашего отъезда состояние брата Болдрика еще более ухудшилось, и он лежал при смерти. Однажды ночью отцу Эйдану пришлось его соборовать, и по завершении обряда брат Болдрик попросил оставить его одного. Отец Эйдан уважил его желание и удалился. — Он сделал паузу. — На следующее утро брат Болдрик ушел...

— Тогда почему же ты не нашел его могилы?

— Он ушел, Джиллиан. Ночью он покинул церковь. На следующее утро один из жителей деревни обнаружил следы недалеко от той самой хижины на берегу.

Джиллиан с ужасом уставилась на Гарета. Ей казалось просто невыносимым, чтобы брат Болдрик бросился в волны моря или остался лежать на берегу до тех пор, пока смерть и прилив не унесли его тело.

— Скорее всего мы так и не узнаем, почему он это сделал, — продолжал Гарет мягко. — Отец Эйдан ничего не смог мне объяснить.

— Ушел, чтобы умереть в одиночестве, — прошептала Джиллиан. — Не хотел ни для кого быть обузой...

Однако почти тут же в голову ей пришла другая страшная догадка. Может быть, причина была иной? Ей невольно вспомнилась судьба отца. Не потому ли, что Эллис из Уэстербрука покончил с собой, брат Болдрик решил последовать его примеру? Впрочем, Гарет прав, подумала она про себя с горечью. Скорее всего они так никогда и не узнают правды. Во всяком случае, не сейчас.

Слеза скатилась по ее щеке, потом еще и еще... Гарет сделал было шаг в ее сторону, однако Джиллиан замотала головой.

— Нет. — Голос ее дрогнул. — Да, мне сейчас тяжело, но в глубине души я все это время знала, что брат Болдрик мертв. Со мной все в порядке, честное слово. — И смахнула слезы со щек.

— Это еще не все, — тихо сказал Гарет. Джиллиан уставилась на него. По-видимому,

что-то в выражении его лица выдало его. Сердце ее бешено заколотилось, внутри все сжалось от страха.

— Это касается короля, не так ли?

— Да. Он... просто безумен, как мне кажется. Всю свою жизнь насмеялся над Богом и церковью, однако теперь он стал бояться Его. Он сам понимает, что много грешил в своей жизни, и теперь носит на шее реликвии святых, умоляя Бога пощадить его. Он все время опасается, что его отравят, и не садится за стол до тех пор, пока кто-нибудь из его приближенных не попробует его еду и питье. То он подозревает каждого встречного в заговоре с целью захвата короны. То вдруг заявляет, что убийца, которому удалось тогда скрыться, по-прежнему разыскивает его, чтобы уничтожить. Джиллиан, он снова поклялся во что бы то ни стало найти и покарать сообщника твоего отца... и Клифтона тоже.

Джиллиан побледнела, дыхание ее стало прерывистым. — А я?

— Он ничего не говорил о тебе, Джиллиан. И клянусь гробом Господним, ни король, ни кто-либо из его людей не посмеет причинить тебе ни малейшего вреда.

Джиллиан ничего не ответила.

— Послушай меня, — произнес он, первым нарушив воцарившееся молчание.

Она не хотела этого. Все ее существо, казалось, разрывалось на части. Однако в его тоне присутствовало нечто, требовавшее беспрекословного подчинения. Нетвердой походкой она пересекла комнату.

— Джиллиан... — Он перехватил ее руку, сжав ее между своими ладонями. У него были настоящие крепкие мужские руки, и ей вдруг снова захотелось расплакаться. — Ты слышишь меня, любимая?

— Да, — отозвалась она безжизненным тоном.

— Но ты мне не веришь. Джиллиан сглотнула.

— Нет, дело не в этом, — отозвалась она чуть слышно и попыталась отстраниться от него. Его хватка сделалась еще крепче.

— Что же тогда?

Храбрость изменила ей, сменившись набирающим силу страхом. Она едва в состоянии была говорить из-за комка, вставшего в горле.

— Поклянись мне, — произнесла она срывающимся голосом. — Дай мне слово, что, если со мной что-нибудь случится, ты позаботишься о нашем ребенке.

Гарет выругался себе под нос.

— Только не надо смотреть на меня так! Ничего с тобой не случится, обещаю.

Их глаза на миг встретились, она не выдержала его взгляда. Гарет снова выругался и притянул ее к себе поближе.

— Взгляни на меня, дорогая.

Блестящие сапфировые глаза были обращены на его лицо, и его выражение тут же смягчилось.

— Знай, что я твой муж. Знай, что я твой отныне и навеки. — Голос его понизился почти до шепота: — Знай, что я никогда не предаю тебя.

«Знай, что я твой муж».

«Знай, что я твой, отныне и навеки».

«Знай, что я никогда не предаю тебя».

Сердце сжалось в груди Джиллиан. Его клятва заставила ее затрепетать всем существом. Всклипнув, она спрятала лицо у него на плече. Гарет запустил пальцы в ее волосы, заставив ее приподнять голову.

Ее руки обвили его шею, и она обратила к нему дрожащие губы, словно в беззвучном призыве. Глаза Гарета вспыхнули. Из горла у него вырвалось приглушенное восклицание, и почти тут же его губы накрыли ее собственные. Он целовал ее так, как ей это виделось в ее грезх — с нежной властностью, со всепоглощающей силой. Опутанная темной сетью желаний, Джиллиан почувствовала, как страсть струится по ее жилам, растекаясь по всему телу и притупляя все прочие чувства.

Загорелая рука опустилась к ее животу. Его растопыренные пальцы оказались такими длинными, что почти полностью накрыли собой ее округлившийся живот, внутри которого свернулось в клубочек их дитя. Гарет неожиданно опустился перед ней на колени и, задрвав высоко юбки, положил ладони ей на живот. Джиллиан так и ахнула, упершись руками в его плечи:

— Гарет, перестань!

Он перехватил ее руки и прижал их к бокам.

— Тебе нечего стесняться, любимая. Я мечтал увидеть тебя такой.

— Ну, не совсем такой, надо полагать. — Когда он уезжал, ее талия еще оставалась тонкой, но теперь ее фигура заметно округлилась.

— А вот тут ты ошибаешься! — Его слова сопровождались низким хриплым смешком, руки двигались беззастенчиво по гладкой упругой поверхности ее живота. — Я так соскучился по твоему лицу... по твоему аромату... — Он поцеловал ее живот. — Ты прекрасна и желанна, как всегда, и... о Боже, как же мне тебя не хватало!

Последнее чувство нашло самый живой отклик в ее душе, и внезапно он оказался на ногах, высоко подняв ее в воздух. Изыщные пальчики покоились поверх жесткой щетины, покрывавшей его подбородок. Джиллиан улыбнулась, чувствуя, как радость пронизала все ее существо, подобно солнечному свету, пробившемуся сквозь туман.

— Мне тоже очень не хватало вас, милорд, — призналась она, безбоязненно открывая ему душу.

Гарет с нежностью рассмеялся:

— В таком случае, думаю, нам лучше продолжить этот разговор здесь.

Он уложил ее на постель, поспешно сбросив с себя одежду. Смущение, которое она чувствовала оттого, что он увидел ее в таком виде, скоро исчезло в потоке пламенных поцелуев и пылких ласк. Возможно, дело было в ее беременности, а возможно, в продолжительной разлуке, однако она ощущала каждое его прикосновение вплоть до самых заветных глубин ее души. Она громко вскрикнула, когда он проник в ее тело и его дыхание коснулось ее рта. Он наполнил ее собой, как его ребенок наполнил собой ее чрево. Теперь в ее душе больше не оставалось места для пустоты.

Дважды она поднималась по спирали до небес, прежде чем он достиг вершины

блаженства. Затем она медленно опустилась с райских высот на землю. Жестом, в котором чувствовалась непередаваемая словами мягкость, он смахнул влажные черные волосы с ее лба и припал к ее губам долгим нежным поцелуем, после чего привлек ее поближе к своему боку.

Перед самым ужином Робби недовольно надул губы, когда няня пришла за ним, чтобы уложить в постель. Он просил и умолял, однако Гарет оставался непреклонным. Наконец Робби, нахмурившись, взглянул на него снизу вверх, расположившись как раз между его сапог.

— Один поцелуй, и я пойду спать, папа, — заявил он. Взгляд Гарета как всегда был полон любви к сыну. Он покорно наклонился вперед и запечатлел легкий поцелуй на румяной щеке. Его рука на фоне белой кожи мальчика выглядела особенно загорелой.

— Ну а теперь пора в постель, сынок, — произнес он с притворной строгостью.

Глаза Робби вспыхнули озорным блеском.

— Нет, — произнес он, сморщив носик. — Теперь еще один поцелуй от мамы.

Джиллиан любовалась им, улыбаясь и качая головой, поскольку понимала, что он просто хотел оттянуть неизбежное. Но едва она услышала просьбу мальчика, которую тот произнес таким веселым, беззаботным тоном, как улыбка замерла на ее губах. Она была поражена тем, с какой легкостью Робби называл ее мамой и как естественно это звучало в его устах. Но это было впервые в присутствии Гарета.

Под взглядом Гарета у Джиллиан перехватило дыхание, однако она старалась этого не показывать и с самым беспечным видом, на какой только была способна, наклонилась к Робби, чтобы поцеловать его. Вскоре тот, довольный, вприпрыжку удалился вместе со своей няней.

Собрав всю свою смелость, Джиллиан рискнула бросить беглый взгляд на Гарета. На лице его застыло какое-то странное выражение, и сердце в ее груди на миг замерло. Селеста. Он думал сейчас о Селесте.

— Ты не возражаешь против того, что он зовет меня мамой? — спросила она тихо.

— Нет, — ответил он, однако в его тоне она не заметила ни одобрения, ни неодобрения.

Джиллиан сглотнула.

— Ты не сердись на меня? — Она считала своим долгом объяснить. — Видишь ли, когда ты уехал... дети дразнили его, говоря, что мать его бросила. Мальчик был совершенно подавлен, Гарет. Когда он попросил меня, я... я просто не могла ему отказать.

Он спокойно посмотрел ей в глаза:

— Почему я должен на тебя сердиться, Джиллиан?

— Потому, что я буду для него единственной матерью, которую он когда-либо узнает, — выпалила она. — Я... а не Селеста!

Он внимательнее всмотрелся в ее черты и тихо произнес:

— И ты думаешь, что я стану из-за этого сердиться? Джиллиан смущенно отвела глаза в сторону, не зная, что ответить.

— Да... то есть нет. — Она прерывисто вздохнула. — Ох, помоги мне Бог, я не знаю!

Он взял ее за подбородок.

— Робби любит тебя. Ты заботишься о нем так, как может заботиться только родная мать. — Тут его губы изогнулись в самой настоящей улыбке. — И я знаю, что ты любишь его, как может любить только родная мать. Так почему же я должен на тебя сердиться?

Глаза Джиллиан наполнились слезами.

— Но как быть с ней, Гарет? — Губы ее задрожали. — Не будет ли она сердиться из-за того, что ее сын называет другую женщину «мама»?

У Гарета перехватило дыхание. Улыбка померкла на его лице. Ибо они оба поняли без лишних слов, кого именно она имела в виду.

Селеста.

И где-то в глубине души Гарет сознавал, что она задала ему одновременно и другой вопрос.

— Мне бы хотелось думать, — ответил он мягко, осторожно подбирая слова, — что, как и я, она была бы признательна судьбе за то, что ее сына любит такая женщина, как ты.

Затем он так же осторожно заключил ее в объятия. Он знал, что его жена была сейчас особенно уязвима, и Бог свидетель, он ни в коем случае не хотел причинять ей боль...

Он не станет рассказывать ей о женщине, чей хрупкий облик на один короткий миг между двумя вздохами возник в его памяти. Женщине, чьи волосы развевались над ее плечами, подобно яркому солнечному свету, чья забота и сердечное тепло окружали всех ее близких кольцом любви. Когда-нибудь — возможно, но только не сейчас. Сейчас для него было вполне достаточно держать жену в объятиях и чувствовать, как ее маленькие изящные пальчики ухватились доверчиво за воротник его туники. Гарет со вздохом прижал к себе свою обожаемую жену, уткнувшись подбородком в темные волосы. Затем поднес ее руку к губам и запечатлел поцелуй на ладони.

Джиллиан, подумал он. Сердце мое. Жизнь моя. Да, возможно, когда-нибудь, когда настанет срок...

Пока же ему было довольно одного воспоминания.

Лето близилось к концу. Урожай на полях был собран, дни становились короче, а ночи — все более холодными и влажными.

Ребенок в ее чреве между тем рос день ото дня. Он шевелился так сильно, что порой будил ее прямо посреди ночи. Многие из женщин в замке уверяли Джиллиан, что она отлично переносила беременность, и они были правы. Она не стала неуклюжей или неловкой, однако не могла сидеть подолгу на одном месте, так как потом ей трудно было перевести дух.

Она часто вспоминала о брате Болдрике и Клифтоне. Ее до сих пор мучил вопрос, каким образом брату Болдрику удалось подняться со своего смертного одра и покинуть отца Эйдана. Что было у него на уме? Она до сих пор оплакивала его смерть и сильно по нему тосковала, ведь он так долго был частью ее жизни! Но в конце концов все же смирилась с его уходом.

Гораздо труднее ей было принять возможность того, что Клифтон тоже мертв. Она даже мысли подобной не допускала! Он наверняка жив и где-то в этом мире встретил этим летом свой тринадцатый день рождения. Не исключено даже, что он стал оруженосцем у какого-нибудь рыцаря, обучаясь воинскому искусству. По правде говоря, мальчик не мог бы найти для себя в этом деле лучшего наставника, чем ее муж, и Джиллиан всей душой молила Бога, чтобы так оно и произошло. О, если бы только она могла послать ему весточку о том, что он скоро станет дядей!

После своего возвращения Гарет уделял большую часть времени и сил оборонительным укреплениям замка. Стены Соммсрфилда были тщательно осмотрены и отремонтированы каменщиком, припасы собраны и заложены в амбары намного раньше обычного времени

осенней жатвы. Несколько раз она замечала, как он с тревогой всматривался в горизонт. Его рыцари ежедневно упражнялись с оружием, однако во дворе не было слышно обычных шуток и смеха. Джиллиан понимала, что он опасался угрозы извне, со стороны войск короля... или кого-то еще.

С ней он оставался неизменно внимательным и заботливым, принимая во внимание ее состояние, и всегда готов был подставить ей под ноги скамеечку или подать руку, когда она в том нуждалась. Однако Джиллиан не могла отделаться от назойливых сомнений, которые вызывали в ее душе настоящую бурю. Не сожалел ли он теперь о том, что принял ее сторону и женился на ней, чтобы спасти от короля? Не проникся ли он к ней отвращением? Ведь отныне он будет навеки обременен ребенком, которого он не хотел, и женой, которая ему не была нужна. Не потому ли он защищал ее сейчас, что этот ребенок был его собственным? А когда малыш появится на свет, что ее ждет? Ведь тогда у Гарета не останется никаких причин выгораживать ее перед королем Иоанном. Не захочет ли он избавиться от нее? Каждый его взгляд, каждое прикосновение вызывали в ее груди жаркую волну возбуждения. О да, он предавался с ней любви так же страстно, как и всегда. Она бережно хранила в душе каждую ночь, когда он держал ее в объятиях, будь то в порыве страсти или в минуту покоя. Однако он ни разу не произнес слов любви.

Если все то, о чем ей приходилось слышать, было правдой, то Гарет уже знал в своей жизни любовь настолько великую, что он никогда больше не полюбит другую женщину... не полюбит ее. Ах, как отчаянно Джиллиан пыталась уловить хотя бы малейший проблеск надежды!

Однажды днем она сидела вместе с Робби в розовом саду, закутав его полой своего плаща, чтобы мальчик не продрог.

— Я очень рад, что папа дома, — произнес он внезапно. — Когда он уехал, я так скучал!

Она поцеловала его в лоб.

— Я тоже, Робби.

Какое-то время он в упор смотрел на нее.

— Однажды я видел, как папа тебя поцеловал.

— Вот как?

— Да, — заявил он серьезно. — Вот так. — Он чмокнул себя губами в ладошку, все это время изображая на лице самые немыслимые гримасы.

Джиллиан едва подавила смешок.

— Папа любит тебя, да? Наверное, любит, раз он тебя целует.

Улыбка сразу исчезла с губ Джиллиан, а вместе с ней и часть ее веселья. Она не могла произнести в ответ ни слова, однако Робби, похоже, ничего не заметил.

— Ты ведь тоже любишь его, да?

Джиллиан не была готова к острой, раздирающей душу боли, которая пронзила ей грудь при этих словах. Однако Робби смотрел на нее по-детски невинным взором, ожидая ответа.

— Да, — прошептала она, едва справившись с комком в горле. — Я тоже люблю его. Но пусть это будет еще одним секретом между нами, Робби... пока.

Изумрудные глаза мальчика вспыхнули, и он энергично закивал головой. Джиллиан крепче прижала его к себе, едва сдерживая слезы. Сердце ее разрывалось на части...

Время родов неумолимо приближалось.

Возможно, именно этим объяснялось гнетущее беспокойство внутри Джиллиан — или затянувшимися приготовлениями замка к обороне. Так или иначе, Джиллиан просто места

себе не находила от тревоги.

В последние дни ее все чаще и чаще стал посещать один и тот же сон — сон о том, как за день до покушения на жизнь короля она услышала голоса в приемной и увидела тень человека, находившегося там вместе с ее отцом. Отец сильно разгневался на нее и кричал, что она не имеет права за ним шпионить.

Однако в действительности все произошло несколько иначе. Отец действительно сердился на нее. «Не говори об этом никому», — предостерег он ее тогда. И она действительно никому ничего не сказала, если не считать брата Болдрика.

И тут она снова увидела перед собой высоко на стене позади ее отца чью-то тень. Некое смутное воспоминание не давало ей покоя, нечто крайне важное, терзавшее рассудок. Однако, как она ни старалась, она не могла дать ему определения — ни во сне, ни при ярком свете дня.

Однажды вечером она ворочалась без сна в постели. Гарет все не ложился спать. Было уже далеко за полночь, когда ее мысли стали наконец расплываться и ее начала одолевать дремота. Но тут скрипнула дверь, и она с громким криком подскочила на постели. Однако это оказался Гарет, который наконец решил удалиться к себе в спальню. Он бросился к постели: — В чем дело, Джиллиан? Неужели ребенок...

— Нет, — отозвалась она дрожащим голосом. — До рождения ребенка остался еще почти месяц. Просто ты меня напугал.

Сильные руки сомкнулись вокруг ее плеч.

— Ты думаешь, король пришлет сюда своих ищеек, чтобы разнюхать, когда малыш появится на свет?

Она и впрямь опасалась, что Роджер Сеймур с его злобными черными глазками появится в этот самый миг у ворот замка.

— Если ребенок родится вовремя, — произнесла она нетвердым голосом, — Иоанн сразу догадается, что ты ему солгал.

Гарет погладил ее по щеке.

— Не тревожься понапрасну. Если такое и впрямь случится, я сумею с ним справиться. Однако я полагаю, у короля Иоанна сейчас другие, куда более важные заботы.

Джиллиан не была введена в заблуждение его сухим тоном. Она понимала, что он хотел ее успокоить. Тем не менее она молила Бога, чтобы ребенок родился раньше срока, ибо в своей ярости король был способен на любой безумный поступок.

Гарет разделся и улегся рядом с ней, обняв за плечи. «Не тревожься понапрасну». Если бы это было так просто!

— Гарет, — прошептала она.

— Что, моя прелесть? — Он запечатлел поцелуй на ее мягких пунцовых губах.

— Были ли какие-нибудь известия от тех людей, которых ты отправил на поиски Клифтона?

— Нет.

Вопрос был закрыт с явной неохотой. В тоне Гарета чувствовалась легкая тревога, и Джиллиан сделала над собой усилие, чтобы подавить приступ боли.

— А тот человек, который участвовал в заговоре вместе с моим отцом? Ты думаешь, король когда-нибудь его найдет?

— До сих пор его обнаружить не удалось. Либо он неуловим, как дым, либо уже мертв.

По ее телу пробежала дрожь.

— Он был с моим отцом в замке Уэстербрук за день до покушения на жизнь короля, — призналась она наконец.

Гарета потрясли ее слова. Его руки, обнимавшие ее за плечи, сразу напряглись.

— Ты видела его?

— Нет! — испуганно воскликнула она. — Они находились вместе с папой в кабинете... возможно, я заметила тень, но не более того.

— Ты же говорила, что ничего о нем не знаешь!

— Но я действительно ничего не знаю! Я его не видела! Они оба были за портьерой. Я слышала, как папа упоминал о предстоящей охоте. Когда я позже спросила его, с кем он беседовал, он рассердился на меня и строго-настрого приказал никому об этом не рассказывать. Лишь позднее я поняла, что тот человек и был вторым убийцей.

— Черт побери, Джиллиан, почему же ты не сказала об этом раньше? Неужели ты мне не доверяла? — Тут он скривил губы. — Да, пожалуй, у тебя не было оснований доверять.

Джиллиан не сводила глаз с мужа. Глядя на его мрачное лицо, она едва не зарыдала.

— Прости. Я не думала, что это имело какое-то значение. Я ведь его не узнала! Лишь недавно начала понимать, что тут кроется нечто очень важное, о чем мне бы следовало помнить. — Она глубоко прерывисто вздохнула, внутри у нее все вдруг словно оборвалось. — Гарет, умоляю тебя, не сердись! — Губы ее дрожали.

Гарет со сдавленным стоном обнял ее сильными руками и крепко прижал к себе. Она приникла губами к пахнувшей мускусом ложбинке у основания шеи и вдыхала теплый аромат его кожи.

— Я не сержусь, Джиллиан. — Он прижался подбородком к ее голове, после чего слегка коснулся губами ее виска. — Но если тебе известно что-то еще, ты должна рассказать об этом. Прошу тебя, не скрывай ничего.

И тогда Джиллиан поняла, что он тревожился за нее, за ее жизнь. Она оказалась во власти мрачного предчувствия, словно над ней скользнула чья-то зловещая тень. Она теснее прильнула к мужу. Однако даже жар его тела не мог развеять леденящий страх в ее груди.

Гарет строго-настрого приказал ей не покидать замка. Джиллиан негодовала на свое вынужденное затворничество, однако понимала, что иначе нельзя. И тем не менее ее упрямство все равно взяло верх.

Однажды вечером она решила прогуляться по крепостным стенам, примыкавшим к башне, в надежде, что прогулка поможет размять затекшие ноги, а одиночество прояснит ее ум. Когда она встала из-за стола, Гарет с хмурым видом поднял голову. Но она кивнула в сторону двери, которая выходила во внутренний двор и на лестницу, ведущую к башне. Тогда он нехотя согласился и снова обратился к людям за столом.

Воздух в тот поздний сентябрьский вечер был влажным, со следами недавнего дождя, однако полная луна уже вышла из-под серебристой вуали облаков. Порывистый ветер трепал полы плаща Джиллиан, однако ей не было холодно. В течение всего дня она чувствовала ноющую боль в спине и теперь остановилась. Подняв глаза к небу, она сделала глубокий вдох. Свежий бодрящий воздух уносил прочь гнетущую тревогу.

Тут ее охватило недоброе предчувствие. Она будто ощутила близость врага. Джиллиан медленно повернула голову, и у нее мелькнула мысль, что в конце концов она оказалась права.

Король действительно послал за ней своих ищек. Только позади нее стоял не Роджер Сеймур. То был Джефффри Ковингтон.

— Я ждал вас, миледи.

Джиллиан медленно повернулась, оказавшись лицом к лицу с врагом. Она едва слышала его слова за стуком собственного сердца. В глазах Ковингтона таилась смертельная угроза, заставившая ее похолодеть.

— Лорд Ковингтон! — воскликнула она. — Что вы тут делаете?

На его красивом надменном лице промелькнуло странное выражение, которого она не могла до конца разобрать. К ее немалому удивлению, во всем его облике присутствовал некий налет печали...

— Думаю, вы и сами это знаете, миледи.

Кровь застыла у нее в жилах.

— Вы намерены меня убить, — произнесла она почти беззвучно.

— У меня не осталось иного выбора.

У Джиллиан пошла кругом голова. Его голос выдавал грусть и почти покорность судьбе. Она облизнула пересохшие губы.

— Как вы сюда попали? — услышала она собственный шепот.

— Спрятался в повозке, которую привез сюда местный крестьянин.

В ней стремительно нарастал страх, ногти впились в ладонь. Если бы только ей удалось разговорить его... может быть, тогда кто-нибудь успеет прийти ей на выручку. Джиллиан прошмыгнула бы мимо него, однако она уже не была, как прежде, легка на подъем.

— Знаете, я следил за вами. Вы часто задерживаетесь здесь, на крепостных стенах. Ваше отсутствие обнаружат не сразу. Часовые на сторожевой башне не услышат вашего крика: ветер сегодня слишком сильный. — Ковингтон покачал головой. — Мне самому все это крайне неприятно, Джиллиан. По правде говоря, я сожалею о том, что вынужден на это пойти. Искренне сожалею.

Глаза Джиллиан вспыхнули.

— Лжец! — прошипела она. — Как вы можете сожалеть, когда служите хозяину, столь же порочному, как сам дьявол?

— Ах, миледи, вы меня не поняли! Я намерен убить вас вовсе не ради короля. Я делаю это для того, чтобы спасти собственную шею. У меня нет никакого желания болтаться на виселице, как король хотел поступить с вашим отцом.

Губы ее приоткрылись.

— Полно, Джиллиан. Уж конечно, вы сами обо всем догадались.

Глаза ее округлились от изумления.

— О Господи! — только и могла прошептать она. — Так это вы были в кабинете вместе с моим отцом? Вы и есть тот второй убийца!

— Вы все еще не понимаете, не так ли? Она ошеломленно уставилась на него.

— Нет, — отозвалась она слабым голосом. — Нет!

— Я сделал это ради Англии, — произнес Ковингтон почти ласково. — Ради блага всей страны.

— Но я не вижу в этом смысла! Вы были и остаетесь одним из ближайших советников короля.

— Да. Сначала я служил ему из преданности короне. Из той же преданности я остался

рядом с ним — и еще потому, что надеялся каким-то образом повлиять на его решения. Однако он действительно то самое чудовище, каким его считают все вокруг. Иоанн никого не слушает и не заботится ни о чем, кроме собственных интересов.

— Стало быть, вы с моим отцом сговорились убить его...

— Да. Но я вовсе не тот жестокий, бессердечный человек, за которого вы меня принимаете, Джиллиан. Я ненавижу кровопролитие. Все, чего мы хотели, — это освободить Англию от его ненасытной алчности. Мы заранее условились обо всем с вашим отцом. Единственная стрела прямо в сердце. Нам удалось отвлечь Иоанна во время охоты, и если бы его лошадь не встала на дыбы... если бы тот проклятый охранник не последовал за ним, дело было уже сделано. Однако все прошло не так, как было задумано. Охранник успел заметить в лесу две фигуры.

— И тогда вы потихоньку вернулись к королю, без сомнения, притворившись разгневанным, в то время как моему отцу пришлось бежать, спасая свою жизнь! Будьте вы прокляты! — не сдержалась она. — Вы просто трус!

— Да ладно вам! Не кто иной, как я, посоветовал королю немедленно покинуть графство, дав таким образом вашему отцу возможность бежать из леса... а позднее из замка Уэстербрук.

— Только для того, чтобы спасти свою собственную шкуру! Вы не доверяли отцу, опасаясь, что, если его схватят, он может разоблачить вас как своего сообщника!

Ковингтон широко развел руками:

— А что еще мне оставалось делать? Или вы принимаете меня за болвана? Иоанн, правда, не заподозрил меня, однако он на редкость коварен. Если бы я покинул его тогда, то тут же навлек бы на себя подозрения. Но позже я вспомнил о вас... Клифтон меня не слишком-то беспокоил, но когда я узнал о том, что ваш отец отослал вас обоих из замка, я невольно задался вопросом, не рассказал ли он вам о нашем плане убить Иоанна. Признаться, я никогда не видел короля таким разъяренным, как в ту ночь, когда ему стало известно о том, что ваш отец покончил с собой, так и не назвав имени своего сообщника. Когда король отправил Гарета с поручением прикончить вас и вашего брата, я решил, что меня никогда не обнаружат. Однако я оказался в затруднительном положении, когда, вернувшись сюда, в Соммерфилд, мы обнаружили, что Гарет взял вас под свою опеку.

— Почему же вы не убили меня тогда? — потребовала ответа она.

Ковингтон натянуто улыбнулся:

— Вы прелестная женщина, Джиллиан, и у меня не было никакого желания пятнать свои руки вашей кровью или кровью вашего брата. Кроме того, я не хотел наживать себе врага в лице вашего мужа. Когда вы оказались под крылышком у Гарета, король согласился оставить вас в покое, и я поверил вам, когда вы сказали, что вам ничего не известно о покушении вашего отца на его жизнь — и о его сообщнике тоже.

— Потому что это правда! — бросила она в ответ с горечью. — Я слышала, как кто-то разговаривал с отцом в кабинете, однако даже не предполагала, что это были вы!

— Да, но теперь уже слишком поздно, дитя мое? Только мне и вам известна правда — и теперь вы единственная, кто может связать мое имя с неудавшейся попыткой покушения.

Король поклялся найти и покарать виновного, и я **не могу** рисковать тем, что меня разоблачат. Правление Иоанна близится к неминуемому краху. Его здоровье ухудшается с каждым днем, однако я не хочу быть обвиненным в государственной измене! Даже если он умрет, у него останется немало сторонников, которые позаботятся о том, чтобы я

поплатился за содеянное своей жизнью.

— Мой отец уже лишился жизни. Это не более того, что вы заслуживаете!

— И боюсь, не более того, что ожидает вас.

— Негодяй! Мой отец погиб, выгораживая вас. Он предпочел скорее покончить с собой, чем выдать ваше имя!

— Смелый и благородный человек, — отозвался Ковингтон спокойно. — Жаль, что ему пришлось умереть такой бесславной смертью. Зрелище было довольно неприглядным, надо полагать. — Улыбка на его лице стала жестокой и циничной. — Но лучше уж он, чем я. Лучше вы, чем я.

— Но на сей раз вам уже не скрыться! — крикнула она с вызовом в голосе. — Гарет наверняка узнает о том, что вы сделали. Он выследит вас и убьет...

Ковингтон рассмеялся.

— Ваш муж даже не заподозрит, что я был здесь, — поддразнил он ее. Его взгляд упал на ее округлившийся живот, и он скривил губы. — Все будут оплакивать вашу безвременную кончину в результате падения с крепостной стены. Несчастный случай, который произошел, когда вы слишком сильно наклонились вперед. Поскольку ваше положение сделало вас неловкой, вы не сумели удержаться. Ах, — продолжал он издевательским тоном, — отсюда до земли такой долгий путь, миледи!

Тут Джиллиан не выдержала и набросилась на него. Если даже ей придется умереть от его рук, Бог свидетель, она не собиралась сдаваться так легко. Она будет бороться, кричать и сопротивляться в надежде, что Гарет услышит ее. Что он каким-то чудом появится здесь и узнает о предательстве Ковингтона. Подняв руки, она вцепилась ногтями в лицо врага. Разъяренный, он что было сил толкнул ее. Джиллиан успела извернуться, чтобы не упасть прямо на живот, однако ударились плечом о камень.

Губы Ковингтона сложились в злобном оскале, и он заревел как бык:

— Клянусь Богом, ты еще заплатишь мне за это, сучка!

Он занес над ней мощный кулак. Джиллиан приготовилась дать ему отпор, согнувшись что было сил посредине и решив во что бы то ни стало защитить жизнь внутри себя, чего бы это ни стоило ей самой.

— Я уже однажды предупреждал Сеймура о том, что он заплатит жизнью, если осмелится поднять руку па мою жену. Но ваша жизнь, Ковингтон, похоже, уже висит на волоске.

Множество чувств разом охватили ее. Этот голос был для нее дороже жизни. Гарет стоял в тени. Он все же явился за ней! Каким-то чудом он услышал ее мольбы и пришел на выручку.

В голове у Джиллиан промелькнула мысль, что у Ковингтона имелись все основания опасаться ее мужа. На лице Гарета застыло свирепое выражение, глаза казались холодными как лед, однако в глубине их пылало адское пламя.

Но тут Ковингтон резко развернулся, с усилием поднял ее на ноги и поволок за собой к неминуемой смерти. Джиллиан вырывалась как могла, однако враг оказался слишком сильным. Он держал ее как в тисках.

— Отпустите ее, Ковингтон! Ковингтон тяжело дышал.

— Вы не можете мне помешать! — воскликнул он со сдавленным смешком.

Теперь они уже находились совсем близко от края крепостной стены. Бесконечное пространство усыпанного звездами неба маячило над ней, принимая угрожающие размеры.

Страх сдавил ей горло. Джиллиан слышала одинокий вой ветра вокруг башни. Безмолвные пальцы смерти готовы были увлечь ее в пропасть. Она отчаянно сопротивлялась. Однако силы были неравны, и с каждым вздохом Джиллиан теряла силы.

Однако теперь голос Гарета раздался уже совсем близко:

— Я не позволю вам этого сделать, Ковингтон.

— Гарет! — завопила она, совершенно не обращая внимания на то, что ее голос стал хриплым от ужаса и слез.

— Я люблю тебя, дорогая.

Гарет произнес это тихо... так тихо, что его голос отнесло ветром вверх. На один короткий миг, равный удару сердца, две пары глаз — изумрудные и сапфировые — встретились, переполненные нахлынувшими с внезапной силой чувствами. Это приободрило ее. Набрав в легкие побольше воздуха, Джиллиан собрала последние остатки сил... и вырвалась из хватки Ковингтона.

Гарет не стал дожидаться более удобного случая.

Она тяжело опустилась на камень, поранив себе при этом руки и колени. Она обернулась и заметила недоверчивое выражение на лице Ковингтона. Чья-то рука вцепилась в его шею, пытаясь выдернуть украшенный драгоценными камнями кинжал, засевший глубоко в горле. Затем Ковингтон зашатался, словно пьяный, задел плечом каменный парапет стены и бесшумно свалился вниз, во внутренний двор. Раздался глухой звук от падения тяжелого тела... и затем тишина.

Пронзительный вопль внезапно расколол воздух — ее собственный, подумала про себя Джиллиан. Она снова оказалась в теплых и таких привычных объятиях. Охваченная дрожью, обуреваемая множеством эмоций, бурливших внутри нее, она едва выдавила из себя:

— Гарет! О Боже, я так боялась, что ты не придешь... что я никогда больше тебя не увижу!

Тяжело дыша, Гарет пригладил рукой спутанные пряди ее волос.

— Даже ради спасения собственной жизни я не мог бы объяснить, что привело меня сюда. Я почувствовал смутное беспокойство почти сразу после того, как ты покинула зал. — Он крепко прижал ее к груди. — Господи Иисусе, подумать только, что я чуть было тебя не потерял!

Джиллиан прильнула к нему всем телом.

— Гарет, за всем с самого начала стоял Ковингтон. Это он сговорился с моим отцом убить короля... и он же был с ним тогда в лесу.

— Я знаю, любимая. Я все слышал.

Любимая. Сердце сжалось в груди Джиллиан. Она снова приникла к Гарету, оказавшись в кольце его объятий, и жестом, который был красноречивее любых слов, коснулась его худой щеки.

— Гарет, — произнесла она нерешительно, — верно ли я расслышала тебя? Ты действительно... любишь меня?

Она почти боялась произнести вслух это слово, боялась даже вздохнуть. Однако страх этот был не чем иным, как отчаянной тоской, поселившейся в глубине ее существа, — опасением, что все это лишь только почудилось.

Из груди его вырвался не то смех, не то стон. Он поднес ее руку к губам и поцеловал в ладонь. Находясь в плену его взгляда — и в плену его рук, — она не в силах была отвести глаза.

— Да, — отозвался он хриплым голосом. — Я люблю тебя, Джиллиан. Я люблю тебя до безумия.

— И я... я тоже люблю тебя, Гарет. Бог свидетель, люблю! — Голос ее прервался. — Но как же Селеста? В тот день, когда Робби назвал меня при тебе мамой, ты вспомнил о ней! Пожалуйста, — взмолилась она, — не надо щадить меня. Ты ведь вспомнил о том, как горячо ты ее любил?

— Да, — ответил он мягко. — Но Бог мне судья, то, что я чувствовал когда-то к Селесте, не идет ни в какое сравнение с моей любовью к тебе, Джиллиан. Моя жизнь навсегда связана с твоей. Ты владеешь моим сердцем, как никакая другая женщина на свете. И если мне потребуется целая жизнь, чтобы убедить тебя в этом, так тому и быть.

Его признание едва не заставило ее заплакать от радости.

— Правда? — прошептала она.

Его глаза потемнели.

— Правда, — поклялся он.

Робкая радость переполнила вес ее существо. Подобно солнечному лучу, пробившемуся сквозь тучи, она мерцала и переливалась радужным светом, распространяя повсюду ослепительное сияние и разгоняя тени, так долго омрачавшие ее существование.

— Гарет! — Голос ее был таким же дрожащим, как и улыбка на губах. — О, я так люблю тебя! Я полюбила тебя очень давно, однако боялась, что ты никогда не сможешь ответить мне взаимностью...

— Какими же мы с тобой была глупцами, тебе не кажется?

Она улыбнулась ему сквозь слезы. Однако когда он уже готов был запечатлеть поцелуй на этих мягких, соблазнительных губах, с такой нежностью и доверием обращенных к нему, Джиллиан внезапно отпрянула назад, положив руку на округлившийся живот.

— О Боже, — пробормотала она чуть слышно, глядя на встревоженное лицо Гарета.

Глаза его вспыхнули, и он выругался себе под нос:

— Дьявольщина! Неужели этот ублюдок посмел причинить тебе вред?

В порыве ярости он едва не вскочил на ноги, однако Джиллиан удержала его.

— Нет, дело не в этом, — задыхаясь, проговорила она.

— Что же тогда? Скажи мне, любимая. — Он склонился над ней и накрыл ладонью ее руку, лежавшую поверх живота. Когда правда начала постепенно доходить до его рассудка, глаза его округлились от изумления. Рот его то открывался, то снова закрывался, что вызвало слабый смешок со стороны его жены, которая никогда прежде не видела его лишившимся дара речи.

— Любимый, — пробормотала она.

— Да? — отозвался он чуть слышно.

— Думаю, будет лучше, если я дам жизнь нашему ребенку, лежа в удобной постели, — уголки ее губ раздвинулись в едва сдерживаемой улыбке, — а не здесь, на этой злополучной башне.

Так она ему посоветовала... и так оно и случилось.

Роды оказались не такими трудными, как это обычно бывает в подобных случаях, хотя Джиллиан тяжело дышала, тужилась, извергала ругательства и лепетала бессвязно, что этот ребенок скорее всего окажется последним, которого ей когда-нибудь придется носить. Гарет все время был рядом, подбадривая ее, вытирая пот с ее лица и держа за руки, когда схватки становились особенно болезненными. И именно он первым принял их новорожденную дочку

в свои могучие объятия, после чего осторожно передал ее в нетерпеливо протянутые к нему руки жены. Джиллиан прижала маленький, жалобно попискивающий комочек к своему сердцу и прикоснулась губами к головке малютки. Волосы у девочки были темными как полночь — да и как могло быть иначе? — и Гарет увидел, как глаза ее заволокла влага, превращая их в два чистейших сапфира. Наблюдая за ней... за ними обеими, он вдруг почувствовал столь непривычный для себя комок в горле. Он понимал причину ее слез. Джиллиан так боялась, что этот день никогда не настанет, что она может не дожить до рождения их ребенка... и, Боже правый, он тоже так этого боялся!

Нс кто иной, как Робби, выбрал для новорожденной имя Мэдлин, и родители согласились с тем, что это имя подходит ей как нельзя лучше.

Третья неделя октября застала Джиллиан сидящей на скамье в главном зале с малышкой Мэдлин на руках. Была уже вторая половина дня, так что зал почти полностью опустел. Гарет вошел и опустился на скамью рядом с ней. Малышка заснула у груди матери, и он слегка прикоснулся губами к маленькой макушке. Джиллиан терпеливо ждала, ибо понимала, что муж собирался сообщить ей нечто очень важное.

Он взял ее руки в свои.

— Король Иоанн умер, — негромко произнес он. Губы Джиллиан приоткрылись.

— Как? Когда? — только и могла спросить она.

— Его поразила болезнь. Он со своим войском пытался перейти песчаные отмели возле Уоша, в том самом месте, где река впадает в море. Иоанн первым преодолел мелководье верхом на своем коне. Мне рассказывали, как он злобно требовал, чтобы остальная часть его кортежа последовала за ним, как море ревело и грохотало, когда воды прилива начали вливаться в реку. Стремительный поток обрушился на них, накрыв повозки, которые повсюду сопровождали Иоанна в его странствиях. — Губы Гарета сложились в мимолетную улыбку. — Он в ужасе наблюдал за тем, как повозки, в которых находились его бесценные сокровища — золото, драгоценные камни, даже королевская корона и скипетр, — уносило в море течением бурной реки. Все, что он ценил больше всего на свете, было навсегда для него потеряно.

Джиллиан покачала головой.

— Возможно, это было карой Божьей. Справедливой расплатой за его алчность. — Она могла жалеть его, однако никогда не станет его оплакивать. — Что случилось потом?

— Не сказав ни слова, король направил своего коня в Суайнсхед, в ближайший монастырь. Там у него открылась лихорадка. Он уже нс мог больше ехать верхом, однако торопился добраться до Ньюарка, резиденции епископа Линкольнского. — Он сделал паузу. — Некоторые утверждают, что он уже тогда находился па волосок от смерти. Другие говорят, будто он понял, что потерпел поражение и уже не сможет удержать королевство в повиновении. Так или иначе, ему уже никогда нс суждено было подняться с постели, там он и умер.

Она спокойно смотрела ему в лицо.

— И что теперь будет?

— Сын Иоанна, Генрих, отныне наш король.

— Но он еще совсем мальчик!

— Да. Король назначил Уильяма Маршалла опекуном своего сына. Полагаю, мятежные бароны предпочтут принять сторону Генриха и Маршалла, ибо он единственный человек в королевстве, обладающий достаточной силой и влиянием, чтобы дать отпор французам. Он

оставался верным Иоанну в течение всего царствования, однако в конце концов это только пойдет стране на пользу. Мы возьмем верх, Джиллиан. Я это чувствую. — Его любящий взгляд был прикован к ее лицу. Он провел большим пальцем по ее мягким губам. — Ты свободна, Джиллиан. Мы оба теперь свободны.

Она моргнула.

— Неужели? — выдохнула она, все еще не в силах поверить чуду.

Гарет обнял ее одной рукой. Все ее существо охватил прилив блаженства, и она с довольным видом потерлась щекой о его плечо. Сердце ее готово было петь от радости... но внезапно ее пронзила острая боль. Усилием воли Джиллиан попыталась совладать с ней, напомнив себе, что время для скорби миновало и что она должна быть признательна за это небесам. Они с Гаретом любили друг друга. Они гордились чудесной дочкой и таким же чудесным сыном. И лишь одна мысль омрачала в тот миг ее радость...

Если бы она знала наверняка, что Клифтон жив, ей бы больше нечего было желать в жизни.

Спустя три месяца начались заморозки. Пронизывающий ветер гнал тяжелые серые облака на восток, принося с собой все новые и новые. Однако в спальне лорда и леди Соммерфилд царило тепло, способное отогнать даже самые сильные холода, ибо оно было порождено огнем их взаимной страсти. Гарет сидел на скамье у окна, держа в объятиях жену. Она положила ему голову на грудь, а он уткнулся подбородком в ее темные волосы. Робби играл перед камином, а Мэдлин мирно спала в своей колыбельке. Они вместе смотрели в окно, как привычная суэта во внутреннем дворе замка начала понемногу стихать: день уже близился к концу.

И тут Гарет заметил две фигуры в капюшонах, появившиеся из-под высокой арки караульного помещения в сопровождении охранника. Они остановились, и охранник указал им на вход в главный зал. Люди приблизились.

— Похоже, сегодня вечером у нас будут гости, дорогая. И то правда, — добавил Гарет со смехом, — у кого хватит духу торчать подолгу на таком адском холоде? Надо заметить, они появились как нельзя более кстати, — он указал на небо, с которого начали медленно падать снежинки, — ибо готов поручиться, что к утру нас ожидает настоящий снегопад.

Еще никогда Гарет не отказывал путешественникам, искавшим приюта в его замке. Однако для него было огромным облегчением сознавать, что Джиллиан уже больше не угрожала опасность со стороны короля или его людей. Он со вздохом выпрямился.

— Как ты думаешь, стоит ли нам их приветствовать? — пробормотал он.

Джиллиан потянулась, покинув уютное гнездышко с такой же неохотой, что и он сам. Затем она повернула голову и бросила взгляд во внутренний двор, рассматривая вновь прибывших.

К изумлению Гарета, его жена вдруг издала сдавленный крик и разрыдалась.

Два гостя поднимались по ступенькам лестницы в главный зал. Почти одновременно оба откинули капюшоны. Он присмотрелся к ним внимательнее, и тут с его губ сорвалось изумленное восклицание. Ибо один из них оказался не кем иным, как братом Болдриком. А профиль другого поразительно напоминал профиль его жены...

Долгожданное воссоединение брата и сестры сопровождалось невыразимой словами радостью и обильными слезами — главным образом со стороны его жены, отметил про себя Гарет. Трудно было смотреть без волнения на эти две темные головы, склоненные друг к другу. Гарет почувствовал, как у него в горле встал комок.

Клифтон первым откашлялся и отстранился от сестры, немного смущенный, однако не слишком гордый для того, чтобы утереть слезы рукавом туники. Джиллиан тем временем уже обернулась к брату Болдрику, и по щекам ее снова потекли слезы.

А потом Джиллиан протянула дочурку **брату**.

— Мэдлин, — обратилась она к малютке, — думаю, тебе пора познакомиться с твоим дядей Клифтоном.

Клифтон смотрел сверху вниз на сверток в своих руках, на голубые глаза и блестящие черные волосы.

— О черт! — произнес он удивленно. — Она так похожа на меня!

Его сестра выглядела сконфуженной этим восклицанием. Клифтон тотчас покраснел до самых корней волос, а все остальные дружно рассмеялись, не исключая и брата Болдрика. Мэдлин зевнула, приподняв свой крохотный кулачок, и вскоре снова погрузилась в сон.

Спустя два часа они все еще сидели вместе за столом в главном зале. Джиллиан внимательно слушала, а Клифтон тем временем поведал ей обо всем, что произошло с ним с той далекой ночи, когда им пришлось бежать из замка Уэстербрук. Атуин, слуга Эллиса, отвез его к берегам Ирландии, чтобы избежать мести разъяренного короля, но увы, через несколько месяцев Алуин заболел и скончался. Клифтон нашел себе убежище в одном из монастырей.

— Кажется, — закончил он, бросив неуверенный взгляд в сторону брата Болдрика, — у меня просто нет призвания к религиозной жизни.

Все снова дружно рассмеялись — и старый монах тоже. Затем Болдрик перевел взгляд на Джиллиан:

— Мне очень жаль, что мы не могли вернуться раньше и облегчить вашу тревогу, однако у нас не оставалось иного выбора, как только ждать. Едва до Ирландии дошел слух о кончине короля, мы решили, что можем без опаски вернуться домой. — Тут он посмотрел на Гарета: — Я рад видеть, что вы сдержали свое обещание и сумели уберечь леди Джиллиан от рук Иоанна. И почему-то меня не удивляет, что ради этого вы решили на ней жениться.

Гарет взял руку жены в свою и, нежно глядя на нее, поднес к губам.

— Да, по, видите ли, я женился на ней не только по этой причине.

Клифтон покраснел, а брат Болдрик откашлялся.

— Я так и понял, милорд. — Он окинул взглядом колыбельку возле камина, где крепко спала Мэдлин, и в его выцветших глазах отразилось одобрение.

Клифтон сильно похудел после всех испытаний, выпавших на его долю, однако брат Болдрик выглядел еще более хрупким, чем обычно. Джиллиан не могла не восхищаться этим человеком, ибо только его преданность Эллису из Уэстербрука и его детям, Джиллиан и Клифтону, давала ему силу двигаться вперед, несмотря ни на что... ту неугасимую внутреннюю силу, которой обладали лишь очень немногие мужчины.

— Брат Болдрик, — не сдержавшись, заметила Джиллиан, — я до сих пор не могу поверить, что вы здесь. Я была уверена в том, что мы вас потеряли — в особенности после того, как Гарет узнал от отца Эйдана, что вы находились при смерти.

— Я тоже думал, что умру... но, как видите, не умер, — ответил он просто. — И я могу найти только одно объяснение, почему...

— Только не говорите мне, — перебила его Джиллиан с улыбкой, — что па то была Божья воля!

— Вот именно. — Брат Болдрик спрятал руки в рукава сутаны, глаза его подозрительно

заблестели.

Спустя короткое время они вес пожелали друг другу спокойной ночи. Брат Болдрик и Клифтон, что было вполне понятно, сильно устали после долгого путешествия. Гарет и Джиллиан скоро тоже удалились в свою спальню. Как только они удобно расположились в постели, Гарет коснулся ее подбородка:

— Ты счастлива, дорогая?

С сердцем, переполненным радостью, она обвила руками его шею и вместо ответа поцеловала в губы. Затем чуть отстранилась с мягкой усмешкой. Брови Гарета приподнялись.

— Что ты находишь таким забавным, женушка?

— Я просто вспомнила тот далекий день, когда мы нашли тебя на берегу, полумертвого и чудом уцелевшего.

— Ах да. Я могу понять, почему это воспоминание так тебя забавляет, — отозвался он, скривив губы.

— Брат Болдрик не слишком одобрял мое решение, когда я настояла на том, чтобы перенести тебя в свой дом. Он не был уверен в том, стоит ли тебя спасать, ведь ты вполне мог оказаться злодеем. Однако я знала, что он ошибался. Я уже тогда верила в тебя.

Глядя на нес с невыразимой нежностью, Гарет поцеловал в уголки губ.

— И во что же ты верила, дорогая?

— Я верила, что ты человек чести и долга, и оказалась права. — Ее голос понизился до хриплого шепота. — Ибо ты, Гарет из Соммерфилда, человек с верным сердцем... самым верным сердцем на свете.

Больше книг на сайте — Knigolub.net